
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
ВИЛЬНА
1869.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII—1869.

КНИЖКА VII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено Цензурою 9-го августа 1869 года. Вильна.

I.

№ 7.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ И УНІЯТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ ВЪ ЗДѢШНЕМЪ КРАѢ.

1.

Поѣздчій листъ королевскаго дворянина Андрея Терлецкаго по дѣлу о недопущеніи княгинею Анною Острожскою уніатскаго Туровскаго епископа Григорія въ имѣнія, принадлежащія православной Туровской епархіи. 1627 г.

Лѣта отъ Нарожени Сына Божого тисеча шестьсотъ двадцать семого, мѣсеца Августа девятого дня. На врадѣ кгродскомъ въ замку господарскомъ Пинскомъ въ отъѣханью его милости пана Миколая Елского, подстаростего Пинского, до суду головного трибуналного до Вилня, передо мною Петромъ Достоевскимъ, судьею кгродскимъ Пинскимъ, отъ ясневелможного его м. княжати Юрья Корыбутовича Збараского, каштеляна Краковского, старосты Пинского и Сокалского, установленымъ, постановившисе очевисто его м. п. Андрей Терлецкій, дворанинъ его к. м. и ене-

ралъ его кор. м. повѣту Пинского Яковъ Островскій и возный тогожъ повѣту Пинского Михайло Олпенскій и шляхта сторона, имены нижей менованые, устне сознали и того сознанья листъ поѣзду своего до мѣста Турова, за зосланьемъ его к. м. для поданья въ держанье въ Бозѣ велебному его милости отцу Григорью, епископу Туровскому и Пинскому, епископіи Туровское, ку записанью до книгъ кгродскихъ Пинскихъ, положили въ тые слова: Я Андрей Терлецкій, дворанинъ его к. м., ознаймую симъ моимъ поѣздовымъ листомъ, ижъ што его к. м. писать до мене рачилъ, ознаймуючы, же велможная ее м. княжна Анна на Острогу пани Яновая Каролевая Ходкевичовая, воеводиная Виленская, гетмановая великого князства Литовского, водлугъ данины и привилеевъ продковъ его к. м. въ Бозѣ велебному отцу Григорью, епископу Туровскому и Пинскому, зъ давныхъ часовъ отъ продковъ королей ихъ мил. на церковь и епископію Туровскую и Пинскую наданыхъ и фундованыхъ, подати и поступити не хочеть, о чомъ писавшы до ее м. листъ упоминалный, абы тые добра, до епископіи Туровское и Пинское наданые, черезъ мене дворанина его к. м. подала и поступила, розказуючы мнѣ его к. м. тымъ листомъ своимъ, абымъ я за тымъ листомъ упоминалнымъ и привилеемъ его к. м. въ Бозѣ велебному его м. отцу Григорью, епископу Туровскому, на тую епископію наданые, въѣхавши порадкомъ права посполитого, тую епископію зо всими добрами, ведлѣ фундушу продковъ его к. м., его м. отцу епископу Туровскому въ моцъ, въ держанье и у спокойное уживанье подалъ, о чомъ всемъ ширей въ листѣ его к. м. упоминалномъ до еи м. пани воеводиной Виленской и до мене дворанина его к. м. писаномъ, есть описано и доложоно. А такъ я Терлецкій, дворанинъ его к. м., чинечи

досить росказанью и листу его к. м. а згажаючысе съ правомъ посполитымъ, въ року теперь идучомъ тисеча шестьсотъ двадцать семомъ, мѣсеца Августа четвертого дня, водлугъ права посполитого маючи при собѣ енерала повѣту Пинского пана Якова Островского и возного тогожъ повѣту Пинского пана Михала Олпенского и пети шляхтичовъ въ томъ же повѣтѣ Пинскомъ оселыхъ—пановъ Павла, Григорья и Василья Ляховичовъ—Плотницкихъ и пановъ Гаврыла и Ивана Островскихъ—на року по положенью копіи съ того менованого листу его к. м. упоминалного до еи м. панеи воеводиное Виленской писаного во имѣнью—замку Туровѣ положонымъ, въ чотыры недѣли припаломъ, зъ самымъ въ Бозѣ велебнымъ его м. отцемъ Григоріемъ Михайловичомъ, епископомъ Туровскимъ и Пинскимъ до мѣста Турова для поданья водлугъ листовъ и привилеевъ его корол. м. зъѣхалъ и впередъ до замку Туровского возного пана Михайла Олпенского и двохъ шляхтичовъ есми послалъ, ознаймуючы, ижемъ за листами и привилеями его к. м. на поданье въ держанье и уживанье его м. отцу Григорью, епископу Туровскому и Пинскому, епископіи Туровское и добръ до нее принaлежачыхъ пріѣхалъ, гдѣ бывшы помененый возный и шляхта то мнѣ дворанину ознаймилъ, ижъ въ томъ замку Туровскомъ будучы менуючи се Янъ Ружинскій повѣдилъ, ижъ росказанья таковогo отъ еи м. панеи воеводиное Виленское, панее моее милостивое, панъ мой староста Туровскій не маеть, абы его м. отцу епископу Туровскому и Пинскому епископію Туровскую и добра до нее належачіе мѣлъ поступовати и за прійстьемъ его милости пана дворанина его корол. м. ширшее мовенье отъ его милости пана старосты Туровского будетъ подано; зачымъ кгды я, дворанинъ, зъ менованымъ его м. отцемъ епископомъ Туровскимъ

и Пинскимъ, также зъ меноваными: енераломъ, возным ъ и шляхтою и зъ ихъ мил. паны пріятелы, зъ его милостью отцемъ епископомъ на тотъ часъ будучыми, до замку Туровского ишолъ, гдѣ великое множство людей въ улицы и на мосту замку Туровского зъ розныиъ оружьемъ было, межи которыми озвавшисе и менуючи се Сасинъ Кременскій, енералъ повѣту Пинского, подалъ до мене дворанина цедулу, въ тые слова писаную: *) М. Г.! Ваша милость изволили прибыть въ Туровъ, въ имѣніе ея милости Анны, княжны Острожской, жены Виленскаго воеводы и гетмана В. К. Литовскаго Кароля Ходкевича,—изволили прибыть въ званіи королевскаго дворянина, на основаніи королевской грамоты, выданной Пинскому епископу Григорію Михайловичу, который домогается извѣстныхъ имѣній, пожертвованныхъ будтобы Туровской епископіи королями. Но еслибы на основаніи заочной жалобы или просьбы принуждены были отдавать свои имѣнія кому либо иному члены знаменитой и древней фамиліи, которые по наслѣдству отъ предковъ суть вѣчные владѣтели своихъ имѣній, пожалованныхъ имъ королями въ полное владѣніе за великія заслуги, храбрость и отвагу, утвержденныхъ сеймовыми конституціями и самою давностію владѣнія, то такой поступокъ короля дѣлалъ бы ущербъ правамъ и шляхетскимъ вольностямъ,—въ такомъ случаѣ нарушались бы всѣ пожалованія, происходилъ бы ущербъ въ пожалованіяхъ и владѣніяхъ имѣніями каждаго изъ шляхетскаго народа, всякій былъ бы не хозяиномъ своей собственности, а невольникомъ. Такъ какъ упомянутый Пинскій епископъ, недавно поступивъ на Пинскую епископію, вопреки сеймовымъ конституціямъ незакон-

*) Далѣе слѣдуетъ переводъ съ Польскаго.

но вторгается въ наслѣдственныя имѣнія княжны Острожской, производитъ и хочетъ производить безпокойства изъ за ея собственности и намѣревается причинить убытокъ и чрезъ то нарушаетъ въ государствѣ ограждаемый сеймовымъ постановленіемъ покой, то поэтому отъ имени ея милости я протестую предъ вашею милостію, предъ вознымъ и шляхтою, и требую удовлетворенія, положеннаго въ законѣ и сеймовыхъ конституціяхъ. При этомъ Виленская воеводиная оставляетъ за собою право жаловаться на такіе поступки, нарушеніе правъ и вольности шляхетской, на сеймѣ королю его м. и Речи Посполитой и—хлопотать объ опредѣленномъ сеймовыми конституціями взысканіи съ Пинскаго епископа Григорія Михайловича и стараться о защитѣ отъ него. Своихъ собственныхъ наслѣдственныхъ имѣній Виленская воеводиная никому не уступаетъ и не обязана уступать. Это заявленіе я подаю чрезъ вознаго вамъ, какъ королевскимъ посланцамъ. Извольте ваша милость приказать внести это въ вашъ поѣздчій листъ; гг. возные по своей обязанности должны занести все это въ книги. Такъ какъ ихъ милость домогались того, чтобы это заявленіе представлено было имъ съ собственноручными подписями, потому что это произошло во время отсутствія г. старосты, а не просили о томъ, чтобы подписалась сторона, то, такъ какъ это происходитъ правильно, поэтому при возномъ подписуюсь я Янъ Ружинскій.—И при поданью тей цедулы менованый Янъ Ружинскій повѣдилъ, ижъ мы о бытности вашей м. ажъ о дню пятничномъ сподѣвалисмы се и прошу зъ годину якую, рачьте в. м., почекать на пріѣздъ пана старосты Туровского, который недалеко отъѣхалъ; зачимъ межи иншими пріятели его м. отца епископа Туровского и Пинского будучы пріятель его милости панъ

Кгабріель Славута повѣдилъ, ижъ при поданью тое цедулы слышу мовенье того пана Ружинского, же о бытности в. м. ажъ о дню пятничномъ сподѣвали се, просечы, абы ваша милость зъ годину якую рачилъ почекать на пріѣханье пана старосты Туровского. Я теды доводечи того, ижъ дня съ ненешнего чотыры недѣли по положенью копеи зъ листу его кор. м. упоминалного о уступенье епископіи Туровское его м. отцу епископу Туровскому и добръ до нее належачихъ припадаеть, показую в. м. выписъ съ книгъ кгродскихъ Пинскихъ въ датѣ року тисеча шестьсотъ двадцать семого, мѣсеца Іюля двадцатого дня, съ сознанья возного положенья копіи зъ листу его к. м. тутъ въ Туровѣ, за тымъ и привилей его к. м. данины того епископства Туровского и добръ до нее належачыхъ его м. отцу епископу Туровскому въ датѣ року тисеча шестьсотъ двадцать шостого, мѣсеца Іюля двадцать нервого дня, у кгроду Берестейского и Пинского актикованый и, яко пріятель его м. отца епископа Туровского, при особѣ его м. пытаю, естьли за тою цедулою его м. тое епископіи и добръ до нее належачихъ увезанья боронятъ чили поступуютъ? На которое мовенье пана Славутына панъ Ружинскій повѣдилъ, ижъ именемъ ее м. пани воеводиное Виленское вашей милости, пане дворанине, въ тую епископію Туровскую увезанья броню и не поступую, и абысь в. м. ее м. никоторого безправя чинити не рачилъ, прошу. А очекиваючи я, дворанинъ, на пріѣханье урядника Туровского, кгдыжъ вже въ чолнѣ былъ, тотъ Янъ Ружинскій пришовши до мене повѣдилъ, ижъ дей пана старосты Туровского нѣтъ и не будетъ и якомъ первѣй именемъ ее м., пани воеводиной Виленской увезанья у епископію Туровскую боронилъ и теперь броню и не поступую; а панъ Славута именемъ его м. отца

епископа Туровского и Пинского, за непоступенемъ тое епископіи Туровское и добръ до нее належачыхъ,— о зневаженье зверхности его к. м., мене дворанина и особы его м. отца епископа Туровского, также и о шкоды сорокъ тисечей копъ грошей Литовскихъ и о заруки, въ привилеяхъ въ листѣ его к. м. описаные, мною дворяниномъ,—енераломъ, вознымъ и шляхтою на ее м. пани воеводиную Виленскую свѣтчилъ. Я дворанинъ его к, м., за таковымъ бороненьемъ и непоступеньемъ отъ ее. м. пани воеводиное Виленское, увезанье у епископію Туровскую и добръ до нее належачыхъ его м. отцу епископу Туровскому и Пинскому чинити не моглемъ. И того всего, што се колвекъ дѣяло, даю его м. отцу епископу Туровскому и Пинскому сесь листъ поѣзду моего съ печатью и съ подписомъ руки моее и съ печатьми и съ подписами рукъ енерала и возного и шляхты, кто зъ нихъ писати умѣлъ. Писанъ у Пинску, року тисеча шестьсотъ двадцать семого, мѣсеца Августа осмого дня. У того листу печатей осмъ и тры подписы рукъ въ тые слова: Andrziey Terlecky, dworzanin Krola Jego Msci. Яковъ Островскій, енералъ его королевское милости повѣту Пинского рукою власною. Михайло Олненскій, возный повѣту Пинского, рукою власною. Который листъ—сознанье дворанина его к. м., енерала, возного и шляхты, за прозбою посланца его м. отца епископа Туровского и Пинского, до книгъ городскихъ Пинскихъ записано есть и сесь выписъ съ книгъ подъ моею судьиною печатью и съ подписомъ руки писарское его м. отцу владыцѣ есть выданъ. Писанъ у Пинску.

Писанъ на двухъ листахъ. Остались слѣды тисненой печати. Подпись писаря русская.

2.

Актъ передачи Іоакимомъ Мороховскимъ священнику Косовицкому Здитовской церкви, послѣ бѣгства православнаго священника, съ выписью фу. душевой записи на эту церковь владѣльцевъ имѣнія Здитовскаго Гуриновъ 1502 г. 1596 г.

Азъ Іоахимъ Мороховскій, чина святого Василія Великого, намѣстникъ и судія посполитый Володимирской и Берестейской епископіи, протопопа Кобрынскій, ознаймую симъ листомъ подавчимъ всѣмъ, кому теперь и на потомные часы вѣдати треба будетъ или сей листъ мой чтучь посмотрѣть во онъ прилучится,—что азъ вышъ мененный и за грамотою—инвеститурою Боголюбивого, зъ подписомъ руки его милости, Ипатія Потѣя, епископа Володимерского и Берестейского, года мимо перешедшого тисеча пятисотного деветьдесятого нятого, мѣсеца Декемврія десятого дня, освященному отцу Іоанникію Косовицкому, попу Здитовецкому, епископіи Берестейской протопопіи Кобрынской, во имѣнію Здитовецком дѣдичномъ посполитомъ ихъ милости Гурыновъ Здитовецкихъ и прочихъ землянъ тогожде имѣнія, дворовъ и селъ Здитовецкихъ, а въ части продажно его милости Адаму Потѣю, бывшему каштелянич Берестейскому, а нинѣшному Ипатію, епископу Володимерскому и Берестейскому, а по немъ ихъ м панами Иваномъ и Петромъ Потѣями — каштелянич чами Берестейскими, сынами вышъ мененного епи скопа, държимой и Завышинской реченной, церков Здитовецкую со всѣмъ описаннымъ имѣньемъ, груі тами, сѣножатми, борами, дубровами, зарослями, дв рами и селми ерархійными, до тоей церкве храм

святого Великомученника Никиты, а его милостью паномъ Иваномъ Гурыномъ Здитовецкимъ уфундованой, надаными и здавна належачими, въ уживанье и въ державу поручилъ и за другимъ листомъ его м. вышъ мененного Ипатія епископа, ко мнѣ зъ Купечева, дня одинадцатого тогожде мѣсяца предреченного, написанымъ и мнѣ до руки ко смотрѣнію положеннымъ, чтобы азъ вышъ мененный Мороховскій зъ обдады моей намѣстниковской и протопопской Кобрынской, почто Сергѣй Ивановичъ, попъ Здитовецкой а протопопъ Кобрынскій, не будучи послушный его м. Боголюбивому епископови вышъ мененному Ипатію Потѣю, а въ роздорствіи восточнымъ Греческомъ Фотіанскомъ, а не въ соединенін вселенскомъ римскаго архіерея обрѣтаючійся со женою Уліанною и дѣтми, и много имѣнья тоей церкве Здитовецкой, сребра, злата, рызъ, книгъ, чашъ, кадильницъ, обрусовъ и прочія, которыя его м. Иванъ Гурынъ Здитовецкій накладомъ своимъ, а найбольшей его м. нынѣшній Ипатій и бывшій Адамъ Потѣй, будучи паномъ и дѣдичомъ той части Здитовецкой, имѣня Здитовецкого, колико тая церковь жедала, былъ надалъ и накупилъ, и листы — фундата тоей церкве, вышъ мененной, здавна наданные и описанные зъ собею забралъ, а тотъ вышъ мененый епископъ Ипатій тое отъ сыновъ своихъ Ивана и Петра Потѣйовъ, что попъ Здитовецкій Сергѣй утеклъ и звоновъ пять тоей церкве въ рѣцѣ Мухавцѣ затопилъ, учулъ, и мнѣ вышъ мененному въ тое все посмотрѣть и оглядать своимъ листомъ, а что въ церквѣ обрѣтается и грунты церковные, которые онъ держалъ и уживалъ, и на которомъ мѣстѣ что засѣвкомъ на оныхъ занято и засѣяно, огледать и описать, розказалъ, а тому попу Іоаникію Косовицкому въ семъ листѣ моемъ описать и оному въ дер-

жаніе подать и уживать приказалъ, а пановъ землянъ тыхъ дворовъ Здитовецкихъ имѣня и оныхъ мужиковъ чтобы мнѣ указали, а ктобы мѣлъ таковые листы въ своихъ дворахъ, чтобы мнѣ ко смотрѣнію и чтити положилъ. Азъ мененый Мороховскій все тое крѣпко и прилично разсмотрѣлъ, описалъ и сему отцу вышъ мененному Косовицкому, попу Здитовецкому, поручилъ. А на тое мое розказанье гды панове земляне и дѣдичы имѣнья Здитовецкого зъ розличныхъ дворовъ и зъ своими мужиками стали и паны Гурыны Здитовецкіе, внуки его милости Ивана Гурына, который сію церковь уфундовалъ и грунты надалъ и сѣножаты, а мяновите панъ Семенъ Гурынъ Здитовецкій межу своими листами переписку фундата и листъ тоей церкве вышъ мененной, который слово въ слово одъ попа Савы переписанный его рукою подписанною и листы дѣда оныхъ Ивана одданыя положилъ, и зъ своими братами Никономъ и Юркомъ, что тая переписка есть истинная, а не лгучая, и что опые тую въ своихъ листахъ изабрали, поприсегли. То и азъ оную присягу принялъ и тую переписку фундата церковного въ сей мой листъ подавчій уписалъ и слово отъ слова, якъ ся въ собѣ маетъ, переписалъ и разсудилъ. А сія переписка въ тые слова писана: А се я Иванъ Гурынъ Здитовецкій, сынъ Микитинъ слуги господарского зъ матере Хими, зъ женою своею Грипиою, маючи имѣнье мое въ повѣтѣ Берестейскомъ, Здитовецъ реченное, мѣстами господарскими Кобрынъ отъ востока а Берестемъ отъ запада, егда по обухъ сторонахъ, отъ юга и сѣвера, рѣки Мухавца, на двѣ или болѣй мили разлеглые и лежачые въ своемъ обрубѣ зъ грунтами и польми оромыми, хмызами, зарослями, болотами, лѣсами, дубровами, багнами, бортями, грудами, островами, затоками, такъ въ себѣ шерокое и долгое,

яко тилько за единъ день по обоихъ сторонахъ Мухавца одъ мѣста реченного Рова и до тогожъ мѣста вокругъ жеребьемъ объѣхать и окружить моглъ и знаки на границу позакладалъ, что мнѣ и господаръ его милость Польскій и князь Литовскій великій тое имѣнье, Здитовецъ реченное, въ заслугахъ отцовскихъ мнѣ во вѣки и на неодзовные часы даючи и наддаючи, жеребьемъ за еднымъ днемъ окружить и знаки починить розсказалъ, то я тое все, якъ онъ мнѣ приказалъ, истино сотворилъ, исполнилъ и еднымъ днемъ одъ свитанья до смерканья собѣ объѣздилъ и державу принялъ, а тое имѣнье мое Здитовецкое маеться но оба полъ Мухавца рѣки на миль четыры и болѣе поперегъ, а вдолжъ рѣкою тягнучи на миль четыры надъ Мухавцемъ и въ своемъ мѣстѣ лежитъ, которое се я вышъ мененной Иванъ Гурынъ имѣнье мое маючи отъ вышней Десницы Божьей и благословенья отца моего Микиты, который мене благословилъ, и, что мнѣ чинити, казалъ, тое я все подлѣ его розказанья робилъ и крѣпко постерегаючи сохранилъ, бо мнѣ имѣнье Богъ подлѣ того обдарилъ. Напередъ въ честь и славу Сотворителя моего и Пресвятой Дѣвы Маріи, Матере Христовой и въ славу святого Великомученика Микиты недалеко Рова гоновъ и волокъ килькanатцать надъ рѣкою Мухавцемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ се я Иванъ Гурынъ Здитовецкій, тое имѣнье вышъ мененное объѣжджаючи Здитовецкое, надъ рѣкою Мухавцемъ спочивалъ, грунтъ и землю Богу оддалъ и на немъ церковь храма святого Великомученика Микиты уфундовалъ, а тая церковъ, одъ Рова идучи ку западу, надъ тоеюжъ рѣкою Мухавцемъ стоитъ, до которой и попа Саву съ женою и дѣтми при собѣ трималъ, а тотъ попъ Сава у мене ѣлъ и пилъ и одежду мѣлъ, а мнѣ въ церкви уфундованой и людемъ, моимъ подданымъ

Обѣдню служилъ; а потымъ колибъ онъ себѣ и женѣ и дѣтемъ свое имѣнье и грунты фундаты мѣти моглъ, съ того имѣнья моего вышъ мененного Здитовецкого на вѣчные а неодзовные часы грунтовъ—поль оромыхъ и неоромыхъ, зъ лѣсами, борами и зарослями, бортями, болотами, дубровами, сѣножатми, островами, якъ ся въ собѣ маютъ, даю, дарую и въ будущія вѣки и 'лѣта записую волокъ или земль двѣ. Першую по семъ боку рѣки Мухавца, гдѣ церковь стоитъ, си есть одна волока, которая починается отъ жерла рѣки и водотечи со затоками рыбными, одъ юга идетъ къ сѣверной сторонѣ, вдолжъ на четверть мили по дорогу и передѣлъ, Матѣевичъ названую, которая зъ Кобрыня ку Берестьеви тягнется, а въ поперекъ на загоновъ пятдесятъ, а сей загонъ маетъ и повиненъ быть закроевъ семи, одъ рѣки Мухавца ажъ на передѣлъ вышъ мененный и описаный межи грунтами и землями или волоками моими, посередъ Рова и Нечамницы, одъ Рова на кильканатцать и одъ Нечамницы на килькадесятъ и большъ земль моихъ и волокъ моихъ имѣнья моего Здитовецкого въ своихъ межехъ обонъ нолъ просто идучихъ зъ сѣножатми, бортями и зарослями, якъ ся въ себѣ маетъ, и операетса и кончится; къ тому и тамъ же при той волоци, зъ стороны западной, ку угломъ и Нечамницы идущей на прыселеніе дяку, дзвоннику и проскурнику и на кимитиръ церковный, гдѣ церковь уфундованая, одъ рѣки и болота рѣчного Мухавецкого грунтъ и волока идетъ вздолжъ на гоновъ двои и поперокъ двои къ западу выдѣляю; къ томужъ прыселенію грудъ Файбишовъ зъ болотомъ и сѣножатми и затоками, тонями, плесами, по рѣку Мухавецъ, около того груда и островка кругомъ идущая на пашу томужъ попу Савѣ и наслѣдникомъ его надаю и записую. И по другомъ боку рѣки Мухав-

ца на Бѣлыхъ Курахъ за Нечамницею, межи Петровичами и Антоновичами, другую землю или волоку на туюжъ церковь Здитовецкую симъ листомъ моимъ вѣчнымъ фундатомъ тому попу Савѣ и будущимъ попомъ Здитовецкимъ даю, дарую и записую, которая се волока другая починается одъ тоежъ рѣки Мухавца и мѣста названого Горбасовъ островокъ одъ жерела рѣчного, западу лѣтного къ востоку зимовому, а по мѣсто и передѣлъ, названый Копище надъ стругою и болотомъ Скорода, вздолжъ на четверть мили, можетъ большъ буде ихъ зъ сѣножатми, лѣсами, багнами, бортями, якъ ся въ собѣ маетъ и обрѣтается, затоками водными и рыбными, опирается, въ поперокъ на загоновъ чотыредесяти пяти, а сей загонъ или града маетъ мѣти въ собѣ но закроевъ седми такъ, якъ и першая, межи моими грунтами и землями и мужиковъ моихъ, въ своихъ межахъ просто тягущаяся, со всѣмъ, что въ ней изобрѣтается. Которыхъ то земль двѣ повиненъ попъ Сава и но немъ будущіе попы суть вольные уживать, пожитковъ себѣ шукать, а за мене Бога молить. До которыхъ грунтовъ вышъ мененыхъ никто зъ наслѣдниковъ моихъ, си есть дѣти, внуки и правнуки и иные потомки мои, и ктобы коли за якимъ правомъ, или дѣтей моихъ или внуковъ моихъ, или сродниковъ моихъ, листомъ и записомъ тое имѣнье Здитовецкое трималъ и уживалъ, тыхъ двохъ земль волокъ церковныхъ во вѣкъ вѣка неодзовне николи, никакоже дерзнетъ одбирати, замѣнити и удиратися до нихъ, для чего се я Иванъ Гурынъ Зоитовецкій не по розныхъ мѣстахъ, но одну въ одномъ, а другую въ другомъ мѣстѣ и въ своихъ межахъ и передѣлахъ надалъ, описалъ и межи поробить розказалъ, и никто тыхъ передѣловъ и межъ рушить не маетъ, оно якъ воны по обоихъ сторонахъ одъ рѣки Мухавца одъ тойже рѣки начина-

ются, а кончиться мають по свое нередѣлы вышъ мененные и описанные, си есть нершая по Матіевичъ, а другая по Копища, якъ се вышъ написало и описало; оные грунты церковные двѣ земле, рекше волоки, Здитовецкіе и зъ приседленьемъ вышъ мененнымъ церковнымъ проскурниковскимъ, звонниковскимъ и дяковскимъ, по которые до облады и разсуденья, кого принять и тримать, до попа вышъ мененного и намѣстниковъ его прииалежитъ Здитовецкихъ. Къ сему томужъ попу Савѣ и наслѣдникомъ оного симъ листомъ фундатомъ моимъ во всемъ имѣнью моемъ, которое въ своемъ крузѣ и передѣлахъ вышъ описанныхъ знайдуется, и се я Иванъ Гурынъ Здитовецкій наданное мнѣ и дѣтямъ и внукамъ и наслѣдникамъ моимъ маю я зъ ласки господарсяой—Здитовецкимъ, а колибъ оно и на рожные дворы подѣлено быть могло,—въ того имѣнья моего дубровахъ, зарosляхъ, пущахъ, дрова и огорожу рубать, рыбы въ рѣкахъ ловить, и млынахъ, гдѣ ся знайдують и колико знайдоватися будутъ или фундованыи станутъ, безъ осыпу и платы молоть, а толику соколовъ и бобровъ не бить, ани ловить; бо тое все на дворъ господарскій прииалежить. Тотъ же попъ мененный и наслѣдники его Здитовецкіе мають у борахъ и пущи дерево и дубину стинати на свою потребу суть вольные, и подлѣ своего угожденья винницу тримать, медъ, пиво и горилку робить суть вольные, сесь понъ Сава и наслѣдники его Здитовецкіе; а зъ двора моего и колибъ коли много оныхъ быть могли до всего имѣнья Здитовецкого вина на обѣдню мѣрокъ десять и пудъ воску на свѣчи и елея древяного пять мѣрокъ на всенощное бдѣнье и на проскуру пшеницы двѣ бочки маетъ непрестанно годъ по году сему попу Савѣ и наслѣдникомъ оного доходить, а одъ людей подданыхъ моихъ со всего имѣнья Здитовецкого, что годъ,

единымъ днемъ попу робити зъ хаты на волоки церковные доходить прилично, назначаю и утвержаю на потомные часы, надаю и дарую и приказую,—зъ ралюмъ или серпомъ, дѣло господарское. А на празники и кермаши при церкви на святого Никиты а Ивана и Григорья, бо въ тотъ часъ прощенье быти маетъ церквѣ Здитовецкой одъ архіерея, попъ Сава и наслѣдники его на приседленью церковномъ медъ, пиво и горѣлку людямъ шинковать суть вольные, до чего дворы мои утручаться не будуть и торговое отъ купцовъ на тогожде попа на кадило и плахты ему и женѣ на потомные часы будетъ належити и онъ будетъ одбирать, а церковь зостарилую направлять, нову въ потребѣ будовать и накладомъ оглядать, книги, дзвоны, которыхъ се я Иванъ Гурынъ Здитовецкій пять купилъ и надалъ, зъ двора моего имѣня Здитовецкого должно есть въ потомные часы достарчать. Сыномъ, внукомъ и наслѣдникомъ моимъ и всимъ державчимъ тое имѣнье мое Здитовецкое подъ судомъ Божимъ и утратою хвалы Его и спасенія вѣчного приказую и заклинаю, въ чемъ всемъ епископъ Берестейской опеку и старане и доглядъ мѣти будетъ, а поповъ до тоей церкве и епархіи всего имѣнья моего, якъ ся въ себѣ маетъ Здитовецкое, наслѣдники и державчій оное епископу Володимерскому и Берестейскому ку утвержденію оного презентовать будутъ. А ктобы сему листови фундатови моему въ чемъ кривду чинилъ, оного ламалъ, грунты одбиралъ и что въ немъ описаное не звважалъ, поповъ Здитовецкихъ вредилъ,—таковыхъ и таковаго на старшный судъ Божій и второе пришествіе позываю, на семъ свѣтѣ да будетъ проклятъ великою клятвою святыхъ, отцевъ триста осминадесять, иже въ Никеи собраныхъ, и къ тому, кто бы дерзнулъ противко сего фундата моего поступо-

вать, тую церковь подвижать и поповъ вредить, епископъ Берестейскій того маетъ постерегать, до суду позывать и всего хоронить. А се я Иванъ Гурынъ Здитовецкій всякого суду смиренно молю, абы ни въ чемъ мой сесь листъ повреденія не моглъ мѣти, а каждый крывду чинячій зъ наслѣдниковъ моихъ, держачихъ тое имѣнье за якимъ кольвекъ листомъ моимъ или наступниковъ моихъ, тоей церкве и попомъ, заруки на замокъ половину Берестейскій, а другую на владыку и попа маетъ заплатити четыры тисячи копъ Литовскихъ и до суду жадного первѣй приступить не воленъ будетъ, ажъ упервше заплатитъ, а заплативши тотъ мой листъ фундатъ во всемъ и со всѣмъ во своей силѣ маетъ зоставать, которое се я далъ и написалъ и при владыцѣ Берестейскомъ у суда земского Берестейского, призналъ и на тое заприсягъ въ замку Берестейскомъ передъ судями. До которого листу тотъ же судъ свою печать судовную приложить розсказялъ, а се я вышъ мененный оного на утвержденіе подписомъ руки моей утвердилъ. Писанъ въ замку Берестейскомъ, лѣта Божого Нарожденя тисяча пятсотного второго, мѣсяца Генваря петнатцатого дня. у тоей переписки подпись сими словы написано: Иванъ Гурынъ Здитовецкій рукою своею. А на томъ сіе (есть?) мѣстце печати висящой А потомъ лѣта Божого Нароженя тысяча пятсотъ пятого, мѣсяча Мая пятого дня, на моленіе его милости пана и добродѣтеля моего Ивана Здитовецкого сію переписку фундата одъ него даного и на651менѣ пергаменѣ писанного слово въ слово на семъ листѣ оддаю до листовъ его: Сава свещенникъ Здитовецкій своею рукою. А паны земляне и дѣдичи того имѣнья Здитовецкого, а меновите паны ихъ милость Иванъ и Петръ Потѣове, сыны его Боголюбивого вышъ мененного Ипатія епископа, въ части За-

винницкой, и паны Өедюшки, въ части и дворѣ Громовщины, Сенковичи Зарѣцкіи зъ своими потомками одъ своихъ частей и дворовъ и свое листы записы, а меновите дѣлъ лѣта Божого Нарожения тисяча пятсотъ шестьдесятъ девятого, мѣсеца Августа дванадцатого дня, во своихъ домѣхъ тримаючи, зъ тогожъ моего розказаня и принужденя подъ клятвою вѣрне положили, а зъ паномъ Симеономъ Гурыномъ вышь мененымъ Здитовецкимъ, что якъ тая переписка вышь въ сесь мой листъ подавчій описана— истино и вѣрно, такъ и оныхъ листы, а меновите дѣлъ вышъ мененной, суть правдивые, симъ же образомъ, которымъ панъ Семенъ учинилъ, поприсягли. Въ семъ дѣлѣ вышъ менованнымъ сіе слова обрѣтаются: а попу на церковь маетъ быти вымѣрено зо всего имѣнья нашего посполитого двѣ волоки; по одной сторонѣ Мухавца волока. а по другой другая волока. То и азъ вышъ мененный Іоахимъ Мороховскій зъ облады моей и за листами его епископскими тые волоки и на оныхъ засѣвки, при оныхъ же панахъ земляпахъ предреченныхъ и дѣдичахъ имѣнья Здитовецкого, и ихъ мужикахъ подданыхъ огледалъ и онымъ же Силѣ Петруку Шехлейкомъ и Ивана зъ Михаломъ и Гаврыломъ Пантюховцами, Грышкомъ Баковцемъ, Ничипоремъ Рогознянцемъ, Антономъ Дягеловцемъ, Шимкомъ Сехновцемъ и прочими до тогожъ имѣнья Здитовецкого и церкве належачими въ тые слова, что тые волоки здавна подлѣ свого листу и фундаты его милости пана Ивана Гурына Здитовецкого въ своихъ межахъ и границахъ и стѣпахъ отъ рѣки по обонъ полъ Мухавца, одна по Скороду и Копища, а гругая по стѣну Матіевскую и гостинецъ, до Сѣхновичъ идучи, опирается, якъ здавна знайдовалися и теперь до тыхъ же мѣстъ опираются, и оныхъ Сергѣй попъ Здитовецкій никому ни

продалъ, ани заставилъ, и межи ни одъ кого не нарушенныи знайдуются. При тыхъ же двохъ волоках присягу тѣлесную назначивши и выслухавши онук въ сесь мей листъ подавчій, яко вышъ мяненно, описавши, по тойже присяжѣ пановъ вышъ мененных на листѣ и сію переписку фундата и подданыхъ н тыежъ грунты и сѣножати, тыежъ волоки, при всѣх вышъ мененныхъ панахъ землянахъ и оныхъ подданыхъ, а для лѣпшого на вѣчные часы доводу правды вздолжъ и поперокъ симъ образомъ; въ приседленю волока одъ рѣки Мухавца одъ юга ко сѣверу тогнется на гоновъ четыредесяти пяти, а сіи гоны въ собѣ маютъ аршиновъ тридцать, а сесь аршинъ великихъ перстовъ или цалей сто, си есть лактей четыре, въ собѣ обрѣтаетъ, а опирается п вышъ мененную граничу Матіевскую, а впоперок въ преседленю самая волока маетъ мѣти подлѣ пс мѣру моего, при панахъ земланахъ учиненного, подлѣ его листу описаного, вышъ менованой мѣр гоновъ двое, а на приседленю—церковное на дяк проскурника и звоника ку западу слонца подъ двор Завыщинщину, гдѣ теперь панъ Иванъ и Петръ Потѣ каштеляничы Берестейскіе, живутъ, зъ грудомъ и б лотомъ и затоками и ровами рыбными Файбишовски ми, якъ той грудъ рѣкою Мухавцемъ окружается, н пашу коней и воловъ поповскихъ, самого грунту н кимитиръ опрочь болота на гоновъ полтретя, а у п перокъ одъ болота по грунты дворные Завишинско части, ку сѣверу на гоновъ полтора вымѣрено подл вышъ речоного помѣру аршинового и перстовъ выш описаныхъ, а тые грунты или волоки въ приседл ню идутъ, гдѣ попъ живетъ и городы маетъ меж землями и грунтами одъ запада слонца въ част Завышинского двора ажъ за Мытища—болота, а тымъ болотомъ Мытищами далѣй тягнутъ, при ча

ти Сѣхновицкихъ, шнуровъ мужицкихъ волочныхъ, межею означенныхъ, по границу вышъ описаную, а другимъ бокомъ одъ востока при волокахъ и межи Павла Поплавского, которыи то волоки пана Полавского также тягнутся одъ рѣкиМухавца ровно зъ церковными по стѣну или передѣлъ фундаты тоей церкве описаной Матіевичъ, си есть по границу Папротянскую, или по нинѣшному урочищу—Матіевскую, которая волока пана Поплавского одъ иншихъ грунтовъ оддѣляетъ,а церковная и Поплавскіе грунты по оную кончатся; а другая волока на тамтомъ боку Мухавца на Курахъ межи грунтами Петровицкими и Антоновицкими отъ тогожъ Мухавца къ западу лѣтному, къ востоку зимному зъ болотами—Горбасомъ и затоками рыбными и со всѣмъ, якъ се въ собѣ маетъ, вдолжъ на гоновъ вышъ мененной мѣры четыредесятъ и три ажъ по Копища и знаки наменованые въ фундатѣ граничныи по Копища опираетъ, а поперокъ подлѣ того моего помѣру, при панахъ дѣдичахъ того имѣнья Здитовецкого вышъ мененныхъ и въ семъ листѣ описанныхъ и подданыхъ оныхъ чиненного, на гоновъ двѣ, якъ и першая волока въ приседленю маеть знайдоваться. А что ся тычетъ всего того, что въ томъ фундатѣ сей церкви Здитовецкой описано, то все панове земяне вышъ мененные и подданые оныхъ при своихъ присягахъ, что маетъ якъ предъ тымъ неодмѣнно доходить, восокъ и вино и елей, за себе и за дѣтей своихъ повторне заприсягли и оддавати прирекли и торговое доходить, якъ здавна, такъ и теперь. А мѣрку винную на гарнецъ Виленскій одмѣняю, бо уже та мѣрка въ тотъ часъ уживана не есть подлѣ давного звычаю, елейную мѣрку одмѣняю на фунтъ посполитый, якъ обычай несе, тотъ только мѣрокъ на службу только гарцы, а' только елея или оливы на всенощное по полтора только фунта

за мѣрку маетъ доходить, присужаю, на вѣчные часы неодмѣнно назначаю. Три томъ вышъ мененому Іоанникію Косовицкому засѣвки такіе достаются житныя въ приседленю, ажъ поки то и на Берестовей и одъ стѣны Папротянской на гоновъ двадцать три по рожныхъ мѣсцехъ, а въ Курахъ одъ Копища на гоновъ трое, а одъ Мухавца и Горбаса на гоновъ шестеры, а на весну овса и ечменя корцей десять только знайдуется. Церковь зъ дерева збудована круглого,—ризъ три и стихаръ еденъ, а еденъ у паски едвабный старый и убогій, а гумно плотяное, а до епархіи пановъ, дворовъ, земянъ, селъ семдесятъ зъ боярами и мужиками, якъ ся въ собѣ маетъ здавна тое имѣніе до тоей церкве належитое во всемъ томъ имѣнію Здитовецкомъ; а большъ речей попъ вышъ мененый, который утекдъ, попродавалъ, якъ вышъ описано и зъ собою набралъ и книги и листы забралъ. Тотъ сесь освядченый Косовицкій маетъ о все стараться и людей до вѣры православной и послушной главы вселенскія утверждати и поучати, которому сесь мой листъ за подписомъ руки моея выданъ. Писанъ лѣта Божого Нароженя тисеча пятсотного деветдесятъ шестого, мѣсяца Генвара пятнанцатого дня, въ Здитовцахъ. Іоахимъ Мороховскій, намѣстникъ и судья Берестейской епископіи, протопопъ Кобрынскій, рукою своею власною.

Копія—въ двухъ экземплярахъ, писанная польскими буквами—одинъ экземпляръ на 4-хъ листахъ бумажныхъ. На бумагѣ водяной знакъ—изображеніе Божіей Матери съ Младенцемъ—въ вѣнцахъ. У Младенца въ рукѣ держава съ крестомъ. Другой экземпляръ менѣе исправный, на трехъ бумажныхъ листахъ. Хранятся въ Здитовской церкви Гродненской губерніи.

II.

КОНСТАНТИНЪ II КНЯЗЬ ОСТРОЖСКІЙ.

О ПОБОРНИКѢ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ.

> Въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней. Сир. X, 4.
>
> Премудрость его повѣдятъ языцы и хвалу его исповѣстъ церковь. Сир. XXXIX, 13.

Еще и нынѣ старожилы г. Острога, при взглядѣ на едва уцѣлѣвшія развалины отъ зданій благочестивыхъ князей Острожскихъ, съ благоговѣніемъ воспоминаютъ о доблестяхъ этихъ потомковъ св. Владиміра и о подвигахъ ихъ на пользу православія. Но особенно сохраняется въ житой памяти преданіе о богомудромъ Константинѣ II 1). Константиновичѣ, который былъ славою и украшеніемъ своего вѣка. Современные ему члены православной церкви въ южной Россіи непрестанно и поперемѣнно обращали къ нему свои взоры; объ немъ говорили и думали: на поляхъ и пробѣлахъ въ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ они начертывали священное имя его, всегда для нихъ памятное и любимое съ прибавленіемъ къ нему ка-

---

1) Называемъ Константина Константиновича Острожскаго вторымъ потому, что изъ князей Острожскихъ были два доблестные въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи Константина—отецъ и сынъ. И писатели нерѣдко смѣшивали ихъ, приписывая дѣйствія одного изъ нихъ другому. Примѣромъ смѣшиванія Константина Константиновича съ отцемъ его Константиномъ Ивановичемъ, гробница котораго находится въ Кіевѣ, можно указать много, начиная отъ „Лѣтописи Самовидца“ до „Кіева“ соч. г. Муравьева.

кого-либо эпитета, выражавшаго похвалу христіанскимъ доблестямъ его 2). И онъ вполнѣ заслуживалъ это. Живя на Русскомъ югѣ, въ бѣдственное для православія время, когда началась тамъ памятная борьба православія съ латинствомъ, Константинъ Острожскій явился истиннымъ ревнителемъ и поборникомъ православія и всю свою дѣятельность и даже значительную часть своего достоянія посвятилъ пользамъ отцевской вѣры. По этому поучительно прослѣдить дѣянія сего благочестиваго и богомудраго князя, изслѣдовать, что и какъ совершено имъ въ пользу православной южно-Русской церкви, тѣмъ болѣе, что исторія представляетъ намъ не много примѣровъ подобной неослабной ревности по православію. А чтобы яснѣе видѣть и достойнѣе оцѣнить великія заслуги Константина II Острожскаго для православія, бросимъ сперва бѣглый взглядъ на современное ему состояніе южно-Русской церкви; отсюда выведемъ значеніе и важность самаго лица Константина II Острожскаго; и потомъ уже перейдемъ къ изображенію его дѣяній.

Православная русская церковь на югѣ, по разореніи Россіи татарами, по отдѣленіи своемъ отъ православной русской церкви на сѣверѣ, съ назначеніемъ особаго митрополита, была стѣснена и обезсилена рядомъ бѣдствій отъ князей и королей, приверженныхъ папству. Отъ этого легко могли имѣть вліяніе на нее своевольные преобразователи западной церкви и даже римско-католики. Во время Константина II Острожскаго, съ одной стороны почти безпрепятственно наводняли ее Кальвинисты, Социніане и другіе. Князь Курбскій, въ письмѣ своемъ къ князю Константину II Острожскому, распространеніе Социніанскаго ученія между членами православной южно-Русской церкви называетъ быстро распространяющеюся и

---

2) Это между прочимъ видно изъ отмѣтки на второмъ листѣ рукописнаго помянника Дерманскаго монастыря, гдѣ противу имени сего князя, прописано: „былъ то великій милостникъ православія церкви восточной,“ и изъ небрежной отмѣтки въ пожертвованной отъ родителя его въ монастырскую церковь, писанной на пергаменѣ, Минеи, гдѣ на пробѣлѣ, безъ всякой причины написано: „Константинъ Константиновичъ светило православія.“

неизлѣчимою болѣзнію, извѣстною подъ именемъ рака 3), отъ котораго „уже мало не вся Волынь заразилась и неисцѣльнѣ болитъ, скверными догматы подущаема.“ Съ другой стороны противъ русской церкви на югѣ направлены уже были, и она уже чувствовала 4) приготовительныя дѣйствія іезуитовъ, стремившихся къ рѣшительному низверженію ея. И такъ православная южно-русская церковь находилась въ это время посреди двухъ огней; потому и внутреннее состояніе ея уже было крайне бѣдственно. Соборъ святителей южно-русской церкви, бывшій въ 1590 г., увидѣлъ, „ижъ на церковъ святую восточную пренагибанье и частыя гоненія, преслѣдованіе великое и тяжары никды незвыклые и неслыханіе отъ становъ розныхъ на насъ находятъ; также великое нестроеніе межъ духовенствомъ, и зъ нашихъ нѣкоторыхъ христіанъ развращенія, несогласія, непослушанія, безчинства, и на многихъ мѣстцахъ не по дѣйству изменьшенія хвалы Божія оказуются 5).“ Еще выразительнѣе изображено тогдашнее состояніе православной южно-русской церкви въ посланіи Львовскаго ставропигіальнаго братства къ Константинопольскому патріарху (1592 г.) Іереміи: „Первѣе вѣси твоя святыня, яко въ насъ мнящіися быти святители, сущіи жъ скверниteли.... Аще сицевы святители суще, священникомъ таковымъ мнится пребыти.... Вездѣ иноковъ и священниковъ не обрѣтается въ монастырехъ, мірстіи же священницы нѣкогда службы съ вершаютъ въ монастырехъ. Егда же о ересѣхъ взысканію бывшу, обрѣтеся церковь нашего православія всякаго зловѣрія и зловоленія исполнена, людемъ же въ недоумѣніи смущаемѣмъ, суще погибати время настоитъ“ 6).

При такомъ состояніи православной южно-русской церкви, очевидно, нужно было и утвердить бывшихъ еще православныхъ членовъ ея въ истинной вѣрѣ, дабы тѣмъ удержать ихъ въ нѣдрахъ восточной церкви, и нужно было противостать ка-

3) Но онъ называетъ ее „гагрина“ и „канцеръ.“ Сказанія князя Курбскаго. С. Петер. 1833 г. ч. 2, стр. 224.

4) Это ясно видно изъ письма кн. Курбскаго къ кн. Чарторыжской. Тамъ же стр. 204.

5) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. Т. IV. № 25.

6) Тамъ же № 33.

толицизму. Кто же могъ это сдѣлать? Естественнѣе всего приступить къ этому лицамъ Іерархіи и преимущественно высшимъ. Но въ это время на митрополичьемъ престолѣ возсѣдалъ Онисифоръ, мужъ жизни не совсѣмъ не зазорной, за что въ послѣдствіи и лишенъ былъ священнаго сана. Изъ другихъ святителей многіе были подобны ему жизнію 7); еще нѣкоторые изъ нихъ были воспитанники іезуитскихъ школъ и возведены на степени святительскія по ихъ проискамъ. При томъ лице іерархическое не могло имѣть достаточныхъ средствъ для борьбы съ могущественными вельможами, преданными католичеству, и съ ковями іезуитовъ, цѣлію которыхъ было низверженіе Православной Церкви 8). И такъ нужно было лице не іерархическое.

Русскій югъ въ это время насильственно былъ присоединенъ къ польской коронѣ, и потому церковь южно-русская подверглась рѣшительному вліянію властей иновѣрныхъ. Нужно было поэтому лице Русской крови, глубоко сознававшее народность Русскую и сочувствовавшее состоянію своихъ собратій; нужно было лице подчиненное польскому королю, но въ то же время столь высокое, что бы, не вполнѣ завися отъ него, могло дѣйствовать самостоятельно; нужно было лице, обладающее большими средствами, которое уважали бы какъ Русскіе, такъ и Латиняне,—нужно было наконецъ, что бы это лице было истинно-благочестивое—вѣрный и преданный сынъ Св. православной восточной Церкви. Только такое лице, въ настоящее время съ успѣхомъ могло дѣйствовать въ пользу православной южно-русской Церкви. Таково именно лице и былъ Константинъ II, князь Острожскій. Онъ былъ Русской крови, и потому вполнѣ могъ цѣнить и цѣнилъ Русскую народность.

---

7) Тамъ же № 33. Львовское братство писало къ патріарху Константинопольскому: „Егда же облечаше священниковъ на соборѣ явѣ предъ всѣми митрополитъ, дабы священники престали боященства; священницы же отвѣщаша: да престанутъ первѣе святителѣ своего святительства послушаютъ закона, таже и мы ихъ послушаемъ. „Міру горе отъ соблазнъ!"

8) По этой послѣдней причинѣ не могли къ этому приступить и Константинопольскіе патріархи, тѣмъ болѣе, что и церковь Константинопольская была въ это время угнетаема Оттоманами и сама требовала помощи.

Наслаждаясь самъ благоденствіемъ и не испытывая никакихъ притѣсненій, онъ тѣмъ не менѣе сочувствовалъ бѣдственному состоянію своихъ братій тѣхъ же Русскихъ членовъ св. православной Церкви. Наравнѣ съ сими и онъ былъ подданный короны польской; но, происходя отъ царской крови по прямой линіи отъ св. Равноапостольнаго Владиміра 9), онъ былъ почти равенъ Польскому королю; и потому не вполнѣ зависѣлъ отъ него и дѣйствовалъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ самостоятельно 10). Съ полною властію владѣя Острожскимъ княжествомъ 11), онъ во внѣшнихъ средствахъ, необходимыхъ при стремленіи къ достиженію цѣли, не могъ имѣть недостатка. Онъ также пользовался уваженіемъ какъ Русскихъ, такъ и поляковъ и самыхъ польскихъ королей. Русскіе смотрѣли на всѣхъ князей Острожскихъ, и преимущественно въ бѣдственную годину упіи на него, какъ на „начальниковъ своей вѣры," къ нимъ обращали свои взоры и отъ нихъ ожидали помощи 12). Значеніе его чувствовали и поляки: у него служили польскіе дворяне 13); въ его знаменитый домъ втирались іезуиты; въ его замкѣ княжескомъ пресмыкался знаменитый папскій проповѣдникъ іезуитъ Скарга; силу и великость воинскихъ подвиговъ и важность его лица чувствовали и польскій народъ 14) и польскіе короли 15), и потому уважали и награждали его.

---

9) См. „Кіевлянинъ" 1840 г. кн. 1, стр. 113, примѣч. 1.

10) Князья Острожскіе строили и укрѣпляли свои замки и города, собирали и содержали разноплеменную дружину. (Korona Polsk. Niesieckiego. 1740 r. t. III. str. 512.

11) Временникъ 1852 г. кн. 14. отд. 1, статья: „Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ. *Перлштейна.*

12) Даже Новгородскій воевода Ѳеодоръ Скуминъ Тишкевичъ просилъ его предстательства предъ королемъ за православныхъ по дѣлу вѣры. Акты зап. Росс. т. IV. № 74.

13) Будетъ сказано послѣ подробнѣе.

14) Когда за отличіе въ войнѣ противъ казаковъ К. К. К. О. въ 1593 г. возведенъ былъ въ достоинство кастеляна Краковскаго, то народъ польскій неохотно принялъ это и даже сильно противился этому. Когда же увидѣлъ хоругвь развѣвающуюся и орудія, которыя князь О. собралъ и съ которыми шелъ противъ непріятеля, то перемѣнился и принялъ его съ радостію. Dzieie panowania Zygm. III. Niemcewicza. 1819 r. t. 1, str. 261.

15) Князья Литовскіе и Польскіе короли разными отличіями и

Наконецъ онъ былъ истинно-благочестивый сынъ православной восточной Церкви; цѣлые дни и ночи проводилъ въ стѣнахъ монастырскихъ въ постѣ, псалмопѣніи и молитвахъ 16). И потому его не могли поколебать обманчивыя побужденія, корыстныя ли то или честолюбивыя. Такимъ образомъ только онъ могъ совершить то и такъ, что и какъ нужно было совершить для блага церкви. И благочестивѣйшій и богомудрый сей князь понялъ свое назначеніе. Не жалѣя собственныхъ силъ и маетностей, онъ всего себя, съ значительнымъ своимъ достояніемъ, принесъ въ пользу церкви, и помня заповѣдь: будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе (Матѳ. X, 16), онъ дѣйствовалъ въ пользу православія, измѣняя свои дѣйствія по ходу современныхъ событій: Время введенія въ южно-русскую церковь уніи съ римскою церковію измѣнило первый ходъ его дѣятельности (до начала уніи), направленной къ утвержденію православія въ русскомъ югѣ, и дало направленіе, имѣющимъ туже цѣль, дѣяніямъ, совершеннымъ имъ послѣ введенія уніи. По этому въ изслѣдованіи заслугъ Константина Константиновича Острожскаго мы разсмотримъ дѣянія сего князя, въ пользу и на защиту православной южно-русской церкви 1) до начала уніи, 2) во время введенія ея и 3) послѣ введенія. Въ заключеніе сдѣлаемъ общее о немъ сужденіе.

I. Дѣянія Константина II Острожскаго въ пользу православной южно-русской Церкви до начала Уніи.

А.

Первымъ дѣломъ Константина II князя Острожскаго въ пользу православія южно-русской церкви было основаніе старшаго изъ высшихъ училищъ,—училища Острожскаго.

важными привилегіями старались пріобрѣсть расположеніе Острожскихъ князей и утвердить ихъ вѣрность къ своему престолу. Временникъ кн. IV. Ibid.

16) Korona Polska Niesieckiego 1740 r. t. III, str. 516. Во дни великаго поста К. К., говоритъ Нѣсецкій, обыкновенно укрывался отъ суеты мірской для Богомыслія въ Дубенскій монастырь. И здѣсь, сбросивши свою пышную одежду (Pańskie szaty) одѣвался въ рубище (podle), и въ постѣ, пѣніи церковн. пѣсней и въ молитвахъ проводилъ дни и ночи.

Вѣкъ XVI-й для цѣлой Европы былъ такимъ временемъ, когда она, послѣ великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ, въ высшей степени чувствовала въ себѣ жажду просвѣщенія, и когда, по тому самому, во всѣхъ почти лучшихъ городахъ разныхъ государствъ ея какъ бы наперерывъ спѣшили заводить университеты и коллегіи, куда толпами стремилось любознательное юношество. Русскій Югъ, съ 1569 г., будучи насильственно присоединенъ къ Польшѣ и чрезъ Польшу пришедши въ соприкосновеніе съ Европою, не могъ не ощутить въ себѣ тѣхъ особенныхъ движеній, какія происходили въ общей жизни, не могъ не принять въ нихъ нѣкотораго участія. И любознательныя чада православной южно-русской церкви ощутили въ себѣ эти движенія и устремились къ умственному образованію. Но, не имѣя внутри южной Россіи знаменитыхъ училищъ, они должны были поступать въ неправославныя училища. При такомъ ходѣ дѣлъ, давнее покушеніе папы подчинить Русскую церковь своей власти духовной воскресло и Іезуиты съ изумительною быстротою и ловкостію раскинули свои сѣти. Что бы посѣять и вкоренить свои неправыя мысли въ душахъ еще юныхъ и неопытныхъ, они заводили свои училища въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни 17). Многіе изъ вѣрныхъ сыновъ Православной церкви чувствовали вредныя дѣйствія такого воспитанія и плоды его видѣли на опытѣ надъ своими дѣтьми 18). Слѣдствія такого образованія, вредныя для Православія, не могли скрыться и отъ взора прозорливаго князя Острожскаго. Онъ тщательно слѣдилъ за современными происшествіями и ясно видѣлъ, что дѣй-

---

17) Русск. ист. Устрялова. ч. 11 стр. 112.

Папа Григорій XIII въ самомъ Римѣ основалъ греческую коллегію, гдѣ безвозмездно воспитывалъ всѣхъ приходящихъ грековъ и русскихъ (Leon. Allatii de eccl. occid. atque orient. perpet. consens. lib. III. c. 7 n. 7 p. 986. ed Colon. Agripp.

18) Князь Курбскій писалъ къ кн. Чарторижской: Не хочу отъ тебя утаить, что „многіе родители были дали имъ (іезуитамъ), яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, дѣтки своя учити наукамъ вызволеннымъ, яко слышимъ отъ нѣкоихъ, но они не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе, яко Крошинскаго князя

ствія іезуитовъ направлены къ рѣшительному низверженію православія южно-русской церкви, и что воспитаніе православныхъ въ іезуитскихъ школахъ есть приготовленіе къ имѣющей постигнуть ее грозѣ; и потому сознавалъ, что училищамъ нужно противопоставить училища же. Въ такой мысли, благочестивый князь Острожскій въ 1580 г. основалъ первое высшее православное знаменитое училище или Академію 19), подъ своимъ ближайшимъ надзоромъ, въ г. Острогѣ. Какъ ни старались іезуиты объ уничтоженіи этого училища при самомъ его основаніи, но и король не могъ воспрепятствовать въ учрежденіи его Константину Константиновичу. Права и вольности, принадлежащія ему издревле, по которымъ онъ могъ давать въ своихъ владѣніяхъ защиту и свободу даже врагамъ вѣры и отечества 20), отнимали у враговъ св. православной вѣры возможность ниспровергнуть это, вредное для нихъ, но полезное для св. православной церкви, дѣло богомудраго князя: знаменитость его рода, его огромное богатство, воинская сила, и твердость воли заставляли враговъ православія уважать и бояться его. А эта боязнь заставила ихъ, по сознанію самыхъ западныхъ писателей, не препятствовать учрежденію Острожскаго училища.

Направленіе Острожской академіи, основанной на пользу православія, было чисто православное. Правда, Островскій говоритъ, что Константинъ Константиновичъ, не имѣя для преподаванія наукъ въ Острожской академіи способныхъ къ тому людей изъ православныхъ, опредѣлилъ на открытыя каѳедры Лютеранъ, Кальвинистовъ и Аріанъ; верховное же надъ ними правленіе поручилъ Герасиму Смотрицкому 21). Но нельзя допустить, чтобы ревнитель православія наводнилъ основан-

---

сыночковъ, и другихъ. И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти своя паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію.“ Сказ. кн. Курб. ч. II письмо къ кн. Чарторижской.

19) Многіе польскіе историки называютъ Острожское училище академіею.

20) Dzieie y Prawa kosc. Polsk. Ostrowskiego w Warszawie. 1793 г. T. III, str. 421 и 423.

21) Тамъ же стр. 421.

ную имъ академію Лютеранами, Кальвинистами и Аріанами. Конечно въ это время многіе между самыми православными усвоили себѣ нѣкоторыя мысли Лютера, или Кальвина или другаго своевольнаго преобразователя западной церкви; и потому между занявшими каѳедры въ Острожской академіи могли быть и зараженные какими-либо не православными мнѣніями. Но къ счастію православныхъ чадъ эти наставники занимали свои каѳедры самое короткое время. Богомудрый князь, желая „утвердить вѣру православную," какъ только открылъ академію, „старался у святѣйшаго патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко размноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ, а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуетъ... видячи его (К. К. К. О.) таковую горячую милость святѣйшій патріархъ до церкви Божіей, часто и часто его навѣжалъ, утвержалъ посланцами своими и письмены своими... дидаскалы мудрыми обсылалъ... зачимъ православіе наше, говоритъ православный современникъ, почало было просіявати яко солнце" 22). Притомъ и первый ректоръ Острожской академіи Герасимъ Смотрицкій, по свидѣтельству католическихъ же писателей, былъ мужъ ученый, преданный православію и непріятель уніи. И какъ Константинъ Острожскій отдалъ ему въ совершенное распоряженіе академію, предоставивъ ему полную власть распоряжаться въ ней и науками 23), то онъ въ самомъ началѣ открытія академіи, безъ сомнѣнія, могъ дать и далъ наукамъ направленіе православное. Такимъ образомъ училище Острожское, первый разсадникъ учености въ южной Россіи 24), и по побужденію къ основанію его и по направленію, долженствовало быть залогомъ охраненія и непоколебимости 25) пра-

---

22) Акты Зап. Росс. т. IV № 149.

23) Obraz Wieku Zygm. III. we Lwowie 1828 r. Siarczinski t. II, str. 207.

24) Uwagi w sprawie ordinacyi Ostrogskiey 1754 r. Geneal. XX. Ostrog. 111 и 112.

25) Іезуиты Антовій Поссевинъ, послѣ неудачныхъ попытокъ склонить къ католицизму русскую церковь на сѣверѣ, изъ береговъ Шелоны (въ 1581 г.) писалъ къ папѣ Григорію XIII-му, что для обращенія къ римско-католической вѣрѣ Московскаго народа нужно прежде обратить ту часть Россіи, которая принадлежала польской коронѣ. Здѣсь же, между прочимъ, говоритъ: „нѣкото-

вославія и не могло не принести благодѣтельныхъ плодовъ. Скоро почувствовала это св. православная церковь, когда для блага ея явились ученые іерархи, и когда на защиту ея противъ враговъ явились ревнители и поборники православія, воспитанники этого знаменитаго и благодѣтельнаго училища." Православіе наше, свидѣтельствуетъ современникъ, почало было просіявати яко солнце; люди учоные почали были въ церкви Божіей показоватися, учители и строители церкви Божіей и книги друкованіе почали множатися" 26).

„Одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей православія своего времени, говорится въ исторіи р. церкви 27), былъ Леонтій Карповичъ, воспитанникъ Острожскихъ школъ, строитель и первый архимандритъ Виленскаго Духова монастыря и ректоръ тамошней коллегіи 28), съ 1616 г. епископъ Владимірскій и Брестскій 29). Онъ, будучи еще іеродіакономъ Печерской лавры, написалъ (въ 1608) обличеніе на унію, которую описываетъ, какъ очевидецъ Брестскаго сейма 1595 г. и перомъ, достойнымъ событія 30]. Въ званіи архимандрита Виленскаго братства, Леонтій въ 1615 г. говорилъ двѣ проповѣди: одну на Преображеніе Господа, другую на Успеніе Богоматери. Эти проповѣди—образецъ сердечнаго краснорѣчія,плодъ глубокаго знанія слова Божія, искуства, достойнаго церковной каѳедры; современники называли сего страдальца за вѣру „подобнымъ Златоусту въ витійствѣ" 31).

рые князья, каковъ Острожскій и Слуцкій, имѣютъ свои училища, въ коихъ питается расколъ („т. е. православіе") ихъ" (Comm. de Moscou p. 286). Этимъ онъ указываетъ важность знаменитаго Острожскаго училища, служившаго къ утвержденію православія Южно-русской церкви, и охраненію его отъ враговъ, которымъ казалось весьма выгоднымъ уничтожить этотъ новый оплотъ православія.

26) Акты зап. Росс. т. IV № 149.

27) Исторія Рус. церкви преосвящ. Филарета. Рига 1847 г. ч. 4, стр. 104.

28) Тамъ же. Прим. 176.

29) См. грамоту короля Владислава въ собран. Вилен. Грам. ч. II, 224.

30) „Обличеніе между кн. Толстаго 2,398. Сл. Ж. М. Н. Просв. 1844 г. Іюль.

31) Казанье двое мѣлъ Леонтій Карповичъ, архимандритъ, въ

Другой воспитанникъ Острожской академіи—Мелетій Смотрицкій, наставникъ въ Кіевской школѣ 32), преемникъ Леонтія въ управленіи Виленскою обителью и ректоръ тамошней школы, въ послѣдствіи архіепископъ Полоцкій 33). Этотъ ученѣйшій мужъ много написалъ въ защиту православной церкви. И только обстоятельства, породившія въ немъ отчаяніе и страхъ, принудили его предаться (въ 1627 г.) на сторону уніатовъ 34).

Третій извѣстный воспитанникъ Острожской академіи 35), Іоаннъ, въ монашествѣ Іовъ, Борецкій. Онъ былъ священникомъ при Кіевской Воскресенской церкви и отличился въ духовенствѣ своимъ просвѣщеніемъ, ученіемъ юношества въ приходскихъ церковныхъ школахъ, добродѣтельною жизнію и ми-

---

року 1615 друков. въ Евю.“ Первое „казанье“ съ объясненіемъ малорусскихъ словъ напечат. въ 22 кн. Маяка (1843 года). Онъ же написалъ предисловіе къ вертограду душевному Ѳекары. Напечат. въ Вильнѣ 1620 года. (Истор. Русс. церкви преосвящ. Филарета ч. 4, прим. 161). Митрополита Петра Могилу, усердно и съ успѣхомъ дѣйствовавшаго за православіе, такъ привѣтствовали въ 1633 г. въ Кіевѣ: „Если бы ты вздумалъ теперь отправиться до Вильны и до предѣловъ русскихъ; съ какою радостію встрѣтили бы тѣ, которыми наполнены были темницы, суды и подземелья за непорочную вѣру восточную и проводили бы тебя до своего руководителя въ терпѣніи, предшественника въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, Леонтія Карповича“ (Тамъ же примѣч. 144).

32) Истор. кіевск. академіи Булгакова (Спб. 1843 года стр. 28.

33) Описаніе кіевософ. соб. М. Евгенія 1825 г. Кіевъ ст. 156.

34) Тамъ же стр. 161. Онъ умеръ на покоѣ въ Дерманскомъ монастырѣ. Принадлежа православной церкви, онъ писалъ: a) плачь Православія объ отступленіи нѣкоторыхъ къ Западу, изд. въ Вильнѣ 1610 г.; b) грамматика славянская—въ Евю 1619 года. Ее нѣсколько разъ издавали за границею (Obr. Wiek. Zygm. III Siarcz. t. II, str. 207); c Слово, говоренное на гробѣ Леонтія Карповича, еписк. Владим. и Брестскаго и архимандрита Виленскаго, изд. въ Вильнѣ 1620 г.; d) Weryficacia Niewinnosci 1622 г.; e) Oborona Weryficacii 1622 г.; f) Appendix Oborony; y) Elenchus pism uszypliwych 1623 г. Сдѣлавшись уніатомъ Смотрицкій, писалъ: a) Апологію 1628 г. (См. Описаніе кіевософ. Соб. стр. 162); b) паренезисъ, изд. въ Краковѣ 1628 г. (См. Ист. Русск. церкви ч. 4 стр. 176).

35) Ист. кіевск. академіи Спб. 1843 г. стр. 28.

лостынно-подаяніемъ, такъ что его называли вторымъ Іоанномъ Милостивымъ. Еще при жизни супруги, онъ постригся въ монашество и съ 1616 г. былъ Игуменомъ Михайловскаго монастыря 36). Въ 1620 г. Ѳеофаномъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, посвященъ въ санъ митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и явился самымъ ревностнымъ защитникомъ православія 37). „Сей митрополитъ, говоритъ о немъ святитель Ростовскій, бѣ благочестивъ и премудръ, въ Божественномъ писаніи искусенъ, Греческій и Латинскій языкъ добрѣ умѣвый, и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый" 38). Онъ завелъ при дворѣ своемъ, чрезъ типографа Спиридона Соболя, особую митрополичью типографію, въ коей 1628 г. напечаталъ Лимонарь или цвѣтникъ Софронія патріарха Іерусалимскаго 39). Скончался 1631 года.

Упомянемъ при томъ о ректорахъ академіи Острожской, которые трудились на пользу православія. Правда, ихъ извѣстно только два: но при неизвѣстности о другихъ, тѣмъ замѣчательнѣе труды извѣстныхъ.

Первымъ ректоромъ, какъ сказано уже и выше, былъ Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, подстароста Каменецкій, а потомъ судья земскій. Константинъ II Острожскій много обнаружилъ прозорливости, что умѣлъ отличить его между другими и наименовалъ ректоромъ Острожской академіи еще при заложеніи зданія ея 40). Герасимъ Смотрицкій былъ всегда вѣренъ православію, непоколебимый поборникъ его „непріятель уніи" по словамъ Сарчинскаго. Доказательствомъ учености Герасима Смотрицкаго служитъ то, что онъ былъ ректоромъ и судьею. Ибо, незная наукъ, онъ по тогдашнему времени не могъ быть избранъ ни ректоромъ академіи, ни судьею 41). Сарчинскій, ссылаясь на писателя Сушу, говоритъ, что Смо-

36) Описаніе Софійск. Соб. стр. 161.
37) Obr. Wiek. Zygm. III. Siarczinnski t. I, str. 40 (naygorliwszym Schismy obrońcą.
38) См. каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, напечатанный въ московскомъ любопытномъ мѣсяцословѣ на 1776 годъ.
39) Описаніе кіевософ. собора стр. 165.
40) Obr. Wiek: Zygm. III, t. II, str. 207.
41) Тамъ же стр. 208.

трицкій писалъ стихи на Русскомъ языкѣ, былъ свѣдущъ въ наукахъ греческихъ и латинскихъ, и языкѣ славянскомъ 42).

Не уступалъ, но еще много превосходилъ Смотрицкаго ученостію и ревностію по православію другой ректоръ, Кириллъ Лукарь 43). Константинъ II Острожскій приблизилъ его къ себѣ и онъ сдѣлался вѣрнымъ сподвижникомъ князя въ дѣлѣ вѣры. На Брестскомъ соборѣ онъ представлялъ лицо Александрійскаго патріарха, и сильно возставалъ противъ уніи, хотя голосъ его для папистовъ имѣлъ силу болѣе потому, что онъ, какъ и Никифоръ, Протосинкеллъ патріарха Константинопольскаго, находился подъ защитою свѣтскаго могущественнаго лица князя Острожскаго 44). Былъ онъ мужъ ученѣйшій; въ послѣдствіи управлялъ Александрійскою церковію 19 лѣтъ, Константинопольскою тоже нѣсколько лѣтъ. Возсѣдая на патріаршемъ престолѣ, онъ неоставлялъ своимъ попеченіемъ бѣдствующей южно-Русской церкви (состояніе которой онъ хорошо понялъ еще въ бытность свою ректоромъ Острожской академіи). И въ 1620 г. вновь построенную въ Луцкѣ церковь Воздвиженія Честнаго и животворящаго Креста Господня надѣлилъ правомъ Ставропигіи 45), какъ болѣе надежный оплотъ для защиты православія. Онъ же пожаловалъ экзархомъ Константинопольскаго патріарха, и тѣмъ отличилъ предъ прочими, архимандрита Петра Могилу, бывшаго въ послѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ, оказавшимъ много услугъ для православной

42) Его стараніемъ напечатана книга: календарь Римски новы 1587 г. Въ концѣ этой книги напечатано: написана въ академіи Острожской (тамъ же). А это показываетъ, что въ этомъ году онъ еще былъ ректоромъ Острожской академіи.

43) Что онъ былъ не первымъ ректоромъ и учителемъ въ Острожской академіи, какъ это сказано въ Маякѣ 1845 г. (Т. 23. гл. III. стр. 41), это весьма ясно открывается изъ того, что Острож. академія открыта еще въ 1580 г., а Кириллъ присланъ въ предѣлы южно-русской церкви отъ Александрійскаго патріарха Мелетія, вмѣстѣ „съ нѣкоими писаними „сего патріарха" къ князю Острож. въ началѣ и къ прочимъ православнымъ панамъ" 1594 г. См. оглавленіе статей въ книгѣ: Листы патр. Мелетія напеч. въ Острогѣ 1598 г., помѣщенное въ опытѣ Росс. Библіогр. Сопикова № 596).

44) Dzieje y prawa Kośc. Polsk. Ostrowskiego. 1793 г. Т. III. str. 409.

45) См. грамоту Кирилла Лукарія, помѣщенную въ Кіевлянинѣ 1841 г. кн. 2 въ 3-мъ примѣч. къ 59 стр.

Русской церкви, и знакомаго ему еще въ то время, когда самъ онъ былъ ректоромъ Острожскаго училища 46). Велика благодарность Константину II Острожскому за то, что въ бѣдственную годину для православія южной Руси, онъ приблизилъ къ ней этого великаго и полезнаго для ней мужа, избравъ его ректоромъ своей Острожской академіи 47).

Едва только умеръ князь Острожскій Константинъ Константиновичъ, іезуиты спѣшили уничтожить это вредное для ихъ дѣйствій, направленныхъ къ низверженію православія, училище, и оно начало падать 48). И нынѣ, на мѣстѣ, гдѣ оно находилось, нѣтъ уже ни какихъ слѣдовъ 49). Съ трудомъ даже отыскиваютъ 50) это мѣсто; но благодѣтельныхъ дѣйствій его православные сыны Русской церкви никогда не забудутъ, и плодъ трудовъ богомудраго князя Острожскаго никогда не у-

---

46) Описаніе Соф. Собора стр. 167.

47) Были, вѣроятно, и другіе ректоры этой академіи, но объ нихъ нѣтъ свѣдѣній. Едва сохранились свѣдѣнія и объ этихъ двухъ. О первомъ изъ нихъ сохранились, хотя и краткія, свѣдѣнія потому, что основаніе Острожской академіи, какъ перваго и старшаго изъ высшихъ училищъ православнаго Русскаго юга, обратило на себя вниманіе всѣхъ католиковъ, жившихъ въ королевствѣ Польскомъ. А потому писатели Польскіе сообщили намъ свѣдѣнія и о первомъ ректорѣ ея. Свѣдѣнія же о послѣднемъ потому встрѣчаются въ писаніяхъ ихъ, что онъ былъ ревностнымъ сподвижникомъ К. К. К. О. и, подъ видимою защитою его, жаркимъ поборникомъ православія во время введенія въ южно-русскую церковь уніи съ Римскою церковію.

48) Опис. Кіево Соф. Соб. стр. 151. Неизвѣстенъ въ точности годъ его уничтоженія. Но оно закрыто вскорѣ послѣ смерти К. К. К. О.; ибо г. Острогъ достался сыну его Янушу, преданнѣйшему католич. церкви и всѣми силами старавшемуся уничтожить православіе въ русск. югѣ.

49) Маякъ 1845 г. Т. 23 гл. III. стр. 41.

50) На этомъ мѣстѣ, какъ указалъ проф. Добровскому Острожскій старожилъ, стоитъ домъ, занимаемый Острожскимъ дворянскимъ училищемъ (Кіевлян. 1840 г. кн. 1. стр. 112 и 113). Такое указаніе подтверждаетъ актъ о раздѣлѣ княжества Острожскаго 1603 г. „Dział Xięstwa Ostrogskiego.“ См. статью: Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ“ Перлштейна. Врем. И. М. Общ. истор. и проч. кн. 14.

ничтожится. По его ходатайству въ 1592 г. 15 окт. Сигизмундъ III далъ привилегію Львовскому братству, которому предоставилъ право содержать школу и типографію 51). По его примѣру и по его увѣщанію 52) основаны училища и въ другихъ мѣстахъ. Воспитанники основаннаго имъ Острожскаго училища были наставниками и ректорами въ другихъ училищахъ. Совѣтами, убѣжденіями и благословеніями бывшихъ воспитанниковъ и ректоровъ сего же училища основывались другія среднія и высшія школы. Такъ наприм. въ Луцкѣ при Крестовоздвиженскомъ братствѣ основана была греко-латино-славянская школа „совѣтомъ и повелѣніемъ святѣйшаго Кирилла (бывшаго ректоромъ Острожскаго училища), архіепископа Константинограда—новаго Рима и Вселенскаго патріарха, и благословеніемъ архіепископа митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Россіи, Киръ Іова Борецкаго“ (бывшаго воспитанникомъ Острожскаго училища) 53). „Щедрою и сильною помощію Константина Константиновича заложена и начала существовать школа въ Кіевѣ 1588 г., именуемая школою братскою 54), потомъ пере-

51) Лѣт. Львовск. братства, сост. Зубрицкимъ подъ 1592 г.

52) Изъ посланія, писаннаго К. К. Кн. О. къ Ипатію Поцѣю видно, что онъ во всякое время и всѣми мѣрами старался о заведеніи училищъ, какъ твердынь для сохраненія православія. Акты зап. рос. Т. IV № 45.

53) Приведенныя слова взяты изъ рукописныхъ артыкуловъ правъ школы Греко-Латино-Словенской Луцкой, и помѣщены въ Кіевлянинѣ 1841 г. кн. 2. стр. 60.

54) Obr. Wiek. Zygm. III Siarczinsk. T. II. str. 45.

Въ исторіи, Кіевской академіи Спб. 1843 г. не упоминается о К. К. К. О. Но мы не сомнѣваемся принять свидѣтельство Сярчинскаго, что именно сей благочестивый князь много помогъ основанію первоначальной Кіевской школы братской. Конечно польскій писатель въ дѣлахъ, относящихся къ православной церкви не всегда можетъ быть вѣренъ, тѣмъ болѣе, не современникъ. Но въ этомъ случаѣ ему можно повѣрить на слѣд. основаніи: а) Для основанія школы нужны были, по тогдашней политикѣ польской, дозволеніе и привилегія отъ короля. Первое, можетъ быть, даже выстроенное Констант. Константиновичемъ зданіе Кіевской Богоявленской школы истреблено огнемъ. Съ нимъ, должно быть, сгорѣла и королевская привилегія. Значитъ для истинности факта нужно было заимствовать свѣдѣнія изъ королевскаго архива, потому что тамъ записывались текущія дѣла. Сярчинскому, какъ

именованная, отъ имени митрополита Могилы, Кіево-Могилянскою коллегіею. Такимъ образомъ и мы пользуемся плодами трудовъ Богомудраго князя Острожскаго Константина Константиновича.

Основавъ училище въ г. Острогѣ и содѣйствуя основанію православныхъ училищъ и въ другихъ мѣстахъ, Константинъ Константиновичъ, для полнаго достиженія цѣли, довершилъ свое благое дѣло основаніемъ типографіи, въ которой съ 1580 г. начато книгопечатаніе. И такъ

Б.

вторымъ полезнымъ для св. православной южно-Русской церкви дѣяніемъ Константина II Острожскаго было книгопечатаніе, заведенное имъ въ г. Острогѣ.

„Книжное дѣло на Руси, какъ извѣстно, начато въ Кіевѣ, въ XI вѣкѣ, великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ: онъ собралъ многихъ писцовъ для переписки книгъ, переведенныхъ съ Греческаго языка на Славянскій, и написанныя ими книги положилъ въ созданномъ имъ храмѣ Софійскомъ.

поляку, могли быть доступны архивы Польской короны. b) Въ исторіи росс. іерархіи, собранной іеромонахомъ Амвросіемъ (напечат. въ Москвѣ 1807 г. ч. 1 стр. 458) говорится, что Кіевская академія основана подъ именемъ школы въ 1588 г.,—именно въ томъ году, на который указываетъ и Сярчинскій. c) А въ прибавленіи къ описанію Кіевософ. соб. (напеч. въ Кіевѣ 1825 г. стр. 209) говорится: „Патріархъ Іеремія въ 1589 г. возвращавшійся изъ Москвы чрезъ Кіевъ далъ благословеніе завести такое жъ училище (т. е. первоначальное систематическое, подобно Львовскому и Стрятинскому, гдѣ обучали дѣтей, сверхъ Русскаго языка, Греческому, Латинскому, и Польскому, также реторикѣ, и печатали книги....) и въ Кіевѣ при знаменитѣйшей тогда изъ Кіевскихъ Русскихъ школъ находившейся у Богоявленской церкви, которая имѣла уже тогда для содержанія оной и особое братство и доходныя маетности.“ Поэтому эта самая—„школа знаменитая изъ всѣхъ Кіевскихъ“ и существовавшая прежде благословенія Патріарха Іереміи-завести при ней другое систематическое училище, и основана и надѣлена нѣкоторыми маетностями, по всей справедливости, щедрою рукою и силою могущества К. К. К. О., такъ какъ онъ былъ кіевскимъ воеводою и постоянно заботился объ умноженіи училищъ, какъ надежнаго оплота къ поддержанію и сохраненію православія въ южной Руси.

Это было въ запасъ для цѣлой Руси, на всѣ времена." Но татары во время своего нашествія многія изъ сихъ книгъ, истребили и превратили, вмѣстѣ съ храмами, въ пепелъ. Съ сего времени „бытіе южной-Руси, время отъ времени, становилось такое тревожное и томительное, что книжное дѣло, ею начатое, не могло продолжаться въ ней съ возрастаніемъ. И южная Русь скоро залегла на долгій роздыхъ. Ея новыя поколѣнія пробавлялись только прежнимъ запасомъ книжнымъ, и почти ничего новаго не прибавляли къ нему 55)." Поэтому рукописныя церковныя книги время отъ времени измѣнялись и теряли свое достоинство: по невѣжеству, суевѣрію и т. п. переписчиковъ, въ нихъ вкрадывались безчисленныя погрѣшности. Царь Іоаннъ Васильевичъ (въ 1551 г.) жаловался на это Стоглавому собору: „Божественныя книги писцы пишутъ съ неисправныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, опись къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямыя, и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся и пишутъ съ нихъ." Это было въ сѣверо-восточной части Русской церкви. Что же было въ южной части ея? Здѣсь съ одной стороны папская политика всѣми средствами стремилась уничтожить православіе, а съ другой своевольные преобразователи римской церкви посѣевали между православными свои неправыя мысли. И потому здѣсь-то книги церковныя были наполнены безчисленными погрѣшностями не только не намѣренными, но и намѣренными. Когда, по волѣ Константина II Острожскаго, собраны были списки библіи для напечатанія, то оказалось, что въ этихъ спискахъ „много не только разньствія, но и развращенія 56)." Нѣтъ сомнѣнія, что не одни списки библіи, но и списки всѣхъ церковныхъ книгъ были таковы. Князь Острожскій сознавалъ это, и, приготовивъ все нужное къ печатному дѣлу, въ 1580 г. началъ книгопечатаніе въ г. Острогѣ. Такимъ образомъ Константинъ Константиновичъ избавилъ южно-Русскую церковь отъ того бѣдственнаго волненія, которое отчасти, въ слѣдствіе неисправности церковныхъ книгъ,

---

55) Книжн. старина южнорусская, Максимовича. Врем. М. И. Общ. исторіи и проч. 1849 кн. 1 Смѣсь стр. 1.

56) Предисловіе къ библіи Острожской.

уже было между ея членами 57), и отъ всѣхъ бѣдствій, которыя еще урожали ей. Въ этомъ заключается одна часть сей его заслуги для православной южно-Русской церкви. Другая заключается въ томъ, что книгопечатаніе въ г. Острогѣ явилось въ рѣшительную минуту стремленія іезуитовъ къ низверженію православія. Папа Григорій XIII въ 1575 г. буллою своею поручилъ іезуитамъ цензуру книгъ и, такъ называемую, перечистку библіотекъ. На основаніи этой буллы, іезуиты скоро развили планъ своей политики, и въ 1581 г. въ Вильнѣ разграбили библіотеки диссидентовъ, разумѣется, большею частію православныхъ, и на Виленскихъ улицахъ сожигали цѣлые костры книгъ 58). Разоряя библіотеки и уничтожая книги православныя, іезуиты въ тоже время и писали и переводили на Славянскій языкъ свои сочиненія 59), направленныя противъ восточной церкви, и распускали ихъ въ народѣ. Не оставались бездѣйственными и протестанты: они также старались распространять между православными свои сочиненія, и, для совращенія Русскихъ, переводили ихъ на Славянскій языкъ 60).

Дѣйствія враговъ православія имѣли свои успѣхи. Одни изъ православныхъ говорили уже въ пользу западной церкви, а другіе въ пользу своевольныхъ преобразователей западной церкви; но большее число изъ православныхъ Литовскихъ дво-

---

57) Опытъ Росс. Библіограф. Сопикова. С.-Пб. 1813 г. ч. I, предувѣдомленія стр. 64.

58) Obr. Litw. Jar. t. III, str. 91.

59) Особенно Іезуитъ Антоній Поссевинъ съ ревностію „старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ Латинскаго Богословіи на языкъ россійскій.“ Истор. Гос. Россійск. Карамз. С.-Пб. 1834 г. т. X, стр. 265.

60) Таковы: катихизисъ лютеранскій, переведенный отступниками отъ православія-Матѳеемъ Кавечинскимъ, Сумеономъ Буднымъ и Лаврентіемъ Крышковскимъ, и изд. въ Несвижѣ 1561 года, а потомъ въ Римѣ 1583 г. (Слов. Русск. духовн. писат. М. Евгенія 1,262. Издан. 2-е. Русск. Истор. Сборн. т. VI, стр. 302. Москва 1843 года]. Катихизисъ, переведенный Антоніемъ Далматомъ и Стефаномъ Истріаниномъ, изд. въ Тюбинген. 1561 г. (въ томъ же Истор. Сборн. и на той же стран.) Книга объ оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ, изданная Буднымъ въ 1562 году въ Несвижѣ (Опытъ Россійс. Библіограф. Сопикова. С.-Пб. 1813 года, предувѣдомленія стр. 21) и многіе другіе.

ринъ начало говорить о соединеніи церквей и благопріятствовать западной 61). Чтобы удержать православныхъ въ нѣдрахъ Восточной церкви, очевидно, нужно было раскрыть имъ истинное ученіе православной восточной церкви и въ тоже время показать, чѣмъ разнятся отъ нея паписты, протестанты и другіе. А для этого нужно было книгамъ противоставить книги же. И благочестивый князь въ эту именно бѣдственную минуту колебанія православныхъ учредилъ типографію въ г. Острогѣ и, напечатаніемъ въ ней полезныхъ для православной церкви книгъ, совершилъ то, что нужно было. Ибо изъ всѣхъ почти въ одно время появившихся типографій, Острожская, по словамъ одного ученѣйшаго мужа, больше всѣхъ напечатала полезныхъ православной церкви книгъ 62), и она-то преимущественно печатала книги въ началѣ вводимой въ Русскій югъ уніи; а печатались эти книги почти всегда не иначе, какъ по волѣ просвѣщеннаго и благочестиваго основателя типографіи. По этому справедливо современные намъ изслѣдователи полагаютъ, что любовь Константина Константиновича Острожскаго къ православному просвѣщенію составляетъ вторую эпоху въ южно-Русскомъ просвѣщеніи, какъ Ярославова любовь къ книгамъ составляетъ его эпоху первоначальную 63).

Вотъ списокъ книгъ, напечатанныхъ въ Острожской типографіи 64).

1) Первая книга, вышедшая изъ этой типографіи, Новый Завѣтъ и при немъ псалтирь (переводъ съ греческаго) 1580 г. съ такимъ обращеніемъ, въ послѣсловіи, къ князю Острожскому: „да воспріимеши сіе рукодѣліе отъ насъ Боголюбезно, яко первый овощь отъ дому печатнаго своего Острожскаго“ 65).

2) Въ томъ же году издана полная Славянская первопечатная библія, называемая Острожскою.

---

61) Истор. Гос. Росс. Карамз. т. X, стр. 265.

62) Митр. Евгеній въ описан. Соф. Соб. стр. 152.

63) Временникъ Импер. Москов. Общ. Истор. и древн. Росс. 1849 г. кн. 1 смѣсь 5 стр.

64) Ибо нѣтъ возможности заниматься подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ: это составило бы огромный трудъ, не соразмѣрный съ объемомъ и цѣлію сего разсужденія.

65) Опытъ Росс. Библіогр. Сопикова предувѣд. стр. 65.

3) Въ слѣдующемъ году повторено изданіе сей библіи 66).

4) Хронологія 1581 г.

5) Листы патріарха Іереміи около 1583 г.

6) Діалогъ патріарха Геннадія 1583 г. 67).

7) Календарь Римски новы 1587 г. 68).

8) Исповѣданіе объ исхожденіи Святаго Духа 1588 г. 69).

9) О единой истинной православной вѣрѣ и святой Соборной Апостольской церкви 1588 г. 70). Сочиненіе Острожскаго пресвитера Василія.

---

66) Лѣтоп. Слав.-Русс. книгопеч. (хронолог. росп. Слав.-Русск. Библіогр. (СПБ. 1849 г. № 65 и 67).

67) Указанныя три книги см. Временникъ 1849 года кн. 1, Смѣсь стр. 6.

68) Хрон. росп. слав.-русс. Библ. № 78.

69) Опытъ Росс. Библ. Сопикова ч. 1, № 435.

70) Сониковъ (Опытъ Росс. Библ. ч. 1, № 750] относитъ сію книгу къ 1583 г. Но Кеппенъ (Библ. Листы С.-Пб. 1826 года № 11 стр. 449) на основаніи при печатанныхъ къ ней грамотъ, и Востоковъ (опис. Русс. и Слав. рукоп. Румянц. Муз. С.-Пб. 1842 года № CCXCV) на основаніи извѣстія присовокупленнаго въ концѣ пятой статьи этой книги, заключаютъ, что она напечатана не ранѣе 1588 г. Съ послѣдними согласно свидѣтельствуетъ и лѣтопись славяно-русск. книгопечатанія (Хронолог. роспись сл.-русск. Биб. № 80).

Эта книга содержитъ въ себѣ слѣдующія богословско-полемическія статьи, въ которыхъ съ глубокимъ знаніемъ Вѣры и исторіи церкви христовой обличены произволы Рима:

I. О единой истинной православной вѣрѣ, и о святой соборной Апостольской Церкви.

II. Объ исхожденіи святаго Духа отъ единаго Отца.

III. О первенствѣ Римскаго епископа. Въ концѣ этого отдѣленія помѣщено указаніе „какъ Латыняне и въ какое время отступили отъ православныхъ патріарховъ и лишены своего первенства.

IV. Объ опрѣснокахъ, о постѣ субботнѣмъ, о Литургіи великаго Поста. о вступленіи въ бракъ („женитвѣ“) священниковъ и діаконовъ, объ очистилищѣ.

V. „О премѣненню дней празниковъ и самаго дня спасительнаго святыя Пасхи.“ Въ концѣ приложена пасхальная таблица или „ключь на обрѣтеніе Пасхи христіанское и жидовское.“

VI. О св. храмахъ и о почитаніи св. иконъ (опис. рукописей Румянц. Муз. № 295).

10) Книга Василія Великаго о постничествѣ 1594 г. 71).

11) Книга Іоанна Златоуста Маргаритъ 1596 г. 72).

12) Апокрисисъ альбо отповѣдь на книжкы о соборѣ Берестейскомъ 1597 г. 73).

13) Патерикъ или отечникъ Печерскій 1597 г. 74).

14) Отписъ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатія (Поцѣя) 1598 г. 75).

15) Опись, сирѣчь описаніе о разности восточной церкви съ западною, въ ней же фундаментъ святыя православныя церкви 1598 г. 76).

16) Сборникъ, содержащій въ себѣ 10 статей разнаго содержанія и къ разнымъ лицамъ 77).

17) Часословъ 1598 г. 78).

---

71) Книга эта находится въ библіотекѣ кіевскаго Михаил. монастыря.

Кромѣ герба Константина II Острожскаго съ буквами около него К. К. К. О. и надписанія вверху и внизу его „Константинъ Константиновичъ въ св. крещеніи василіе, княжа острозское-воевода кіевскій, маршалокъ земли волынское, староста владимерскій и прочая," замѣчательно въ ней предисловіе, изъ котораго видно, какъ современники Константина Острожскаго дорого цѣнили дѣятельность его въ напечатаніи полезнѣйшихъ для православія книгъ.

72) Опыт. Росс. Библ. Сопикова № 464.

73) Сопиковъ (№ 69), а вслѣдъ за нимъ и другіе приписываютъ сочиненіе этой книги Мелетію Смотрицкому и напечатаніе ея приписываютъ г. Вильнѣ. Но г. Максимовичъ (Временникъ 1849 г. кн. 1. Смѣсь стр. 6) основательно доказалъ, что она написана Христофоромъ Бронскимъ по порученію князя Острожскаго и напечатана въ г. Острогѣ.

74) Опыт. Росс. Библ. Сопик. № 13,039.

75) Временникъ кн. 1 смѣсь стр. 6 Лѣтоп. славяно-русск. книгопеч. 1849 г. С.-Пб. хрон. росп. славян.-русск. библ. № 111.

76) Опыт. Росс. Библ. Сопик. № 789.

77) Книга эта напечатана въ 1598 г. (опыт. Росс. Библ. Соп. № 596). Константинъ Острожскій внялъ голосу глубоко почитаемаго имъ патріарха Мелетія и усердно старался о напечатаніи сей книги. Но, вѣроятно, не считалъ нужнымъ печатать ее и на Латинскомъ языкѣ; потому что онъ для напечатанія посланій патріарха Мелетія просилъ Львовское братство прислать ему только Греческія отлитыя буквы, за неимѣніемъ таковыхъ своихъ (Акты Зап. Рос. т. IV, № 148).

78) Хронолог. росп. слав.-русск. Библ. № 109.

18) Псалтирь слѣдованная: „напечатася повелѣніемъ князя Константина, во св. крещеніи Василія, снисканіемъ отъ св. Божественныхъ писаній и трудомъ многогрѣшнаго худшаго въ христіанѣхъ убогаго Василія“ (пресвитера) 1598 г. 79).

19) Псалтирь съ возслѣдованіемъ, новаго изданія, напечатана повелѣніемъ Острожскаго князя Константина 1599 г. 80).

20) Діалогъ Мелетія, патріарха Александрійскаго, о православной и правдивой вѣрѣ единокаѳолической восточной церкви, присланный Константину Константиновичу 81).

21) Молитвословъ 1606 г. 82).

22) Требникъ (переводъ съ Греческаго) 1606 г. 83).

23) Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій, съ приложеніемъ при концѣ тестамента Василія царя греческаго сыну своему Льву Философу; переложено съ греческаго Даміаномъ Пресвитеромъ на славенскій языкъ и Литовско-Русское нарѣчіе 1607 г. 84).

24) Часословъ 1612 г. 85).

Изъ этого краткаго 86) перечисленія книгъ, напечатанныхъ въ Острожской типографіи, при жизни благочестиваго Константина II Острожскаго, видно, а) какъ много напечатано въ ней

---

79) Опытъ Росс. Библ. Соп. № 13,123.
Въ этой книгѣ помѣщены „молитвы въ всякую недѣлю соч. Кирилла Туровскаго.“ Здѣсь же напечатанъ и „Деньникъ солнечнаго шествія,“ составляющій отдѣльную статью (Лѣтоп. славян.-русск. книгопечат. 1849 г. С.-Пб. хронолог. росп. славян.-русск. Библ. № 108.

80) Опыт. Росс. Библіогр. Сопик. № 987.

81) Тамъ же № 613.

82) Тамъ же № 670.

83) Тамъ же № 1447 хрон. росп. слав.-русск. Библ. № 130.

84) Сопиковъ № 453.

85) Хронологич. росп. слав.-русск. Библ. № 150.

86] Князь Курбскій переведенную имъ съ Латинскаго на Славянскій языкъ бесѣду Іоанна Златоустаго о Вѣрѣ, Любви и Надеждѣ, посылалъ къ Константину II Острож. [Сказ. кн. Курб. С.-Пб. 1833 г. ч. II, письмо 3 къ кн. Остр.); но переводъ сей бесѣды къ сожалѣнію намъ неизвѣстенъ. Много заботился сей князь о просвѣщеніи бѣдствующихъ южно-русскихъ православныхъ своихъ братій [Временникъ кн. 1. Смѣсь стр. 5), и извѣстно, что онъ былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ на книжномъ поприщѣ дру-

книгъ полезныхъ для православной церкви, притомъ при таких смутныхъ обстоятельствахъ и въ такое бѣдственное для нея время; б) какъ велики нужны были со стороны князя Острожскаго труды, какъ велико было его самоотверженіе и безпристрастіе къ земнымъ благамъ, и наконецъ какъ велика была въ немъ любовь къ православному просвѣщенію! Но всѣ книги, вышедшія изъ Острожской типографіи, не могутъ сравниться съ одною изъ нихъ, извѣстною подъ именемъ Библіи Острожской 87). Всѣ труды и заботы благочестиваго князя на книжномъ поприщѣ не были такъ велики и трудны, какъ труды и заботы, которыхъ стоило ему изданіе первопечатной полной славянской Библіи. Это дѣяніе его и въ его время вызвало изъ Русскаго сердца молитвенныя благодаренія къ Богу 88) и, по справедливости, заслуживаетъ благодарную память потомства 89). Изданіемъ сей книги кн. Острожскій обезсмертилъ себя и поставилъ наравнѣ съ знаменитѣйшими лицами подвизавшимися для блага церкви православной! Нужно только посмотрѣть на состояніе Библіи въ Русской церкви, предшествовавшее состоянію ея во время Константина II Острожскаго, и на заботливость самаго Константина при изданіи Библіи, чтобы видѣть чего стоило благочестивому князю Острожскому изданіе первой и полной печатной Славянской Библіи.

Изъ сказаннаго уже нами выше (въ началѣ сего отдѣла)

га своего кн. Острожскаго. Не можетъ быть поэтому, чтобы изъ трудовъ его ни что небыло напечатано въ Острож. типографіи. На этомъ и другихъ основаніяхъ несомнѣнно можно заключить, что книги напечатанныя въ Острож. типографіи при К. К. К. О., перечислены и нами не всѣ.

87) Экземпляры этой библіи, по свидѣтельству Кеппена, есть въ Кесселѣ, Штутгартѣ въ публичной библіотекѣ, Варшавѣ,—въ биліот. Лицея. А въ Вѣнѣ есть одинъ изъ тѣхъ экземпляровъ, при коихъ въ концѣ показаны два разные года изданія: 1580 и 1581 г. (Библ. листы С.-Пб. 1826 г. № 11 стр. 297]. При разсмотрѣніи Острож. Библіи мы беремъ 2-е изданіе ея, которое находится въ библіотекѣ Кіевской Д. академіи.

88] Въ такомъ духѣ написаны стихи, находящіеся на оборотѣ перваго заглавнаго листа библіи Остр.

89] Истор. Русск. Церкви преосв. Филарета. Москва 1847 года ч. 3, стр. 70.

видно, въ какомъ состояніи находились въ Россіи и книги Св. Писанія. Константинъ Константиновичъ, видѣвши почти всѣ списки, бывшіе тогда въ употребленіи церковномъ, въ предисловіи къ изданной имъ библіи пишетъ: „Въ всѣхъ странахъ роду нашего Словенскаго нижъ едъна обрѣтеся съвершена въ всѣхъ книгахъ В. Завѣта. Токмо отъ благочестива и въ православіи сіательна государя и великаго князя Іоанна Василіевича Московскаго и пр. съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошенную сподобихомся пріати съвръшеную Вивлію зъ греческа языка седмьдесятъ и двѣмя переводники, множае пяти сотъ лѣтъ на Словенскій переведенную еще за великаго Владимера, крестившаго землю Русскую.“ Благочестивѣйшій и богатѣйшій изъ князей Русскихъ Константинъ Константиновичъ, съ великимъ усердіемъ и любовію принявшійся за изданіе полной печатной Библіи, конечно, имѣлъ возможность собрать всѣ болѣе вѣрные и полные списки ея, существовавшіе тогда въ Русской церкви; но всѣ они были и не полны и не вѣрны. Только одинъ изъ нихъ соотвѣтствовалъ цѣли и труду болѣе прочихъ. Хотя же князь Острожскій и говоритъ, что получилъ отъ Іоанна Васильевича „Вивлію съвръшеную“ т. е. полную, съ греческаго языка переведенную; но слова эти нельзя принять въ прямомъ смыслѣ; потому что 3-ей книги Маккавейской въ ней совершенно не было, а книги Товита, Іудиѳи и 3-я Эздры въ Библіи Острожской переведены, по отзыву ученыхъ изслѣдователей, съ латинскаго текста 90). Значитъ, и эти книги или были въ спискѣ полученномъ отъ Іоанна Васильевича, но не были вѣрны, или же ихъ вовсе не было.

При такомъ состояніи книгъ Св. Писанія, употреблявшихся въ православной Русской церкви, князь пожелалъ „благочестію нѣкое дарованіе духовное оставити“ 91). И усматривая особенную нужду сего дара въ тогдашнемъ состояніи православной церкви „на паденіе клонящейся“ 92) возгорѣлъ еще боль-

90] Ист. Русс. церкви преосв. Филарета ч. 3, стр. 69.

91] Предисловіе къ Острожск. Библіи.

92] Тамъ же. Приведемъ его слова. „Кто бо есть отъ благовѣрныхъ и благоразумныхъ, (его же неподвиже жалость, зряще ветхость Церкве Христовы, на паденіе клонящейся? Волцы тяжцы нещадно расхищаютъ, и распужаютъ овчее стадо Христово.“

шимъ желаніемъ и ревностію издать для блага сей церкви полную печатную Библію на Славянскомъ языкѣ. Какіе ему нужно было для этого предпринимать труды и заботы, о томъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ изданной имъ Библіи. Собранныя имъ въ Русской церкви списки Библіи онъ повелѣлъ „испытати, аще вси съгласуются въ всемъ Божественномъ Писаніи." И къ прискорбію его „обрѣтеся много различно, не токмо разньствія, но и развращенія." Князь приведенъ былъ въ сильное смущеніе; смущеніе еще увеличивали люди, порицавшіе благочестиваго князя за предпріятіе его. Нужно было искать вѣрныхъ списковъ Библіи въ другихъ странахъ. Но въ другихъ странахъ списки Библіи были на другихъ языкахъ. Значитъ, полученные имъ изъ другихъ странъ списки не могли ему быть полезны, ибо, при тогдашнемъ состояніи южно-Русской церкви, не было въ ней людей способныхъ къ этому дѣлу. Нужно было по этому искать въ другихъ странахъ, вмѣстѣ съ списками, и людей, необходимыхъ для совершенія начатаго имъ предпріятія. И вотъ, говоритъ князь Острожскій „посланьми и писаньми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко Римскія предѣлы, тако и Кандійскія островы, паче же много монастырей Грецкихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, даже и до самого Апостоломъ намѣстника и всея церкве восточныя строенію чиноначальника пречестнаго Іеремія, архіепископа Константина града, Новаго Рима, вселенныя патріарха, высокопрестольныя церкве доидохомъ, требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людей наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ Еллинскихъ и Словенскихъ, якоже и зводовъ (списковъ) добрѣ исправленныхъ и порока всякаго кромѣ свидѣтельствованныхъ." Трудъ князя Острожскаго увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ. „И сицевымъ всесильный Богъ, по обычной своей благости, сподобитимися благоизволи; книгъ бо и книгочій, яко же предречеся, настоящему дѣлу пресвятому по достоянію избрахомъ. Начали готовить Библію къ изданію. Съ присланными къ нему изъ различныхъ странъ людьми, и съ инѣми многими наказанными добрѣ въ писаніяхъ Божественныхъ довольно совѣтовавъ и съ общимъ совѣтомъ и изволеніемъ единомысленнымъ зводъ (списокъ) древняго писанія славнаго и глубочайшаго языка и письма Еллинскаго отъ

72 блаженныхъ и богомудрыхъ преводниковъ, на умоленіе желаемое книгорачителя Птоломея Филадельфа, царя Египетска, отъ языка Еврейска во Еллинскій переведенную избрахъ. Она же паче инѣхъ множае со Еврейскою и Словенскою съглашащеся, и сего въ семъ неизмѣнно и несуменно послѣдовати повелѣхъ“ и проч. Стольких трудовъ и заботъ, необходимо сопряженныхъ съ большимъ самоотверженіемъ и пожертвованіемъ многихъ маетностей, стоило благочестивому князю Острожскому изданіе полной Славянской первопечатной библіи! Подлинно, если бы онъ имѣлъ менѣе терпѣнія и твердости духа, менѣе былъ проникнутъ любовію къ православію, если бы имѣлъ пристрастіе къ земнымъ стяжаніямъ и суетамъ; то едва ли бы онъ совершилъ этотъ знаменитый трудъ.

Особенная важность изданія Славянской Острожской Библіи состоитъ въ томъ, что книги Св. Писанія собраны въ одинъ составъ и напечатаны всѣ въ одной книгѣ. Церковь россійская, сознавая важность изданной благочестивымъ княземъ Острожскимъ Библіи, не смотря на нѣкоторыя неизбѣжныя несовершенства ея изданія, пользовалась ею довольно долго. Когда царь Алексѣй Михайловичъ усмотрѣлъ „великій недостатокъ Библій, ниже бо рукописныя отнюдъ обрѣтахуся, вмалѣ же и едва гдѣ уже печатнымъ Острожскимъ обрѣтеся“ и во многихъ мѣстахъ переводъ ошибочный, не согласный съ Греческимъ подлинникомъ; то задумалъ о новомъ исправленіи и изданіи библіи. Но тогдашнія обстоятельства не благопріятствовала этому многотрудному дѣлу 93). И потому при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ только повторено было прежнее Острожское изданіе въ Москвѣ, съ весьма немногими поправками въ слогѣ и отмѣтками нѣкоторыхъ словъ, показанныхъ на поляхъ страницъ. Послѣ долгихъ и великихъ трудовъ, Библія свѣренная со многими списками, издана въ 1751 г. при императрицѣ Елисаветѣ.

93) Въ предисловіи къ библіи, напечатанной въ Москвѣ 1663 года, указывается на слѣд. обстоятельства: Для исправленія Библіи нужно было много времени, нужны были многіе искусные переводчики, сличеніе многихъ греческихъ подлинниковъ и словенскихъ списковъ; а въ Москвѣ тогда не было ни библій, ни переводчиковъ; при томъ въ народѣ того времени многіе привержены были къ старымъ книгамъ, и не принимали ново-исправленныхъ.

Но и въ ней многое 94) должно было остаться и осталось такъ, какъ было въ первоначальной Острожской библіи. Такимъ образомъ и въ настоящее время Россійская церковь пользуется отчасти плодами трудовъ и заботъ богомудраго князя Константина II Острожскаго.

Заключимъ дѣянія благочестиваго князя Острожскаго на книжномъ поприщѣ голосомъ его же современниковъ. Въ предисловіи къ книгѣ Василія В. „о постничествѣ", изданной въ Острогѣ, говорится: „Все твореніе восхваляетъ Бога... Аще же Богъ отъ всѣхъ всехвалимый есть и будетъ, обаче же и хвалящихъ прославляетъ... Не потреба есть много веществовати, искусомъ самымъ проиди читателю Еврейское, тамо узриши всѣхъ святыхъ по вѣрѣ купно з вѣрнымъ Авраамомъ отъ Бога свидѣтельствованныхъ и ублаженныхъ и увѣрищися вещію, аще бо Іосифъ смотрѣніемъ Божіимъ отъ братіи въ Египетъ проданый о прекормленію гладныхъ странъ и Египта хлѣбомъ, вѣчне памятствовася, то како нынѣ другій Іосифъ аще не тезоименный именемъ, но вещію, именемъ же нареченный въ святомъ крещеніи василій (т. е. К. К. К. О.) гладоутомлитель, паче же прекормитель гладу душевнаго забысти имать, больший бо то гладъ, елико и душа телеси, о немъ же и пророкъ провозгласи: дамъ имъ, рече, не гладъ хлѣба, но гладъ еже не слышити слова Божія. Онъ же въ своя ему времена отъ Бога врученаго съкровища талантъ пріемши, не погребъ въ земли, якожъ злый и лѣнивый рабъ. Но купно съ Іосифомъ о пріобрѣтеномъ тщится. Отворивши житницы своихъ съкровищъ кличетъ, елицы еще лишени хлѣба, елицы есте алчни, пріидѣте, утолѣте гладъ, паче же и насытѣтеся, яко отъ общихъ источникъ отъ Бога ми дарованныхъ даяній, и прежде убо на отверзенье учесъ умныхъ познати Бога единоименна ветхаго же и новаго завѣту библію и инишихъ книгъ не мало на похвалу онаго испусти. Нынѣ же путемъ чина заповѣдей Господнихъ

94) Въ силу положеній, взятыхъ во вниманіе при исправленіи первопечатаной библіи. См. предисл. къ библіи, изд. 1751 года въ Москвѣ.

шествующе, василія великаго на исцеленіе внутрьнего человѣка з друкарнѣ своее выдати потщася."

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЗАШТАТНАГО ГОРОДА ХМѢЛЬНИКА (ПОДОЛЬСК. ГУБ., ЛИТ. УѢЗДА).

(*Продолженіе* *).

Послѣ ужасныхъ событій подъ стѣнами Хмѣльника, исторія цѣлое почти столѣтіе молчитъ объ участи этого города; но едва ли жизнь его во все это время была спокойна. Никакъ нельзя допустить, чтобы въ восьмидесятыхъ года XVII столѣтія городъ Хмѣльникъ не страдалъ жестоко вмѣстѣ съ Баромъ, Меджибожомъ, Яновомъ и другими сосѣдними съ нимъ городами Подоліи 1). Однакожъ кромѣ маленькаго намека въ одной народной пѣсни, что въ 1702 году, во время бунтовъ казацкихъ, на пространствѣ между Улановымъ и Хмѣльникомъ, была одна довольно ожесточенная стычка поляковъ съ козаками, мы не знаемъ ничего объ исторіи этого города. Послѣ бытвы подъ Бердичевымъ, говоритъ эта пѣсня, когда козаки

„......... стали ихъ (т. е. ляховъ) рубати
„Мусѣли ляхи иншіе втекати;
„Только староста на полю Хмельницкій
„Показался тамъ до нихъ (т. е. до казаковъ) по жолнѣрски.
„Тамъ же панъ Рущицъ изъ ними ся спиралъ.
„Глы на трупъ ляховъ жалосне поглядалъ:
„Только посподьство на полю стояло,
„Ратунку ляхомъ щире не давало." 2)

---

*) См. 6 кн. „Вѣстникъ Западной Россіи."

1) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Ал. Ригельмана ч. 2, стр. 126 127, 132 134, 135—136, 143—148, 176. (Въ чт. общ. истор. и древност. за 1847 г. кн. 8).

2) Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собр. Я. Ѳ. Головацкимъ ч. 1. стр. 34, № 8.

Этимъ храбрецомъ, старостою „хмельницкимъ" былъ тогда Францъ Максимиліанъ Оссолинскій, получившій въ послѣдствіи за свои подвиги на старостве хмельницкомъ въ награду отъ короля и Рѣчи Посполитой 40,000 злотыхъ польскихъ 3). Заслуги его видно были немалы.

Послѣднее испытаніе для Хмѣльника наступило со временемъ барской конфедераціи: 1767, а преимущественно 1768-й годы были для него *особенно* тяжелы. 17 апрѣля 1768 года главный начальникъ русскихъ войскъ, находившихся на Волыни и Подоліи генералъ-маіоръ Петръ Никитичъ Кречетниковъ получилъ отъ генералъ-маіора Подгоричани рапортъ о движеніи барскихъ конфедератовъ возлѣ Бердичева и Хмѣльника 4). При рапортѣ Подгоричани приложилъ копію съ письма, полученнаго имъ отъ князя Любомірскаго, въ которомъ этотъ послѣдній извѣщалъ, что „въ Остраполѣ (на Волыни, нѣсколько человѣкъ конфедератовъ было, и что въ его деревняхъ приказывалъ и заготовлять фуражъ, почему онъ своимъ прикащикамъ приказалъ, чтобы они, какъ конфедераты приближаться къ нимъ будутъ, фуражъ весь жгли; изъ Бердичева до шести сотъ человѣкъ кофедератовъ къ Чуднову пошли, также идутъ на Хмѣльникъ, Чудновъ и намѣрены къ Полонному и къ Лабуни многое число. Чрезъ своего шляхтича, продолжалъ Подгоричани, онъ (Любомирскій) увѣдомленъ, что конфедератовъ болѣе двадцати тысячъ, пѣхоты до четырехъ тысячъ, надъ которыми одинъ маіоръ Прусской командуетъ пушекъ до шестидесяти и болѣе имѣется, кои въ Меджибожѣ, Бердичевѣ, Браиловѣ и Барѣ и въ иныхъ мѣстахъ побрали татаровъ и липковъ двѣ тысячи, которымъ по червонному въ недѣлю жалованья даютъ" 5). Вотъ съ какими силами приходилось сражаться Подгоричани, у котораго былъ только малый отрядъ гусаръ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ конфедератами при Пилявѣ 6), Старомъ-Константиновѣ 7), Меджибожѣ 8), Подгоричани направилъ свой от-

3) Volumina legum, т. V, f 316, p. 159, и V VI, f. 449, p. 230.
4) Журналъ генералъ-маіора и кавалера.
5) Журн. Кречетникова, стр. 124.
6) Ibid. стр. 127.
7) Ibid. стр. 123. 8) Ibid. ст. 124—127.

рядъ къ Хмѣльнику, гдѣ собралось порядочное число конфедератовъ. 20-го апрѣля въ мѣстечкѣ Соколовѣ Кречетниковъ получилъ снова рапортъ отъ Подгоричани, въ которомъ храбрый генералъ маіоръ доносилъ ему о своей новой побѣдѣ. Чтобы дѣйствительно застать конфедератовъ врасплохъ возлѣ Хмѣльника, Подгоричани, 18-го числа, прибывъ съ своимъ полкомъ изъ Лабуня въ Острополь, раздѣлилъ его здѣсь на двѣ партіи; одну изъ нихъ онъ послалъ „по тракту къ Хмѣльнику а другую къ Синявѣ и Синявкѣ въ правую сторону и велѣлъ послѣдней соединиться съ первою подъ Хмѣльникомъ 9). Планъ составленный Подгоричани для осады Хмѣльника на этотъ разъ выполненъ несовсѣмъ удачно: конфедераты сами ускорили затѣянную стычку. Первый отрядъ, посланный имъ въ лѣвую сторону изъ Острополя на половинѣ своего пути къ Хмѣльнику въ селѣ Терешполѣ встрѣтилъ отрядъ польскихъ конфедератовъ, и здѣсь произошла между встрѣтившимися довольно горячая стычка: здѣсь со стороны непріятелей убито на мѣстѣ, разныхъ чиновъ 30 человѣкъ и взято въ плѣнъ до 50 человѣкъ, на сторонѣ же русскихъ ранено только два гусара и одна лошадь 10). Нѣкоторые изъ конфедератовъ заперлись въ „стодолѣ", но отъ ружейной стрѣльбы стодолъ загорѣлся и несчастные трусы погибли въ пламени. По окончаніи стычки отрядъ русскихъ солдатъ своимъ порядкомъ отправился къ Хмѣльнику для соединенія съ другимъ отрядомъ. Оба отряда сошлись на половинѣ пути отъ Терешполя къ Хмѣльнику въ деревнѣ Кочановкѣ. Здѣсь опять соединенныя силы Подгоричани встрѣтили довольно сильный отрядъ конфедератовъ, состоящій изъ четырехъ сотъ человѣкъ, спѣшившій, конечно изъ Хмѣльника къ Терешполю на помощь своимъ злополучнымъ собратамъ. Здѣсь произошла схватка еще несравненно болѣе ожесточенная, чѣмъ при Терешполѣ: непріятеля легло на мѣстѣ болѣе „стапятидесяти" человѣкъ и взято въ плѣнъ болѣе двадцати человѣкъ. На сторонѣ русскихъ убитъ только одинъ козакъ и раненъ тоже одинъ козакъ да три гусарскихъ

9) Журн. Кречетникова, стр. 128.
10) Ibid.

лошади 11). Такъ разсѣяны были на этотъ разъ конфедераты, сосредоточившіе было свои силы возлѣ Хмѣльника.

Кречетниковъ, получая день за днемъ рапорты о движеніяхъ конфедератовъ возлѣ Хмѣльника, спѣшилъ съ своимъ отрядомъ къ соединенію съ Подгоричани, чтобы общими силами нанести рѣшительный ударъ возмутителямъ. Поляки особенно заботились недопустить этого соединенія, намѣренія ихъ случайно были открыты подъ стѣнами самаго Хмѣльника тѣмъ же самымъ отрядомъ, который сражался при Качановкѣ 12). Пулавскій уже дѣлалъ для этого свои распоряженія; для пресѣченія дороги Подгоричани онъ назначилъ двухъ регимѳнтарей съ ихъ отрядами,—Потоцкаго и каштелянычa Гижицкаго; а самъ съ тремя тысячами жолнеровъ шелъ въ мѣстечко Прилуки на встрѣчу Кречетникову; региментаръ Вороничъ шелъ изъ Бара со всѣми своими „хоронгвами" къ Хмѣльнику, намѣреваясь здѣсь соединиться съ Пулавскимъ 13). Со всѣхъ сторонъ собиралась грозная туча, готовая разразиться надъ злополучнымъ Хмѣльникомъ. Храбрый Подгоричани не заставилъ себя долго ждать конфедератамъ, собиравшимся многочисленными отрядами вокругъ Хмѣльника: еще Кречетниковъ былъ за 60 верстъ отъ мѣстечка Ямполя 14) въ деревнѣ Подбережинцахъ 15), какъ онъ уже громилъ новые отряды конфедератовъ въ окрестностяхъ этого города. Съ 25 на 26 апрѣля онъ изъ Любаря 16) ночью помаршировалъ со всѣми своими

11) Журн. Кречетникова стр. 129.

12) Это открыто такимъ образомъ: „къ вечеру (Апр. 21), говоритъ Кречетниковъ въ своемъ журналѣ, полученъ рапортъ отъ генералъ-маіора Подгоричани, коимъ доноситъ, что посланною отъ него къ Хмѣльнику партіею пойманъ посланный отъ маршалка Пулавскаго курьеромъ ротмистръ съ письмомъ (куда?), кое при томъ рапортѣ приложилъ, въ коемъ пишетъ свое намѣреніе, чтобы мнѣ къ соединенію съ нимъ, Подгоричани, дорогу пресѣчь и совсѣмъ до него не допустить, также съ тѣмъ ротмистровъ поймано восемь человѣкъ конфедератовъ; да по приближеніи къ оному мѣстечку Хмѣльнику изъ той нашей партіи одному гусару пушечнымъ ядромъ ногу отбило. „Журн. Кречетник. стр. 130.

13) Ibidem.

14) Ямполь-Волынской губерніи.

15) Деревня Подбережинцы той—же Волынской губерніи.

16) м. Любарь-Волынской губерніи.

войсками къ Хмѣльнику и на пути на разсвѣтѣ 26 числа напалъ на деревню Литятинъ 17), гдѣ находилось около двухъ сотъ человѣкъ конфедератовъ. Въ этой стычкѣ мятежники сражались съ такимъ отчаяніемъ и храбростію, какихъ нельзя было ожидать отъ нихъ 18); они запирались въ дома поселянъ и Подгоричани долженъ былъ атаковать штурмомъ всякій домъ;—градъ пуль сыпался на русскихъ изъ оконъ всякаго дома. Но конечно, ничего не могла сдѣлать эта горсть мятежниковъ въ борьбѣ съ сильною арміею Подгоричани: конфедераты всѣ до одного положили здѣсь свои головы 19). Но и самъ Подгоричани едва не поплатился здѣсь за свою отчаянную храбрость. Конфедераты защищались отчаянно отъ русскихъ войскъ въ надеждѣ на помощь двухъ польскихъ отрядовъ, которые спѣшили къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Не успѣлъ онъ опомниться отъ жестокой битвы, какъ внезапно увидѣлъ себя атакованнымъ съ двухъ сторонъ подоспѣвшими сюда польскими отрядами. Не сробѣлъ храбрый Подгоричани. Это обстоятельство подало ему только новый случай показать здѣсь свою удивительную храбрость. Онъ употребилъ въ дѣло всѣ свои войска, на голову разбилъ коварнаго непріятеля и обратилъ его въ бѣгство. Въ замѣшательствѣ, испуганный непріятель раздѣлился на двѣ части: одна уходила къ м. Уланову 20), другая къ мѣстечку Сальницѣ 21). Русскіе погнались за непріятелемъ. За Сальницей оба раздѣлившіеся отряда конфедератовъ снова соединились и даже покушались снова атаковать храбраго генералъ-маіора. Подгоричани однимъ ударомъ смялъ совершенно непріятеля

---

17) д. Литятинъ Подольской губерніи, недалеко отъ г. Сальницы.

18) Самъ Подгоричани въ своемъ рапортѣ Кречетникову писалъ, что при Литятинѣ конфедераты „съ чрезвычайною храбростію или отчаянностію оборонялись такъ, что отъ нихъ таковой обороны и ожидать было не можно,“ Журн. Кречетникова, стр. 132.

19) Журн. Кречетникова, стр. 132.

20) Улановъ,—Подольской губерніи.

21) Въ журн. Кречетникова сказано: „къ деревнѣ Салихѣ.“ Въ настоящее время заштатный городъ Сальница слыветъ въ народѣ подъ названіемъ „Силиха“, деревнею же этотъ городъ названъ по своему бѣдному внѣшнему виду, похожему болѣе на ничтожную деревушку, чѣмъ на городъ.

и заставилъ его снова искать спасенія въ бѣгствѣ. Русскіе гнались за мятежниками уже до самаго Хмѣльника, убивая на пути и забирая ихъ въ плѣнъ. Въ этомъ ожесточенномъ сраженіи, начавшемся на разсвѣтѣ и продолжавшемся до двухъ часовъ послѣ полудня убито на сторонѣ непріятелей не менѣе тысячи человѣкъ, взято въ плѣнъ 254 человѣка и отнято четыре пушки. Русскіе потеряли здѣсь около 50-ти человѣкъ, и ранено около 40. 22). Всѣ русскіе сражались здѣсь съ отмѣнною храбростію, особенно пѣхота; какой-то прапорщикъ Фроловъ-Багрѣевъ, находившійся при полковыхъ пушкахъ, былъ героемъ этой битвы 23). Послѣ этого житейскаго пораженія силы конфедератовъ начали очень замѣтно ослабѣвать: оно такъ было для нихъ больно, такъ много смутило ихъ, что они, по видимому, уже болѣе не надѣялись на успѣхъ своего дѣла. Самъ Подгоричани приписывалъ этому пораженію весьма важное значеніе. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ восхищался этимъ геройскимъ поступкомъ своего храбраго полководца и называлъ хмѣльникское дѣло „поученіемъ" которое можетъ конфедератовъ къ робости и бѣгу привесть 24) „Извѣстно мнѣ писалъ онъ къ П. Ник. Кричетникову, чрезъ присланный штафетъ прямо изъ Полонны отъ генерала порутчика князя Любомирскаго 25), что генералъ-маіоръ Подгоричани 26 апрѣля (7 мая) разбилъ знатную часть возмутителей между мѣстечекъ Уланова и Хмѣльника, въ послѣднее изъ коихъ они наконецъ ретировались, а при томъ сраженіи, по симъ извѣстіямъ, побито, ранено и въ полонъ взято у тѣхъ возмутителей слишкомъ тыся-

22) Журн. Кречетникова, стр. 133.

23) Ibid.

24) Письма къ генералъ-маіору и кавалеру Петру Никитичу Кречетникову, во время пребыванія его съ корпусомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ 1767 и 1768 г. и губернаторства его въ Астрахани. Изд. Бодянскій стр. 60. (Въ чт. общ. ист. и древн. 1863 г. кн. III).

25) Этотъ хитрый князь юлилъ на обѣ стороны: по видимому онъ благопріятствовалъ русскимъ, и между тѣмъ тайно помогалъ конфедератамъ. Маіоръ Мисюревъ возлѣ Хмѣльника поймалъ его людей, которые везли отъ него провизію для конфедератовъ (десять возовъ вина и крупъ). Разумѣется все это досталось въ руки маіора. Журн. Кречетникова стр. 134.

ча человѣкъ, тоже 4 пушки у нихъ отбито. Я, радуясь сему происшествію, уповаю, что оно возмутителей въ тревогу приведетъ 26).

Недолго, впрочемъ, помнили конфедераты страхъ, наведенный на нихъ хмѣльникско-улановскимъ пораженіемъ: переночевавъ въ Хмѣльникѣ, они на другой день послѣ своего пораженія т. е. 28 апрѣля на разсвѣтѣ покусились атаковать отводные караулы маіора Мисюрева, ночевавшаго съ своею партіею близъ Хмѣльника, и снова потерпѣли сильное пораженіе; едва ушли они отъ храбраго маіора назадъ въ городъ, оставивъ 40 человѣкъ убитыми. Ворвавшись въ городъ, конфедераты на мосту чрезъ Бугъ поставили пушки и маіоръ Мисюревъ принужденъ былъ ретироваться. У русскихъ убитъ былъ одинъ козакъ, а одинъ взятъ былъ въ плѣнъ 27).

Конфедераты заперлись въ Хмѣльникѣ и отбивались отъ русскихъ кое-какъ, ожидая помощи изъ Бѣлой Церкви 28); въ Барѣ, Винницѣ и Могилевѣ также находилось еще значительное число конфедератовъ, но главныя ихъ силы были сосредоточены въ Браиловѣ и Хмѣльникѣ 29). Въ первомъ изъ нихъ находился самъ Пулавскій съ сильнымъ отрядомъ 30). 29-го Апрѣля Подгоричани получилъ отъ Кречетникова благодарность за Хмѣльникское дѣло 31) и вмѣстѣ съ тѣмъ „наставленіе", чтобы онъ сими днями старался атаковать мѣстечко Хмѣльникъ и засѣвшихъ тамъ конфедератовъ, разбивъ, забрать; буде же бы по многолюдству ихъ, того учинить было невозможно, то сіе предпріятіе, писалъ Кречетниковъ, оставить до моего прибытія, а главнымъ образомъ „чтобы отъ Бѣлой Церкви конфедератовъ къ соединенію въ Хмѣльникъ не допустилъ, и такъ бы свою позицію взялъ, чтобы имъ пройти было невозможно" 32). 30-го апрѣля Кречетниковъ уже былъ за Ямполемъ и къ 4 мая онъ надѣялся подъ Хмѣльникомъ соединиться съ Подгоричани

---

26) Письмо къ Кречетникову, стр. 60.
27) Журн. Кречетникова, стр. 133—134.
28) Тамъ же, стр. 134—135.
29) Тамъ же, стр. 135.
30) м. Браиловъ—Подольской губ. Винницк. уѣзда.
31) Журн. Кречетникова, стр. 134.
32) Журн. Кречетникова, стр. 135.

„а по соединеніи, писалъ онъ къ Репнину (30-го Апр.), я намѣренъ начать атакою Хмѣльника или Браилова, гдѣ изъ сихъ мѣстъ большее сборище ихъ слышу и потомъ одно за другимъ мѣсто буду занимать“ 33). Кречетникову не удалось исполнить своего намѣренія; обѣщаніе его—соединиться съ Подгоричани, 4 мая, также не было имъ исполнено: наступила тогда ненастная погода,—холодъ и грязь препятствовали быстрому движенію его войскъ 34). 3-го мая онъ былъ еще только въ Лабуни 35); на другой, день (4-го мая), онъ уже получилъ рапортъ отъ Подгоричани, который извѣщалъ его, „что непріятель изъ мѣстечка Хмѣльника ушелъ и что всѣ они сбираются къ мѣстечку Прилукѣ 36). 9-го мая къ Кречетникову, бывшему уже тогда въ м. Любарѣ, возвратились двѣ партіи изъ мѣстечка Пикова 37) и Хмѣльника, гдѣ непріятеля уже не находилось, а только привезли извѣстіе изъ Пикова, что конфедераты собираются въ Винницѣ 38]. 14-го числа партія, возвратившаяся изъ Бердичева, подтвердила тоже самое извѣстіе 39). Такъ окончилось послѣднее кровавое хмѣльникское дѣло. Послѣ этого еще нѣсколько разъ Хмѣльникъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ знаменитаго и дорогаго ему героя Подгоричани 40), но не видѣлъ уже его кровавыхъ стычекъ съ конфедератами. 11-го іюня Кречетниковъ былъ еще только въ Кустовцахъ 41), а 12-го онъ вступилъ въ Хмѣльникъ, опустошенный непріятелемъ 42). Въ Хмѣльникѣ онъ пробылъ цѣлыхъ два дня. Здѣсь онъ получилъ письмо отъ графа Апраксина, который извѣщалъ, что вблизи нигдѣ не находится больше конфедератовъ 43); отсюда же онъ написалъ два письма къ трехъ-бунчужному пашѣ Хотинскому и къ Молдавскому князю съ увѣреніями въ дружбѣ и миролюби-

---

33) Тамъ же. 34) Тамъ же, стр. 134—139.

35) м. Лабунь, въ 21 верстѣ за м. Острополемъ Староконст. уѣзда Волынской губерніи.

36) Журн. Кречетникова, стр. 139. Прилуки, кіевской губерніи, Липовецк. уѣзда, ниже Калиновки при р. Деснѣ.

37) Пиковъ, Подольск. губ., Винницк. уѣзда, близь Янова.

38) Журн. Кречетникова, стр. 144. 39) Тамъ же, 146.

40) Тамъ же, стр. 165, 167. Письма къ Кречетн. стр. 40.

41) Журн. Кречетникова, стр. 167.

42) Тамъ же, стр. 168.

43) Журн. Кречетникова, стр. 169.

вомъ расположеніи къ нимъ русскаго правительства 44). 14-го числа онъ уже былъ въ Новомъ-Константиновѣ 45).

Послѣ барской конфедераціи знаменитый татарскій или янычарскій путь, а вмѣстѣ съ нимъ и городъ Хмѣльникъ все еще не теряли своего значенія въ исторіи Подоліи: хотя уже не двигались по нимь толпы татарскихъ ордъ и не тревожили злополучнаго Хмѣльника, этого вѣковаго страдальца. Но за то русскіе герои проходили почаще этимъ путемъ на защиту Подоліи. Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ царствованіе Анны Іоанновны, во время Хотинскаго похода (1739 года) русскія войска шли по правой сторонѣ древняго Янычарскаго пути возлѣ самаго Хмѣльника 46); въ 1772 году знаменитый герой графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій прошелъ тоже этимъ вѣковымъ кровавымъ путемъ 47).

Во время предпослѣдняго польскаго возстанія въ 30-мъ году городъ Хмѣльникъ, по свидѣтельству старожиловъ, былъ свидѣтелемъ одной кровавой стычки между поляками и русскими. Послѣ стычекъ при Яновѣ и Пиковѣ, часть мятежниковъ, говорятъ, была настигнута въ Хмѣльникѣ отрядомъ памятнаго полякамъ генерала Рота. Испуганные мятежники, услыхавъ грозное для нихъ имя героя-генерала, не рѣшились было сначала защищаться и убѣжали чрезъ предмѣстье Мазуровку по направленію къ деревнѣ Кумановцамъ. На половинѣ пути, за шесть верстъ отъ Хмѣльника, они были опять настигнуты и рѣшились вступить въ послѣдній 48) рѣшительный бой. Произошла ожесточенная борьба; мятежники лучше готовы были умереть, чѣмъ попасться живыми въ руки неумолимому генера-

---

44) Тамъ же, стр. 168—169.

45) Тамъ же, стр. 169.

46) Этимъ путемъ шли русскія войска и туда и назадъ. См. дневныя записки малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича. Изд. А. Марковича. М. 1859 г. ч. II, стр. 66—68, 90 91. Въ этихъ запискахъ только упоминаетъ Марковичъ, что ночью съ 9-го на 10-ое Сентября „ѣхали степомъ гончарихою мимо корчмы прозываемой Хмѣльницкою и прибыли въ село Березовку," стр. 90.

47) См. Архивъ военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева Задунайскаго, ч. II, стр. 20—33. Сообщ. М. О. Судіенко.

48) Это были остатки мятежническихъ шаекъ; это, говорятъ, была и послѣдняя стычка.

лу и, какъ говоритъ преданіе, почти всѣ пали на мѣстѣ. Въ настоящее время только статуя Яна Непомуцена, поставленная здѣсь набожными поляками-патріотами, указываетъ мѣсто этой послѣдней хмѣльникской битвы 49).

Во время послѣдняго польскаго возстанія часть инсургентовъ изъ полка Ружицкаго или Круна тоже послѣ стычки при Старомъ Константиновѣ приблизилась было къ Хмѣльнику и расположилась станомъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ происходила упомянутая нами выше послѣдняя польская стычка. Мѣсто это напомнило запоздалымъ защитникамъ давно отпѣтой „ойчизны“ генерала Рота, воодушевило ихъ новою ненавистію къ схизматикамъ и побудило ихъ отомстить здѣсь москалямъ за кровь своихъ соотечественниковъ; но они были гораздо менѣе храбрые чѣмъ ихъ предшественники: ихъ, говорятъ, прогналъ какой-то хмѣльникскій жидокъ, обманувъ извѣстіемъ о мнимомъ приближеніи къ Хмѣльнику русскихъ войскъ изъ г. Литина. Услышавъ это, храбрые защитники ойчизны побѣдоносно отступили. Этимъ и оканчиваемъ нашъ краткій обзоръ внѣшнихъ историческихъ событій въ г. Хмѣльникѣ, и переходимъ къ обозрѣнію его внутренней жизни.

---

49) Впрочемъ, по распоряженію хмѣльницкой полиціи эта статуя снята съ своего мѣста, осталась одна только пустая каменная капличка, въ которой стояла статуя.

III.

НОВОЕ УКЛОНЕНІЕ СЪ ПУТИ ИСТИНЫ.

Вопросъ о народномъ образованіи, казалось, рѣшенъ былъ окончательно въ пользу религіозно-нравственнаго образованія. Иначе и не могло быть. Рѣшеніе иное было бы возстаніемъ противъ истины, было бы направлено къ желанію—нанести возможно большій вредъ народу, церкви и государству. И мы, въ свою очередь, назадъ тому болѣе шести лѣтъ 1), въ самый разгаръ разноголосицы нашей прессы касательно характера и дѣятелей народнаго образованія, посвятили этому предмету обширную статью. Эта статья, кромѣ напечатанія въ 3500 экзем. Вѣстника, по особому запросу, распространенная въ значительномъ числѣ экземпляровъ отдѣльными оттисками, имѣла, скажемъ безъ самохвальства, замѣтное вліяніе на разъясненіе спорнаго вопроса, на пристыженіе и замолчаніе большинства нашихъ нигилистовъ. Нѣкоторые учебные округи сдѣлали ее программою своей дѣятельности и ввѣрили народное образованіе тѣмъ именно, кому оно можетъ быть ввѣрено безъ опасенія вредныхъ результатовъ этого полезнаго дѣла. Такъ дѣло стояло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; охотниковъ бороться съ очевидною истиной явилось не много, да и они не шли далѣе фразъ, тамъ и здѣсь мелькнув-

1) „Вѣстн. Зап. Россіи" 1863 года, Отд. IV, стр. 115—182, статья подъ заглавіемъ: „о характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія."

шихъ въ нашей печати и походившихъ на отдѣльныя фальшивыя ноты въ прекрасномъ концертѣ. Но вотъ, не давно, одна изъ самыхъ благонамѣренныхъ и уважаемыхъ публикою газетъ посвятила цѣлую статью, значительно уклонившуюся отъ истины и, слѣдовательно, отъ той статьи Вѣстника, о которой намекнули мы выше. Передовая статья этой газеты говоритъ, между прочимъ, о сельской школѣ и ея наставникахъ такъ: „воспитанники духовныхъ семинарій и академій, равнымъ образомъ, жены и дочери лицъ духовнаго званія не могутъ образовать сколько нибудь надежный элементъ въ народномъ учительствѣ... Народный учитель не родится, а созидается (въ чемъ различіе?) учебнаго воспитательнымъ путемъ въ особыхъ, спеціально для этой цѣли устроиваемыхъ заведеніяхъ, — въ *учительскихъ семинаріяхъ*.... Крестьянинъ довѣрчиво пошлетъ сына въ школу, когда будетъ знать, что въ ней учителемъ его односельчанинъ, избранный земствомъ и проч. Положенія эти ничѣмъ въ статьѣ не доказаны, да и доказать ихъ непогрѣшимость рѣшительно невозможно. Мы не думаемъ укорять автора статьи, а тѣмъ болѣе уважаемую нами газету, помѣстившую ее на своихъ столбцахъ, въ недостаткѣ благонамѣренности,—мы скорѣе готовы допустить въ авторѣ статьи односторонность возрѣнія на предметъ, недостатокъ спеціальности, не желаніе присмотрѣться къ оборотной сторонѣ медали. Подобные промахи довольно часты и обыкновенны въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: нужно или хочется говорить о всѣхъ крупныхъ явленіяхъ текущей жизни, сотрудниковъ—спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣденія подобрать трудно, и о данномъ предметѣ пишетъ иногда человѣкъ, не получившій нужной для безошибочнаго объ немъ сужденія подготовки, или приступающій къ сочиненію съ предвзятою мыслію, съ наличнымъ предубѣжденіемъ и сословными симпатіями и антипатіями,—пишетъ потому только, что ему заказана статья. Мы думаемъ, что и статья, подавшая поводъ къ настоящей замѣткѣ, явилась подъ вліяніемъ одной, или всѣхъ вмѣстѣ, названныхъ сейчасъ причинъ ошибочнаго размышленія о характерѣ и дѣятеляхъ народнаго образованія. Поцитованная въ недавнемъ примѣчаніи статья Вѣстника,

разсуждавшая о томъ же предметѣ, разобрала его по суставамъ; путемъ логической послѣдовательности и не одолимой аргументаціи, она пришла къ убѣжденію, что характеръ народнаго образованія долженъ быть нравственно-религіозный и что главными наставниками и руководителями сельской школы должно быть православное духовенство. Отсылая къ этой статьѣ всѣхъ, желающихъ убѣдиться въ защищаемой ею истинѣ, мы теперь ограничимся общимъ взглядомъ на предметъ и устраненіемъ недоразумѣній, возбужденныхъ тою статьею газеты, которая поставила насъ въ необходимость снова рѣшать вопросъ, рѣшенный, казалось, окончательно.

Статья газеты говоритъ: „воспитанники (нѣсколько сокращаемъ и упрощаемъ мнѣніе газеты) духовно учебныхъ заведеній, жены и дочери духовенства не могутъ быть образователями народа.“ Почему? Газета не озаботилась отвѣтить на этотъ вопросъ, тогда какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается суть дѣла. Мало ли что о комъ или о чемъ можно сказать! Главное въ томъ, чтобы доказать истину сказаннаго, иначе сказанное будетъ или напраслина, или нелѣпость. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, наше духовенство 1) не можетъ быть народнымъ учителемъ,—иначе: почему не можетъ учить въ школѣ тотъ, кто можетъ учить, и учить народъ въ церкви, кто учитъ его въ школѣ жизни? Быть можетъ потому, что наше духовенство неполучило нужной для этой профессіи подготовки, что оно не имѣетъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должно сообщить народу? Конечно, нѣтъ. Народъ не готовится къ какой либо спеціальности, или профессіи, незнакомой священнику, да сельская школа и не дѣлаетъ образованія спеціалистовъ и профессоровъ своею задачей. Если бы народъ нашъ пріобрѣлъ хоть сотую часть знаній, какими обладаетъ нашъ священникъ, онъ уже пріобрѣлъ бы не только необходимыя, но и составляющія для него роскошь просвѣщенія знанія. Ужели нашъ священникъ не можетъ научить дитя своего прихожанина читать и писать, понимать написанное и прочитанное, преподать ему первыя

---

1) Подъ именемъ его мы будемъ по премуществу разумѣть священниковъ.

четыре дѣйствія ариѳметики, расказать событія изъ церковной или гражданской исторіи, доказать нелѣпость такого или другого предразсудка, суевѣрія? Предполагать въ нашемъ священникѣ такое неумѣнье, такое невѣжество, чуть не идіотство, значитъ унижать не его, а себя, значитъ не сознавать того, что говорится, допускать нелѣпость первой величины, безсознательно аккомпанировать нашимъ ненавистникамъ духовенства.

Да священникъ не изучалъ педагогики,—науки учить,— какой же онъ будетъ наставникъ сельской школы?, скажутъ возражатели. Тѣ знанія, которыя должно вынесть изъ школы дитя нашего простолюдина, могутъ быть переданы ему, хотя бъ и вовсе не существовало на свѣтѣ педагогики, *какъ науки.* Наука эта выработана и систематизирована весьма недавно, а между тѣмъ несмѣтное множество глубокихъ мыслителей, знаменитыхъ ученыхъ образовалось внѣ ея опеки и руководства. Когда училъ Платонъ или Аристотель, думалъ ли онъ, что разыгрываетъ роль самозванца, просвѣщая своихъ учениковъ не по указкѣ *формулированныхъ* правилъ педагогики? Впрочемъ, снисходя къ придиркамъ возражателей, духовно-учебное начальство ввело, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ курсъ семинарскаго ученія и преподаваніе педагогики, такъ что и сильнѣйшее quasi возраженіе ихъ противъ законности и нормальности учительства священника въ сельской школѣ, потеряло теперь всякую силу и значеніе.

Быть можетъ нашему священнику потому нельзя ввѣрить сельской школы, что на него нельзя положиться со стороны нравственной, религіозной, политической? Мы не для того задались этимъ вопросомъ, чтобъ отвѣтъ на него былъ сомнителенъ, а для того, чтобы не оставить ни одной стороны предмета не тронутой, и чтобы доказать что только одно православное духовенство можетъ сообщить необходимое для народа и цѣлесообразное образованіе. Не обижая и не унижая никакого сословія, смѣло можемъ сказать, что наше духовенство, въ огромномъ своемъ большинствѣ, консервативнѣе, благонамѣреннѣе, благонадежнѣе со стороны политической и нравственно-религіозной всякаго другого сословія. Таковы условія его рожденія, воспитанія, образованія, таково міросозер-

цаніе нашего духовенства, таковъ характеръ его миссіи и его самого, таковъ характеръ православія, ставящаго священника въ самое нормальное отношеніе къ власти и обществу. А между тѣмъ въ дѣлѣ народнаго образованія не столько важна научная его сторона, сколько нравственно-религіозная. Сельская школа должна образовать не ученаго, не спеціалиста, а грамотнаго человѣка, должна *воспитать* добраго христіанина, честнаго гражданина; тѣ изъ не многихъ недѣлимыхъ народа, которые почувствуютъ призваніе къ учености, къ какой либо спеціальности, найдутъ ихъ въ другихъ мѣстахъ. Сельская школа по преимуществу должна защитить народъ нашъ отъ тѣхъ ядовитыхъ міазмовъ лжепросвѣщенія, которые навѣяны къ намъ съ запада и прилипчивость которыхъ доказана кое-какими эпизодами изъ жизни современной намъ молодежи. Со стороны этой нравственной эпидеміи никто не можетъ такъ гарантировать народъ нашъ, какъ представитель религіи православной и учитель нравственности. Не смѣемъ скрыть отъ себя той грустной истины, что нѣкоторые признаки нравственной порчи начинаютъ обнаруживаться уже и въ нашемъ народѣ. Всѣмъ извѣстно то обиліе, разнообразныхъ преступленій противъ Бога, себя и ближняго, которое печалитъ душу наблюдателя, при чтеніи послѣднихъ страницъ народной лѣтописи. Едва-ли найдется № газеты, не загряженный описаніемъ эпизодовъ этой печальной лѣтописи: убійства, самоубійства, воровства, грабежи, поджоги, дѣторастлѣнія, дѣтоубійства, кровосмѣшенія, святотатства и проч. тянутся безконечною вереницей по страницамъ хроники современной народной жизни. Легкость отношеній къ чужой жизни, личности, къ чужой, даже Божіей, собственности поражаетъ ужасомъ людей, слѣдящихъ за настоящимъ состояніемъ народной нравственности. Одинъ только священникъ можетъ остановить такой напоръ зла, это даже прямая, первая и святая его обязанность. Но онъ можетъ это сдѣлать только тогда, когда никто не будетъ мѣшать ему это сдѣлать, когда онъ будетъ имѣть больше легальныхъ точекъ соприкосновенія съ народной жизнію, когда его наблюденію будетъ подлежать не безконтрольная только-внутренняя, но и внѣшняя жизнь и школа прихода, бросающая въ

душу дитяти первыя сѣмена нравственности, полагающая первыя основы нормальныхъ убѣжденій и дѣятельности человѣка-семянина, гражданина, христіанина. Безъ такихъ отношеній священника къ приходу, никто и ничто не можетъ остановить упадка народной нравственности, прогрессивнаго накопленія преступленій, золъ и бѣдствій. Быть можетъ зло оттого такъ и разрослось, развѣтвилось, что нѣкоторыя лица, земства и управы стараются поставить жизнь и школу прихода въ возможно болѣе разрозненное положеніе отъ законнаго блюстителя ихъ и приставника, что въ сельскую школу стали проникать модныя идейки новѣйшаго соціализма и отрицанія, что судъ началъ оправдывать убійцъ, а присяжные дѣлать складчины въ пользу святотатцевъ? Да, на упадокъ народной нравственности, на средства къ поднятію ея нужно обратить серьезное и не отложное вниманіе, иначе Богъ вѣетъ куда дойдетъ народъ' идя по настоящей дорогѣ.

Быть можетъ священнику некогда заниматься народной школой? И этого вопроса мы коснулись потому только, что онъ существуетъ и что онъ сталъ на очереди. Если бы нашему духовенству некогда было заниматься этимъ дѣломъ, оно не открыло бы десятковъ тысячъ школъ по своей исключительной иниціативѣ. Вѣдь никто его не принуждалъ къ тому! Какой смыслъ будетъ имѣть возраженіе: „вамъ некогда заниматься этимъ дѣломъ,“ въ отношеніи къ человѣку, который самъ задался этимъ дѣломъ, обязанъ выполнять и выполняетъ его съ возможнымъ усердіемъ? Да если только нельзя отвергнуть той истины, что занятіе приходскою школой составляетъ прямую обязанность начальника прихода, наставника народнаго, то слову „*некогда*“ не будетъ уже мѣста. Чиновникъ не смѣетъ сказать: мнѣ некогда ходить въ канцелярію, воинъ: мнѣ некогда идти на ученье, ученикъ: мнѣ некогда учить урокъ, ходить въ классъ, и учитель народный не смѣетъ сказать: мнѣ некогда заниматься народною школой. Да онъ никогда этого не говорилъ и, мы въ томъ увѣрены, никогда не скажетъ. И занятія священника по земледѣлію совпадаютъ съ такими же занятіями его прихожанъ. Въ эпоху такихъ занятій сельскія школы закрываются, а къ порѣ открытія ихъ священникъ становится совер-

шенно свободнымъ отъ стороннихъ занятій также, какъ и питомцы сельской школы. Пять-шесть экстренныхъ требоисправленій, чаще всего случающихся ночью, немного похитятъ минутъ у священника, какъ приставника народной школы. Словомъ: поставленное въ заголовкѣ настоящаго отдѣла статьи возраженіе давно пора бы оставить въ покоѣ и сдать въ архивъ, а къ духовенству относиться съ сердечною признательностію за его усердіе къ народному развитію.

Говоря все выше сказанное, мы отнюдь не думали упорствовать въ той мысли, что нашему духовенству должно принадлежать *исключительное* право преподаванія въ сельской школѣ, что отъ такой школы должны быть устранены всякіе другіе учители; мы только утверждаемъ, что отъ сельской школы нельзя *устранять* священника, что онъ долженъ быть *главнымъ* ея руководителемъ и блюстителемъ даже и въ томъ случаѣ, когда въ школѣ есть другой учитель грамотности и когда священникъ преподаетъ въ ней только законъ Божій, что онъ долженъ контролировать не только нравственно-религіозное, но и научное направленіе школы, и образъ мыслей и убѣжденій самого учителя, что послѣдній долженъ быть поставленъ въ *нравственной* зависимости отъ священника, какъ хозяина прихода, какъ блюстителя народной нравственности, за которую онъ отвѣтчикъ предъ Богомъ и людьми *). Иначе можетъ случиться то, что довѣрчивыя и восприимчивыя дѣти выйдутъ изъ школы съ спорченымъ умомъ и сердцемъ, а священнику придется истощать напрасныя усилія въ борьбѣ съ закоренѣлыми недугами нравственными. Мы не отрицаемъ возможности прекрасныхъ наставниковъ сельской школы, вышедшихъ изъ среды народа, воспитанныхъ въ учительской семинаріи; но мы все таки не можемъ приравнивать ихъ священникамъ, не обижая и не унижая сихъ послѣднихъ. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ учительской семинаріи, не могутъ вполнѣ искоренить недостатковъ расы, установить прочность и безошибочность убѣжденій, уничтожить всосанныя съ молокомъ матери по-

*) Въ такомъ отношеніи и поставленъ къ священнику учитель народной школы въ виленскомъ учебномъ округѣ.

трѣшности міросозерцанія, развить даже интеллектуальную сторону до степени образцоваго руководителя молодого поколѣнія, до возможности конкурренціи съ священникомъ, такъ много, такъ усердно и разносторонно подготовлявшимся къ прохожденію обязанностей народнаго учителя и приставника нравственности прихода. Будучи даже вполнѣ удовлетворительнымъ преподавателемъ грамотности, ариѳметики, воспитанникъ учительской семинаріи не можетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ школы: у него еще нѣтъ той опытности, того авторитета, той законченности убѣжденій, какія необходимы для должнаго прохожденія важной и трудной миссіи руководителя молодого поколѣнія, онъ самъ еще нуждается въ стороннемъ наблюденіи, руководствѣ, предостереженіи, вразумленіи, онъ еще самъ юноша, съ шаткими мыслями, съ порывистими и ненормальными влеченіями сердца. Мы не можемъ, по этому согласиться съ газетой, которая дала поводъ къ настоящему собесѣдованію съ публикой, будто „крестьянинъ пошлетъ сына въ школу и довѣрчиво отнесется къ ея требованіямъ, когда онъ будетъ знать, что въ ней учителемъ его односельчанинъ *) и, стало быть, оборотная сторона медали, не пошлетъ сына въ школу, отнесется къ ней не довѣрчиво, когда въ ней будетъ учителемъ, положимъ, священникъ. Такое *предположеніе* состоитъ въ нѣкоторомъ разладѣ съ опытомъ: всѣ знаютъ, съ какимъ „довѣріемъ" относятся народъ къ школамъ, открытымъ духовенствомъ, сколько тысячъ сыновъ своихъ послалъ онъ въ такія школы, сколько составилъ приговоровъ на содержаніе школъ и съ какою реакціей отнесся къ тѣмъ, которые усиливались устранить отъ школы священника и вручить ее другимъ приставникамъ. На страницахъ „Вѣстника западной Россіи" за первые годы его существованія, такъ много помѣщено фактическихъ доказательствъ этихъ истинъ, что мы находимъ громоздкимъ заявить здѣсь одну простую перечень ихъ и однѣ цитаты. Мы приходимъ даже нерѣдко къ тому предположенію, что земства немногія и приходы, устраняющіе отъ школы священника, что *нѣкоторые*

*) Непремѣнно *односельчанинъ?* Не много ли понадобится односельчанъ?

священники подали имъ поводъ отнестись недовѣрчиво къ просвѣтительному на школу вліянію священника, а земство и приходъ сдѣлали не логичное заключеніе отъ части къ цѣлому. Особенно опасно оставить школу безъ зоркаго серьезнаго, постояннаго контроля въ западной Россіи, гдѣ такъ трудно защитить школу отъ внушеній и ложныхъ толковъ партіи враждебной православію и обрусѣнію края.

Разсуждая о народномъ образованіи, мы не можемъ обойдти такой авторитетной цитаты, каково мнѣніе объ этомъ предметѣ знаменитаго моралиста, историка, мыслителя Гизо. „Образованіе народа, говоритъ онъ, тогда только будетъ вполнѣ правильно и общественно-полезно, когда оно глубоко религіозно.... Необходимо, чтобы народное воспитаніе передавалось и получалось среди религіозной атмосферы.... Въ народныхъ школахъ вліяніе религіозное должно быть постоянно присуще. Если наставникъ считаетъ себя независимымъ отъ священника дѣятелемъ, тогда нравственное значеніе школы потеряно и она не далека отъ того, чтобы сдѣлается опасностью *). Такъ думаютъ весьма многіе знаменитые и благонамѣренные мыслители, такъ думаетъ все православное духовенство, такъ думаетъ огромное большинство (чтобы не сказать весь) нашего народа, такъ думаетъ г. Погодинъ и Шедо-Феротти. О двухъ послѣднихъ авторитетахъ мы упомянули потому только, что мнѣнія ихъ о народномъ образованіи возбудили противъ себя ту газетную статью, которая теперь заставила насъ взяться за перо, помимо всякаго желанія полемизировать съ уважаемою нами газеткой.

Да и гдѣ взять столько учительскихъ семинарій, чтобы можно было образовать около 50 т. народныхъ учителей? гдѣ взять тѣ огромныя матеріальныя средства, которыя понадобились бы для содержанія такихъ семинарій, и стольскихъ народныхъ училищъ? У земства? Но тогда земство истощило бы свои средства на образованіе народное до такой крайности, что на другія, столь же важныя и, можетъ быть, даже болѣе неотложныя и вопіющія потребности его ничего не осталось бы, или прибѣгло бы къ обремененію народа такими налогами, которые превышали

*) Guizet, Memoires t. III, p 69. Гизо—кальвинистъ.

бы способы его пріобрѣтенія и поставили бы его въ безвыходное положеніе, такъ какъ безъ образованія своихъ дѣтей простолюдинъ еще кое-какъ прожить можетъ, но безъ хлѣба прожить не можетъ *). Объ обремененіи государственнаго казначейства расходомъ на народное образованіе въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ проэктируетъ газета, ни оно, ни мы не смѣемъ и думать: такое обремененіе поставило бы его въ положеніе болѣе чѣмъ критическое. И къ чему такія натуги въ дѣлѣ, которое въ нихъ нисколько не нуждается и которое для почина идетъ весьма удовлетворительно, благодаря дружному и энергичному содѣйствію нашего народолюбиваго духовенства, трудящагося на пользу народнаго образованія, въ большинствѣ случаевъ, безмездно, успѣшно, не рѣдко снабжающаго школу нужными для нея потребностями изъ своихъ скудныхъ средствъ, стѣсняющагося съ семействомъ въ своемъ не обширномъ помѣщеніи, чтобъ опростать въ немъ помѣщеніе для школы, открывшаго во всѣхъ семинаріяхъ педагогическіе курсы, во многихъ воскресныя школы, и даже издающаго такія капитальныя сочиненія для народнаго образованія, каково составленное и изданное недавно тремя наставниками кіевской академіи и семинаріи **). „Руководство къ начальному обученію“ и многія другія?

Должно же быть, скажутъ, однакожъ, основаніе для заявляемаго такъ нерѣдко въ нашей прессѣ нежеланія подчинить народную школу руководящему вліянію духовенства? Быть можетъ къ такому нежеланію подало поводъ неудовлетворительное состояніе нѣкоторыхъ школъ, заправляемыхъ малограмотнымъ дьячкомъ, престарѣлымъ священникомъ или діакономъ? Не споримъ, что такія школы есть, какъ онѣ могутъ быть и при наставникахъ изъ учительской семинаріи, не поголовно же образцовыхъ; но такія школы составляютъ только исключеніе изъ правила, слабую тѣнь на свѣтлой и прекрасной картинѣ; большинство же школъ, заправляемыхъ *священниками,* находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи—тѣмъ болѣе, что

*) Да земства еще и не вездѣ открыты.

**) Академіи гг. Малышевскимъ и Зайцевскимъ и семинаріи г. Экземплярскимъ.

сообщаетъ молодому поколѣнію то именно образованіе, которое полезнѣе для него и необходимѣе всякаго другаго. Въ подтвержденіе сказаннаго ссылаемся на свидѣтельство всѣхъ благонамѣренныхъ людей, слѣдившихъ за образованіемъ народа, на всѣхъ безпристрастныхъ блюстителей и приставниковъ народнаго образованія, на „краткій (и въ тоже время весьма интересный и поучительный) отчетъ о состояніи сельскихъ школъ, заведенныхъ въ виленскомъ учебномъ округѣ,“ помѣщенный въ февральской книжкѣ „Вѣстника западной Россіи“ 1863 г. (отд. IV, стр. 231—243), и на безчисленное множество замѣтокъ и заявленій разсыпанныхъ по всему пространству этого изданія и наглядно убѣждающихъ невѣрующаго въ высказанныхъ выше истинахъ.

Вообще для устраненія отъ сельской школы священника нѣтъ *никакого* „основанія,“ а есть только предубѣжденіе противъ духовенства, обязанное своимъ бытіемъ или непониманію людей и дѣла, или смутному представленію о клерикализмѣ, о какомъ то клерикальномъ направленіи, которое, будто бы, можетъ сообщать народному образованію наше духовенство. О непониманіи говорить нечего; оно, какъ грѣхъ невольный, не вмѣняется, хотя для вразумленія непонимающихъ и много было высказано понимающими такого, чего они не опровергли и опровергнуть не могутъ. Клерикализмъ въ православіи, на который такъ много потрачено *фразъ* нѣкоторыми многовѣщателями, есть то, что называется idea fixa, есть слово безъ понятія, есть идея, которой не достаетъ соотвѣтствія дѣйствительности. Мы такъ часто, такъ сильно доказывали невозможность въ православной Россіи клерикальной партіи, что теперь считаемъ обиднымъ для истины поддерживать ее новыми контрафорсами. Клерикализмъ въ православіи—это тоже, что мракъ въ свѣтѣ, ложь въ истинѣ. То, что въ римскомъ католицизмѣ называютъ клерикальнымъ направленіемъ, у насъ можетъ быть названо, если угодно, направленіемъ религіознымъ, или точнѣе православнымъ. Нѣтъ выше, достохвальнѣе, достойнѣе человѣка христіанина такого направленія! Безъ него человѣкъ не полный человѣкъ, христіанинъ не совсѣмъ христіанинъ, русскій-полу-русскій. Такого направленія и держится православное, смиренно

мудрое, консервативное, добронадежное духовенство, такого направленія держатся всѣ доблестные, благонамѣренные сыны Россіи и въ главѣ ихъ глава ея, Первенецъ матери православной нашей церкви, помазанникъ Божій, высокій представитель и покровитель всего православнаго міра. Нечего, поэтому опасаться если духовенство наше сообщитъ и народу нашему такое направленіе, съумѣетъ пропитать просвѣщеніе человѣческое свѣтомъ православія, сообщитъ сельской школѣ нравственно-религіозное направленіе, такъ много совпадающее и съ симпатіями нашего народа и съ потребностями полезнаго для него и для Россіи развитія.

Быть можетъ, къ толкамъ о клерикализмѣ нашихъ подала поводъ реакція, какую заявили общества и правительства въ націяхъ римско-католическихъ противъ клерикальной партіи и вреднаго вліянія ея на народъ вообще и народную школу въ особенности? Но гдѣ нѣтъ клерикальной партіи, тамъ не можетъ быть и вреда отъ ея вліянія на народъ и его школу. Нельзя оставить народъ и школу беззащитными отъ того духовенства, которое желаетъ на нихъ имѣть вліяніе не столько религіозное, сколько политическое, которое желаетъ сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ сепаративныхъ замысловъ, пособниками революціонныхъ предпріятій, котораго государи не въ Парижѣ, не въ Вѣнѣ, не въ Мадритѣ, которое всегда и вездѣ составляетъ, statum in statu, котораго мысли, чувства и дѣйствія направлены безраздѣльно къ отстаиванію своей политической позиціи, къ поднятію своихъ внѣшнихъ интерессовъ. Наше духовенство составляетъ радикальную противоположность такому духовенству: оно не выходитъ изъ предѣловъ нравственнаго служенія Богу и ближнему, оно „не ищетъ своихъ си,“ не интригуетъ между властію и народомъ, не затѣваетъ усобицъ; оно служитъ провозвѣстникомъ и защитникомъ здравыхъ, мирныхъ и добронадежныхъ убѣжденій, оно служитъ истолкователемъ нормальныхъ отношеній человѣка къ Богу, народа къ царю и отечеству, оно всегда являлось доблестнымъ и непобѣдимымъ поборникомъ противъ тѣхъ, которые старались поколебать такія убѣжденія и отношенія; вліянія такого духовенства на народъ и школу, опять повторимъ, опасаться нечего; это было бы тоже, что пугаться своей тѣни.

Отчего наши глашатаи приравниваютъ наше духовенство къ такому, съ которымъ нѣтъ у него ничего общаго, а не къ духовенству націй, держащихся разныхъ отраслей вѣроученія Лютера,—къ ксендзу, а не къ пастору? Еслибъ они потрудились и умѣли провесть эту параллель, они увидѣлибъ, что пасторъ есть душа прихода, президентъ приходскаго совѣта, распорядитель приходской, по большой части весьма значительной, кассы, совѣтникъ, судія и руководитель во всѣхъ случаяхъ жизни семейной и гражданской; они увидѣлибъ, что пасторъ есть единственный начальникъ приходской школы, которому всецѣло подчиненъ ея учитель, что противъ такого отношенія пастора къ школѣ никогда не протестовали, ни власть, ни общество, такъ какъ они видятъ, что такое отношеніе благотворно отражается въ жизни народа, полагая въ молодомъ его поколѣніи прочныя начала полезныхъ знаній и доброй нравственности и воспитывая въ нихъ разумныхъ людей, добрыхъ христіанъ и честныхъ гражданъ; они увидѣли бы, наконецъ, что въ тѣхъ націяхъ, въ которыхъ священникъ находится въ намѣченныхъ недавно отношеніяхъ къ приходу и школѣ, преступленія составляютъ рѣдкость, права лицъ и собственности яснѣе сознаются и болѣе уважаются, отношенія къ религіи благоговѣйнѣе, къ семьѣ нѣжнѣе, къ обществу безупречнѣе, чѣмъ въ иныхъ націяхъ. Какъ не пожелать, чтобъ и нашъ священникъ стоялъ къ приходу и школѣ въ такихъ же отношеніяхъ въ какихъ стоитъ къ нимъ пасторъ! Такое желаніе тѣмъ законнѣе, что житейскій складъ того и другого одинаковъ, за исключеніемъ только матеріальныхъ средствъ къ существованію, которыми пасторъ обезпеченъ несравненно болѣе нашего священника, въ большинствѣ случаевъ, обязаннаго своимъ довольствомъ личному участію въ трудахъ земледѣльца, отвлекающихъ его отъ трудовъ моральныхъ и поставляющихъ его въ горькой зависимости отъ произвола прихожанъ.

IV.

ПОЛЬСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ НА ЗАПАДѢ РОССІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Продолженіе *).

На сеймахъ, сеймикахъ и собраніяхъ, какъ мы сказали, своеволіе, разнузданность и насиліе не знали никакихъ предѣловъ; произволъ сильнаго достигалъ своего апогея. Всякій чувствовалъ себя во всей силѣ и блескѣ своего верховнаго господства, сознавалъ свою *золотую свободу* (złota wolność), считалъ себя владыкою, равнымъ королю, да каждый и видѣлъ въ себѣ все нужное, чтобы быть королемъ. Хотя при выборахъ послѣднихъ (elekcyach), мелкіе шляхтичи довольствовались самымъ ничтожнымъ подаяніемъ претендентовъ на корону, напр. глоткомъ водки, или монетой 1), тѣмъ не менѣе это не мѣшало имъ чваниться своими вольностями, равноправіемъ, свободою и честью выбирать королей и самимъ быть избранными въ главы государства. Каждому шляхтичу съ юныхъ лѣтъ чадолюбивые родители вдолбляли въ голову, что онъ не долженъ позволять никакихъ ограниченій своихъ вольностей, не долженъ соглашаться ни на какіе законы, стѣсняющіе личный произволъ,—не допускать никакихъ податей и налоговъ. Полякъ росъ съ этими збадомашними, спѣсивыми понятіями, мужалъ и крѣпнулъ въ физической силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятія, внушаемыя съ ранней юности, проникали до тла его костей, впивались въ

---

*) Смотри „Вѣстн. Зап. Россіи“ за 1868 кн. 10, и за 1869 г. кн. 6.

1) См. фр. фонъ-Смиттъ и Bizardière.

мозги, кровь и плоть,—дѣлались второю его натурою. Каждому депутату *), избранному представителями отдѣльнаго уѣзда (powiatu) давалась строжайшая инструкція: не соглашаться на сеймахъ на подати „na podatki nie zezwolać“. Королю и государству оставлялась въ этомъ случаѣ полная свобода: думать и дѣлать, какъ знаютъ. Воспитанный на псевдо-коммунистическихъ началахъ юноша, вступая въ свѣтъ и дѣятельность, только и заботился о томъ, какъ сохранить свои вредныя, неразумныя вольности и преимущества. Постоянною усиленною работою цѣлыхъ столѣтій было возможное унижаніе и обезсиленіе власти короля и правительства. Поляки, во всемъ безтактные и лѣнивые, успѣли однако достигнуть до того, что въ эпоху раздѣловъ, власть короля и правительства обратилась въ пустой титулъ. Король пользовался только названіемъ, не рѣдко будучи слабѣе многихъ изъ могущественныхъ и независимыхъ своихъ подданныхъ. На польскомъ престолѣ сидѣлъ собственно призракъ короля, ибо вся сила государства, неутомимыми стараніями дворянства, перешла наконецъ въ руки этого сословія. Стоитъ удивленія, до какихъ тонкостей можетъ дойти полякъ въ исполненіи своихъ цѣлей и плановъ, если они остаются въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій однѣ и тѣже... Эта единственная настойчивость поляка по истинѣ достойна лучшей участи и лучшаго назначенія. Мы видимъ, между тѣмъ, что слѣдствіемъ ея былъ весь анархическій государственный строй ржечипосполитой: вся верховная, законодательная, административная и исполнительная власть перешла въ руки сильнѣйшей дворянской корпораціи, въ ущербъ остальному шляхетству, и чего старалось не видѣть ослѣпленное собственнымъ блескомъ самолюбіе—въ явную потерю для государства и блага страны, въ вопіющую несправедливость по отношенію ко всѣмъ прочимъ сословіямъ. Вся судьба государства и подданныхъ зависѣла отъ постановленій и выборовъ на сеймахъ, которые въ свою очередь, подчинялись вліянію господствовавшей корпораціи, а это вліяніе обусловливалось единственно произволомъ невѣжественныхъ по большей части магнатовъ. По уѣзднымъ сеймикамъ (powiatowe sejmy) избирались депутаты изъ среды господствующаго сословія. Эти депутаты являлись на государственный сеймъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся

*) Тамъ же.

благоустройства страны, по *даннымъ заранѣе инструкціямъ* сеймиковъ, передъ которыми они обязаны были давать во всемъ отчеть. Такимъ образомъ польская шляхта полагала, что ничего не можетъ быть предпринято въ государствѣ безъ ея согласія и, слѣдовательно, ничего, противнаго ея интерессамъ. Государственный сеймъ, при выборѣ короля, обязывалъ его на конвокаціонномъ сеймѣ (назначаемомъ вслѣдъ за избраніемъ новаго короля), присягать на всѣ тѣ условія, какія угодно будетъ выставить конвокаціонному сейму; эта противуестественная церемонія называлась pacta conventa. Путемъ *p. c.* шляхетство всякій разъ, при избраніи новыхъ королей, имѣло самый удобный случай стѣснять власть своихъ правителей, дѣлать ее все болѣе ничтожною, призрачною; а свою, напротивъ, усиливать до чудовищныхъ размѣровъ. Если же королю вздумалось бы не удовольствоваться однимъ пустымъ титуломъ, а развязать сколько-нибудь себѣ руки, то ему оставалось развѣ одно: произвесть 18 брюмера, или 2 декабря *).

Но и тутъ шляхтичи, опасаясь такого средства со стороны стѣсненнаго короля, придумали своеобразную мѣру, которую можно назвать, пожалуй, верхомъ совершенства въ стремленіяхъ шляхетскаго духа. По инициативѣ первѣйшихъ умовъ шляхетскаго издѣлія *вольное дворянство* ухитрилось на одномъ прекрасномъ сеймѣ испечь такъ называемую *конфедерацію*, или *постоянное возстаніе!* Замѣтьте, западно-русскіе, что эта дикая мѣра явилась гораздо ранѣе того времени, въ которомъ родилась пресловутыя исчадія больного воображенія Лафайэта **).

Конфедерація имѣла цѣлью сдѣлать законнымъ всеобще и мгновенное возстаніе противъ какого бы то ни было института, непосредственно исходящаго отъ особы короля. Конфедерація—одна изъ жесточайшихъ, пресловутыхъ мѣръ шляхты противъ *блага своего отечества* (конечно поляки иначе ее понимали) могла по справедливости назваться *диктатурою дворянства*, т. е. соб-

---

*) См. Исторію реставраціи во Франціи.

**) Можно допустить предположеніе, къ стыду утопическихъ теорій сказаннаго мыслителя, что онѣ, статься можетъ, не только были не новостью на горизонтѣ цивилизованной Европы, но, чего добраго, прямо ведутъ свое начало отъ изученія духа польскихъ конфедерацій. Это впрочемъ къ дѣлу не относится, могъ Лафайэтъ и безпосредственно измыслить свои теоріи.

ственно нѣсколькихъ сильнѣйшихъ людей. Вотъ вамъ и свобода и вольности: римская диктатура, во времена республики, которую поляки ставили себѣ въ образецъ, какъ исходящая отъ правительства, не имѣла ничего общаго съ польскою и отличалась, напротивъ, единствомъ и опредѣленностью цѣлей, имѣвшихъ въ виду благо государства—силою, необходимою для надлежащаго исполненія этихъ цѣлей. А вѣдь поляки считали римлянъ своими образцами, которымъ обязаны были подражать—и даже отцы іезуиты съ величайшимъ усердіемъ вдалбливали въ мозги молодежи плохую *латынь*, и полякъ часто зналъ ее лучше (хотя и плохую), чѣмъ свой родной языкъ. Прямымъ слѣдствіемъ дальнѣйшаго развитія конфедераціи было liberum-veto—зло и безсмысліе, до котораго только могла когда-нибудь дойти дурь и причудливость шляхты. Выше этаго апогея безсмыслія и безобразія, человѣкъ со здравымъ разсудкомъ ничего придумать не можетъ. Liberum veto давало право всякому пьяному оборванцу, подкупленному, или нѣтъ, крикнуть глупѣйшее „veto! въ одно прекрасное утро, или вечеръ, при утвержденіи какого-нибудь многотруднаго постановленія сейма и тѣмъ разорвать его, уничтожить въ одно мгновеніе всякій полезный и спасительный институтъ. И совершивъ этотъ подвигъ, безумецъ преспокойно убирался вонъ, а король, сенаторы—дѣлайте какъ хотите и какъ знаете. Взбѣшенные панибраты не рѣшались безполезно разрубить своими саблями дорогаго оппонента.

Вотъ вамъ картина государственнаго строя Польши! Ясно, что причиною подтачивающею самостоятельность ржечипосполитой, стремившею ее къ неминуемой, вѣчной погибели, было самовластіе дворянства. Главными мотивами истекшаго оттуда анархическаго государственнаго строя были: во первыхъ: *безразсудныя республиканскія учрежденія* и во вторыхъ: *невозможность усовершенствованія ихъ въ монархическомъ смыслѣ* *), такъ какъ польская Rzeczypospolita была въ собственномъ смыслѣ *монархіей*, ставившей во главѣ, какъ посмѣшище, надъ собою призракъ безвластнаго короля.

*) Важнымъ подспорьемъ въ моихъ изслѣдованіяхъ служило сочиненіе фр. фонъ Смитта: „Суворовъ“ и „паденіе Польши,“ куда и отсылаю любознательныхъ моихъ собратій, кто изъ нихъ пожелаетъ запастись спеціальными по польскому вопросу (эпоха Суворова) свѣденіями.

Три основные, вѣчные недуга, которыми страдала Польша и которые склонили ее къ неминуемой погибели—недуги, развившіеся единственно вслѣдствіе необузданнаго характера дворянства,—формулировались главнымъ образомъ *въ избирательномъ престолонаслѣдіи*, *независимости высшихъ государственныхъ властей и единогласіи въ рѣшеніяхъ, или* liberum veto. Всѣ три недуга истекли *непосредственно* отъ природныхъ качествъ и особенностей самой націи *), бывшею причиною къ образованію и развитію ихъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Задача новѣйшей критики доказать, что польская нація, имя которой присвоиваетъ себѣ революціонная партія, и въ настоящее время стремилась бы къ осуществленію *древняго образа правленія,* если бы случилось чудо, т. е., если бы состоялось, къ счастію, уже немыслимое возстановленіе пресловутой панской свободы. Ибо эти недуги до того естественны въ польской шляхтѣ, до того присущи польской націи, до того глубоко вкоренены въ каждое послѣдующее поколѣніе, что неразрывно съ мечтой *о свободѣ,* въ горячей фантазіи поляка, является непремѣнно и форма, въ которой онъ всегда видѣлъ и желалъ бы осуществить свою niepodległość (независимость). Судите сами, западно-русскіе, кто мало-мальски способный шевелить мозгами, хотя на минуту могъ бы пожелать *такой свободы?* Между тѣмъ, полякъ только *такую именно* свободу считаетъ дѣйствительною и такой только желалъ бы достигнуть; онъ знать не хочетъ объ иной и понятія не имѣетъ о разумной свободѣ, которую мы имѣли случай выше обрисовать въ главныхъ чертахъ.

Полагаю, что теперь никому не покажется страннымъ мое предположеніе, что если поляки достигнутъ когда-нибудь такой свободы, какой единственно они добивались, то не покажется дикой и надежда, что Китай когда-нибудь сдѣлается первенствующимъ государствомъ въ ряду самыхъ цивилизованныхъ странъ земнаго шара.

Но даже Китай легче представить *первенствующимъ,* нежели Польшу *существующею* въ Европѣ на польскихъ началахъ.

Но постараемся по возможности холодно разсмотрѣть всѣ прошедшія, настоящія и, слѣдовательно, будущія стремленія, желанія и цѣли поляковъ. *Могутъ ли онѣ осуществиться?*

---

*) Націю составляло дворянство; остальныя сословія не имѣли никакого значенія.

Что было непосредственнымъ слѣдствіемъ *избирательнаго престолонаслѣдія?—Распущенность нравовъ, развращеніе* страны; въ немъ скрывался зародышъ и развитіе анархіи; оно способствовало преуспѣянію того духа, который характеризируетъ все государственное. общественное, политическое и экономическое развитіе страны. Доказать это не трудно. Всякій претендентъ престола, какъ свой панибратъ, такъ и чужеземные соискатели, пускали въ ходъ всѣ интриги, козни, подкупы, словомъ, не стѣснялись никакими средствами. Кого нельзя было подкупить, напоить, того заставляли дѣйствовать наперекоръ желаніямъ, или же молчать—насиліемъ. Какъ немыслимо послѣднее въ благоустроенномъ государствѣ, такъ оно естественно въ анархическомъ. Извѣстно, что всѣ и лантевые и конюшевые избиратели, по основнымъ законамъ страны, считались *равными*, слѣдовательно, по шляхетскимъ понятіямъ, никто и никому *не обязанъ былъ уступать*. Малѣйшее несогласіе было достаточнымъ предлогомъ, чтобы вынуть, (бывшія всегда на-готовѣ) сабли и драться, изъ за пустяковъ не на животъ, а на смерть. Дѣло и интерессъ отдѣльныхъ партій, ставились всегда выше всякихъ интерессовъ государства, и потому коноводы и зачинщики, для достиженія своихъ личныхъ выгодъ, никогда не задумывались приглашать въ несчастную свою отчизну иностранныя войска. Послѣднимъ тѣмъ менѣе было дѣла до блага чужого государства; онѣ буйствовали и грабили ни въ чемъ неповинныхъ обывателей. Иностранные послы имѣли даже *право* открытою силою поддерживать своихъ претендентовъ на престолъ. И такъ каждая элекція родила безчисленныя толпы вооруженныхъ избирателей, каждый магнатъ старался составить себѣ *партію* и развращалъ народъ подарками, подкупами, безчисленными вакханаліями и т. д. Составивъ партію и желая ее усилить, магнатъ искалъ поддержки въ иностранныхъ войскахъ. Партіи росли, усиливались и становились злѣйшими врагами другъ друга,—въ результатѣ страдала вся страна. Трудно найдти что-нибудь подобное въ исторіи всѣхъ государствъ міра. А между тѣмъ поляки считали положеніе дѣлъ въ своемъ отечествѣ весьма естественнымъ; мало того, они до того *привыкли* къ безпорядкамъ и анархіи, что малѣйшее измѣненіе или нарушеніе его привычекъ, раздражало ихъ въ высшей степени, и полякъ охотно жертвовалъ всѣмъ, чтобы привести опять свою отчизну въ при-

ичный хаосъ и безпорядокъ. Эта удивительная привязанность къ курядицѣ до того сильна въ характерѣ поляка, что онъ не въ состоянiи сообразить, сколько она можетъ принести ему бѣдствiй. Еще въ историческую эпоху, онъ не могъ угадать (да и не хотѣлъ угадать, вѣроятно), что самъ открывалъ широкiй путь въ свою страну непрiятелю. Тысячи разъ приглашаемый, онъ наконецъ вошелъ и не пожелалъ выйдти. Такъ оно и слѣдовало быть. Если поляки не умѣли управлять сами своею страною, а всегда призывали чужезенцевъ, чтобы творить у нихъ судъ и расправу, значитъ безъ нихъ и обойдтись не могли. Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе и справедливѣе *настоящаго* владычества чужезенцевъ въ странахъ, гдѣ прежде господствовали поляки, не умѣвшiе управлять сами собою. Подъ чужеземнымъ влiянiемъ въ нѣсколько лѣтъ общiй уровень ихъ благосостоянiя возвысился на ту степень, какой не достигалъ никогда въ самые цвѣтущiе даже годы рѣчипосполитой.

Когда призываемые въ Польшу иностранцы, видя положенiе дѣлъ, съ изумленiемъ спрашивали поляковъ:

«И при подобной обстановкѣ вы думаете спасти свою страну отъ завоеванiя и враждебнаго вмѣшательства сосѣдей?»

Поляки отвѣчали:

— «Мы лучше хотимъ вторженiя инозенцевъ, нежели малѣйшаго ущерба нашихъ вольностей!»

Это говорилось противъ захвата власти въ государствѣ королемъ.

Что-же, и добились чего хотѣли; власть короля дѣйствительно сдѣлалась призрачною; но сосѣди не замедлили воспользоваться этимъ. Ослѣпленные своими вольностями и усилiемъ сохранить ихъ (для чего пускались въ ходъ всѣ средства и призывалось даже иностранное вмѣшательство). Поляки не могли сообразить, что подобнаго рода вмѣшательства сосѣдей должно неминуемо повлечь за собою и ихъ господство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженiе тѣхъ безсмысленныхъ вольностей для защиты которыхъ призывались сосѣди. Итакъ вольности привели къ неволѣ.

Послушайте однако, что говорятъ поляки.

Мы нужны для государственнаго равновѣсiя народовъ, мы оплотъ Европы, мы защитники и передовые бойцы цивилизацiи!

Жалкіе мечтатели! Такъ они величаютъ себя, хвастаются и утѣшаются до сихъ поръ; такъ они отвѣчали на всѣ предостереженія. «Насъ должны *сохранять* народы Европы 1),—кичились они,—наша свобода—ихъ свобода, наша неволя—ихъ неволя.» Несчастные слѣпцы, давно уже утратившіе всякую силу и способность противудѣйствія даже самому незначительному народу, на земляхъ которыхъ около 200 лѣтъ попеременно и вмѣстѣ рыскали шведы и прусаки, трансильванцы и турки, казаки и татары, австрійцы и русскіе,—защитники же Европы и цивилизаціи не были въ состояніи ни себя защитить, ни удержать чужеземцевъ. Вѣчно неизмѣнное явленіе: чѣмъ глубже упадокъ, тѣмъ больше чванства. Такъ и Византія и древній Римъ презирали своихъ сосѣдей и не обращали на нихъ должнаго вниманія 2)!

Разберемъ, что было слѣдствіемъ *несмѣняемости высшихъ сановниковъ*. Первымъ и непосредственнымъ зломъ этого закона было то, что сановниковъ лѣтами старыхъ избирать *пожизненно*. При выше изложенныхъ способахъ выборовъ, ясно *какую пользу* приносили странѣ эти сановники. Избранные уже въ зрѣломъ возрастѣ и часто даже въ преклонныхъ лѣтахъ, они обыкновенно такъ держались старины, что ни одно полезное нововведеніе не могло проскользнуть черезъ тѣсный карантинъ, составляемый ихъ персоналомъ. Будучи королевскими министрами, они однако были совершенно независимы ни отъ короля, ни другъ отъ друга, и дѣлали вполнѣ произвольно, что хотѣли. Контроль не существовалъ. Такимъ образомъ, собственно говоря, всякій изъ нихъ былъ королемъ, гораздо болѣе имѣющимъ власти въ своемъ кругу дѣйствій, чѣмъ настоящій король. Значительнымъ вліяніемъ на общество, какое давало каждому изъ нихъ положеніе въ государствѣ, богатствами и властью, каждый изъ этихъ сановниковъ легко могъ составить себѣ сильную партію (чѣмъ всякій изъ нихъ не преминулъ и воспользоваться). Составивъ сильную опору въ народѣ, такой король не хотѣлъ знать никого и никакихъ законовъ, безчинствовалъ, кутилъ, спорилъ и не слушался короля, потому что самъ мѣтилъ на корону. Удивительно только зачѣмъ сіи господа добивались пустого королевскаго титула, имѣя въ своихъ рукахъ

---

1) См. фр. фонъ-Смиттъ. Пад. Польш.
2) См. Komarzewski. Coup. d'oeil...

власть, нерѣдко превосходящую королевскую, пользуясь большимъ значеніемъ и вѣсомъ въ государствѣ, чѣмъ самъ король.

Важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ было 16. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся власть въ государствѣ, король между ними имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ въ средніе вѣка между вассалами, первый изъ равныхъ. Это была 16-тиглавая гидра, впивающаяся со всѣхъ сторонъ въ истерзанное тѣло государства, чтобы истощать послѣдніе его соки, ибо, какъ мы уже видѣли, всякій полякъ заботился исключительно о собственныхъ выгодахъ, которымъ посвящалъ вполнѣ благосостояніе дорогой, на языкѣ, отчизны. Чѣмъ онъ былъ знатнѣе и могущественнѣе, тѣмъ болѣе страдало отъ него государство.

О слѣдствіяхъ liberum veto кажется распространяться не стоитъ. Довольно сказать, что безумные pseudo-либералы, считали это глупѣйшее, уродливое постановленіе (или право, законъ) своимъ jus cardinale, speciallissimus et unicum, zienicą oka (зрачкомъ въ глазу)! До чего оно довело всякій знаетъ изъ преданія о Сицинскомъ изъ Упиты. Впрочемъ подобныхъ случаевъ много *); не одинъ Сицинскій, подобно сжегшему дельфійскій храмъ сапожнику, сдѣлался народнымъ героемъ (!). При избраніи напр. короля Владислава IV, одинъ шляхтичъ, усердно посѣщавшій всѣ засѣданія сейма, когда уже читалось окончательное рѣшеніе, преспокойно изъ своего угла, откашлявшись, брякнулъ: „veto!“ Изумленные панибраты этимъ совершенно неожиданнымъ примѣненіемъ исчадія своего больнаго воображенія, стали усовѣщевать оппонента всѣми средствами, просить, умолять и грозить; ничего не помогало, и сеймъ долженъ былъ расторгнуться. Тогда только шляхтичъ, самодовольно осклабившись, промычалъ: «беру я, панибраты, слово свое обратно, не запрещаю, читайте себѣ ваше рѣшеніе далѣе: *я хотѣлъ только убѣдиться, свободна ли еще Польша?*»

Можетъ-ли быть что-нибудь несообразнѣе того афоризма, что *одинъ равняется всѣмъ?* Этого мало. По точному смыслу польскихъ постановленій одинъ значилъ *болѣе* всѣхъ; другими словами, идіотъ или пройдоха могъ быть выше умнаго и честнаго. Благодаря liberum veto въ теченіе 120 лѣтъ, т. е. со введенія veto въ 1652 г. до восшествія на престолъ Станислава Августа, 84 сеймовъ были расторгнуты, а въ продолженіе 30-ти лѣтняго царствованія Августа II не состоялся ни одинъ сеймъ. Голосъ *од-*

наго значилъ въ Польшѣ болѣе, чѣмъ голоса *всѣхъ*. Кажется невѣроятно, а между тѣмъ—это историческая истина.

Вотъ каково было устройство анархіи, ибо иначе нельзя назвать Польши! Кажется вамъ, западно-русскіе собратія, достаточно взглянуть на этотъ хаосъ, чтобы изумиться, какъ еще столько времени могла существовать Польша, и бѣглаго взгляда достаточно, чтобы придти къ заключенію, что она никогда самостоятельно существовать не можетъ, ибо, замѣтьте, поляки считали и до сихъ поръ считаютъ этотъ сумбуръ совершеннѣйшимъ образомъ правленія. Не странно ли допустить со стороны безпристрастнаго наблюдателя въ одномъ государствѣ какихъ-нибудь 200,000 королей, властвующихъ надъ остальными рабами? Но полякъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ превосходствѣ и совершенствѣ своего государственнаго строя, что вопилъ благимъ матомъ всякій разъ, если кто-нибудь осмѣливался перемѣнить хоть одну букву шляхетской конституціи. Онъ не жалѣлъ ни горла, ни крови, ни кармана, если дѣло шло объ уничтоженіи какого-нибудь *новаго* закона, стѣсняющаго хотя бы наружно его вольности, и всякаго здравомыслящаго собрата, не соглашавшагося съ прежнимъ порядкомъ дѣлъ (конечно такіе составляли весьма рѣдкія исключенія), онъ клеймилъ именемъ государственнаго преступника и измѣнника „zdrajcy".

Этого бѣглаго взгляда на безалаберный строй Польши, полагаю, совершенно достаточно для васъ, западно-русскіе, чтобы возбудить въ васъ желаніе разъ на всегда отказаться отъ всякаго сообщничества съ польскими тенденціями и иллюзіями этимъ лабиринтомъ непроходимыхъ абсурдовъ гражданскихъ и политическихъ.

Вы не захотите, въ самомъ дѣлѣ, подставить свои бока, чтобы васъ, на основаніи польскаго *равенства* и равноправія, не стѣсненнаго никакими законами, изувѣчили... Вѣдь никто изъ васъ не пожелаетъ получить эпитетъ идіота, забіяки, утопіста. Никто изъ васъ ни подумаетъ хвастаться, что когда-то сидѣлъ въ искусно надѣтомъ арканѣ, что и теперь имѣетъ поползновеніе опять подставить свою шею подъ арканъ польскаго шляхтича съ телячимъ самоотверженіемъ!... Трудно допустить, западно-русскіе, чтобы между вами много нашлось охотниковъ испытать всѣ эти прелести снова; напротивъ слѣдуетъ предположить, что всякій здравомыслящій изъ васъ, радъ, что избавился отъ польской опеки;—если же найдутся еще желающіе ея, то не безполезно для нихъ

будетъ обратить нѣкоторое вниманіе на мои *дальнѣйшія изслѣдованія.*

Для этихъ-то немногихъ продолжаю невеселую бѣсѣду, не сомнѣваюсь, врядь-ли найдется *кто-нибудь, явно и смѣло,* вызывающійся твердо стоять и главное *оправдывать* свои рутинныя убѣжденія. Это почти не вѣроятно... Впрочемъ—терпѣнія, сговоримся, была бы только любознательность; надѣюсь, въ концѣ концовъ, поймемъ другъ друга, уяснимъ себѣ все, какъ слѣдуетъ, я убѣжденъ, что прочитавшій со вниманіемъ мои скромныя изслѣдованія, не найдетъ достаточно причинъ не соглашаться со мною.

Особенно, съ полною надеждою, обращаюсь къ молодому поколѣнію; вы, мои юные собратія, которыхъ предразсудки рутины не могли еще заразить до тла костей, откликнетесь сочувственно на зовъ искренно вамъ преданнаго *собрата;* вы поймете, что та истина, которой онъ добивался съ громаднымъ трудомъ и *борьбою,* та истина, которую онъ смѣло бросаетъ на вашъ судъ, хотя и можетъ показаться съ *перваго взгляда рѣзко-противуположною* всему, что заражено пропагандой польскихъ агитаторовъ и слѣпыхъ ихъ послѣдователей,—*заслуживаетъ* полнаго вашего вниманія. Ее предлагаетъ *къ вашему благу,* человѣкъ, быть можетъ, еще не давно (къ полному своему стыду), увлекавшійся заблужденіями отцовъ вашихъ,—человѣкъ, который любилъ и *любитъ свою родину* и своихъ несчастныхъ собратій, погруженныхъ въ ту тьму и бездну ложныхъ понятій, отъ которыхъ онъ самъ съ такимъ трудомъ освободился. Поймите, какъ ему дорога эта истина, съ какимъ рвеніемъ онъ желалъ бы уяснить ее и вамъ, до сихъ поръ, быть можетъ страдающимъ *единственно вслѣдствіе ея незнанія, или не пониманія.* Поймите, что не личныя выгоды, не чванство и желаніе рисоваться, его цѣлью—онъ называетъ себя общимъ для всѣхъ васъ именемъ, слѣдовательно свою *личность* ставитъ на заднемъ планѣ; ему дорога только одна великая, строгая истина; онъ такъ глубоко въ ней убѣжденъ и сознаетъ всю ее важность, что не можетъ не подѣлиться ее съ бѣдными собратіями; онъ увлекся однимъ только чувствомъ справедливости, однимъ горячимъ къ вамъ участіемъ, однимъ пламеннымъ желаніемъ помочь уяснить вамъ корень тѣхъ вѣковѣчныхъ предразсудковъ и недоумѣній, тѣхъ ложныхъ взглядовъ и понятій, какими страдали отцы ваши,—эти несчастныя жертвы хитрыхъ софизмовъ польской пропаганды.

Повторяю, друзья мои, личность моя совершенно на заднемъ планѣ, я не стараюсь навязывать собственно мнѣ принадлежащихъ убѣжденій (хотя въ груди кипитъ цѣлая буря негодованія противъ поработителей поляковъ, отнимавшихъ у насъ даже *разсудокъ*, безграничное желаніе помочь угнетаемымъ ихъ пропагандой); я выставляю *факты*, и если вы не можете рѣшиться повѣрить голосу вашего собрата, то эти мертвые свидѣтели, сами краснорѣчиво докажутъ вамъ истину, *заставятъ васъ повѣрить ей;* мнѣ остается только выбирать самые существенные изъ этихъ фактовъ и пользоваться правомъ необходимой ихъ критики.

Еще нѣсколько словъ къ вамъ, представители новаго поколѣнія: На васъ возлагаются всѣ надежды и упованія тѣхъ изъ вашихъ собратій, которые уже освободились отъ вліянія полонизма, которые обратились къ Россіи, своей матери-кормилицѣ, съ мольбою о прощеніи всѣхъ несправедливостей и обидъ наносимыхъ ей невѣжествомъ и злобою крамольника. Вы должны оправдать эти надежды, т. е. искупить и загладить вину предковъ; вы должны стать твердымъ оплотомъ противъ польскаго вліянія, приникнуть всецѣло къ великому русскому отечеству и государству, которое приметъ васъ великодушно въ члены русскихъ согражданъ. Оправдайте же этотъ лестный пріемъ, эти задушевныя желанія образумѣвшейся части вашихъ собратій!

На бѣдныхъ же любителей уродливой старины нечего обращать вниманіе; ихъ стоитъ пожалѣть только; пусть доживаютъ свой вѣкъ, несчастные, какъ знаютъ,—вредить на вашей дорогѣ, они вамъ уже не посмѣютъ,—да и имъ и силъ и умѣнія не хватитъ, если вы только съ энергіей, присущей молодости, возьметесь за свое обновленіе, т. е. проникнитесь духомъ новаго времени; критически, разумно, со строгою справедливостью отнесетесь къ бездушнымъ идоламъ вашихъ предковъ и свергнете съ своихъ плечь разъ на всегда ихъ позорное иго.

Вамъ не стоитъ повторять, что лучь новой истины, отъ котораго истлѣетъ рутина, долженъ *прежде всего* озарить тотъ путь, по которому вы спѣшите къ прогрессу и цивилизаціи. Безъ усвоенія новаго взгляда на вещи, вы не начнете новой эпохи, богатой иными цѣлями, иными стремленіями и надеждами, чѣмъ онѣ были у вашихъ предковъ. Ободритесь. Передъ вами завидное поприще труда и славы, но уже не въ духѣ отжившей и коварно при-

витой намъ *польщизны*, а въ прямыхъ русскихъ интерессахъ. Много, много возлагается на васъ надеждъ, представители молодаго поколѣнія! Оправдайте и превзойдите ихъ! заставьте уповающихъ на ваши силы собратій, возложить на ваши головы не безсмысленные *терновые вѣнки*, ихъ время уже миновало,—а лавры побѣды надъ старою, надменною гидрою, сосущею кровь вашихъ предковъ.

Да не смущаетъ васъ, молодые собратія, слишкомъ холодная, осмотрительная и *осторожная* теорія; на ней воззрѣнія и привычки народовъ могутъ быть измѣняемы только *постепенно*, съ овладеніемъ умовъ юношества и подрастающаго поколѣнія, при направленіи ихъ воспитанія въ новомъ смыслѣ и духѣ. Ничего въ мірѣ не дѣлается вдругъ. Но правительство ревностно заботится о вашемъ воспитаніи въ этомъ новомъ духѣ и никто не можетъ утвердительно сказать, чтобы это воспитаніе дѣлало только медленные, *постепенные* успѣхи, чтобы вы трудно и не спѣшно подавались вліянію этого новаго духа. Напротивъ, въ умахъ вашихъ уже весьма замѣтенъ переломъ къ лучшему, Не уставайте же; докажите на этотъ разъ своимъ усиленнымъ рвеніемъ, что теоріи, какъ ни глубокомысленныя, часто ошибаются. Ваше развитіе мчится впередъ гигантскими шагами и наблюдатель посѣтившій западный край 5 лѣтъ назадъ, нынѣ найдетъ въ немъ столько перемѣнъ къ лучшему, что ему трудно будетъ узнать страну, такъ еще недавно кишащую ретроградныхъ направленіемъ *польскихъ интерессовъ и польской жизни*.

Молодые собратія! Упадшія, погасшія народныя силы вашей несчастной родины, возвысить возрастающее благосостояніе только вашего поколѣнія, а это благосостояніе не мыслимо, если вы всѣми силами не постараетесь оправдать возлагаемыя на васъ надежды, и если, вмѣсто пустыхъ *мечтаній*, не явится въ васъ потребность труда, который одинъ только можетъ, при холодной, энергической выдержкѣ, не *парализируемый* утопическими мечтаніями и страстями, послужить къ увеличенію капиталовъ, народнаго богатства, приращенію населенія и вообще *проложенію прочныхъ началъ дальнѣйшаго развитія и благосостоянія вашего отечества.* Кто изъ васъ не любитъ родины, кто слѣдовательно не пожелаетъ ея блага и не пожертвуетъ *всего только* удовольствіемъ, какое онъ можетъ находить въ *фанта-*

стическомъ строеніи воздушныхъ замковъ? Старайтесь же вникнуть въ тѣ необходимыя условія, помощью которыхъ вы *единственно* можете достигнуть желаемыхъ результатовъ! Цѣлью вашего собрата, пишущаго эти строки, есть общая цѣль, но ему удалось уже побороть всѣ предразсудки, которыми вы, можетъ статься, еще страдаете, и онъ полагаетъ, что нашелъ единственное средство оправдать эту общую цѣль путемъ истины, предлагаемой на вашъ судъ,—справедливости новыхъ убѣжденій и вслѣдствіе ихъ новыхъ требованій вѣка, требующаго отъ высоко-цивилизованныхъ своихъ представителей не *мученичества за химерныя тенденціи,* а свѣжаго, здороваго взгляда на вещи и спокойнаго ровнаго труда, т. е. тѣхъ простыхъ условій, *безъ которыхъ прогрессъ не мыслимъ.* Мнѣ остается только надѣяться отъ моихъ собратій на нѣкоторыя довѣрія и желать безпристрастнаго вниманія, и тогда къ *завѣтной истинѣ* насъ приведутъ голыя факты, которыхъ сила не сокрушима. Обратимся же къ нимъ.

Извѣстно, что во многихъ случаяхъ отрицательный примѣръ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе и успѣшнѣе положительнаго; поэтому предметомъ нашего вниманія будетъ теперь преимущественно, какъ я уже сказалъ, національный характеръ поляковъ, выработавшихъ тотъ дикій образъ правленія, о которомъ мы уже говорили.

«Поляки, говорилъ прусскій король Фридрихъ II 1), тщеславны, въ счастіи надменны, а въ несчастіи раболѣпны; они способны на всевозможныя низости для того, чтобы пріобрѣсть деньги, которыя тотчасъ же затѣмъ снова бросаютъ полными пригоршнями 2); они легкомысленны *и безразсудны;* всегда готовы прилыгнуть къ какой-либо *партіи* и безъ всякой причины снова покинуть ее и, по недостатку *послѣдовательности* въ своихъ дѣйствіяхъ, *впутываться въ самыя скверныя дѣла.* У нихъ есть законы, но никто не исполняетъ ихъ, потому что нѣтъ побудительной силы. Всѣ знатныя фамиліи въ раздорахъ между собою изъ за частныхъ своихъ интерессовъ и *предпочитаютъ свои личныя выгоды общественному благу;* если они соби-

1) См. Histoire de mon temps (Oeuvres, nouv. edit. 1846 t. II).

2) Фридрихъ II говорилъ это по опыту, вслѣдствіе личнаго наблюденія; онъ имѣлъ случай близко познакомиться съ характеромъ поляковъ, принимая дѣятельное участіе въ тогдашнихъ событіяхъ въ Польшѣ.

раются, то для того, чтобы проявлять тотъ же жестокій нравъ свой и угнетать своихъ крестьянъ, съ которыми обращаются не какъ съ *людьми,* а скорѣе какъ съ рабочимъ *скотомъ.* Кажется, Фридрихъ II не имѣлъ никакой причины игнорировать свои убѣжденія и эксплоатировать свои наблюденія съ задними цѣлями,—потому я не нахожу достаточно причинъ не соглашаться съ безпристрастнымъ мнѣніемъ очевидца-умнаго и глубоко ученаго короля. Поляки пеняютъ на русскихъ, что послѣдніе о нихъ рѣзко отзываются; но, спрашиваю я васъ западно-русскіе, скажите, положа руку на сердце, слыхали ли вы хоть одного кореннаго русскаго, который бы заявлялъ свое мнѣніе о полякахъ такъ рѣзко, какъ это не стѣснялся сдѣлать прусскій король, гораздо менѣе причастный къ славянскимъ спорамъ, чѣмъ, конечно, русскіе, въ устахъ которыхъ поэтому рѣзкое мнѣніе о полякахъ, было бы вовсе не поношеніемъ и пасквилемъ, а совершенною справедливостью, воздаяніемъ по заслугамъ. Поляки любятъ хвастаться, что западная Европа сочувствуетъ ихъ интерессамъ; но кто же допуститъ возможность симпатіи при столь рѣзкихъ и *справедливыхъ* отзывахъ, въ которыхъ, слѣдуетъ замѣтить, далеко еще не все высказано. Между тѣмъ прочтите любую исторію Польши какъ древнѣйшихъ, такъ и новѣйшихъ польскихъ писателей: Кадлубку, Длугоша, Лелевеля и т. д., возьмите на выдержку даже одинъ какой-нибудь ничтожный самъ по себѣ историческій случай, статься можетъ, выдуманный по теоріи вѣроятности,—сколько въ томъ найдете лжи, хвастливости, преувеличеній, сколько безсовѣстнаго искаженія фактовъ; ни у одного польскаго историка, вы не замѣтите того спокойнаго холоднаго взгляда на вещи, который необходимъ для ученыхъ изслѣдованій, для здравой критики прошлыхъ дѣяній народовъ, — вездѣ и у всякаго заднія цѣли, пристрастіе, напыщенность, восторженность и отчасти даже фальшивый экстазъ. Возьмите на выдержку пасквили новѣйшихъ писателей, стрѣляющихъ пустыми зарядами изъ Вѣны, Парижа, Брюсселя и т. д., какое безконечное повсюду разлито море самохвальства, лжи, клеветы и обмана! Нигдѣ вы не найдете спокойнаго, безпристрастнаго разсказа или сужденія, въ которомъ писатель съумѣлъ бы отдать справедливость противнику; вездѣ наглое самохвальство, рядомъ съ глубокою ненавистью и завистью, вездѣ безсильная желчь и злоба, вездѣ лихорадочные

судороги со скрежетомъ зубовъ. Ктоже послѣ этаго, захочетъ повѣрить хоть одному ихъ слову, кто внемлетъ ихъ жалобамъ, кто тронется ихъ воплемъ и стономъ; въ комъ возбудитъ симпатію это безразсудство, эта непослѣдовательность, отсутствіе всякаго характера и энергіи! Кому не станетъ противна слезливость, безсильная злоба, желчь и наглая клевета!... Перевернуть все вверхъ дномъ, исказить, обезобразитъ нагую привлекательность истины, перетолковать по произволу факты—это все ихъ дѣло. Оплевать, опозорить всякаго, кто не желаетъ смотрѣть и видѣть все черезъ ихъ призму, считаютъ они своею обязанностью и чуть не священнымъ долгомъ! Поднимется же гроза, навѣянная ихъ выходками — всякій какъ заяцъ трусливо поджимаетъ хвостъ. Правда, защищаются они иногда храбро... за чужой спиной,— когда же нѣтъ ея, въ послѣдней крайности, конечно, одно чувство самосохраненія, можетъ заставить и зайца отчаянно защищаться.

Съ чрезвычайною подвижностью, легкостью и впечатлительностью подхватываютъ они каждую нелѣпую выдумку, сколько-нибудь льстящую ихъ самолюбію и чрезвычайно легко заставляютъ разсудокъ вѣрить небылицамъ. Тамъ тысячи дѣтскихъ сказокъ о герояхъ, никогда не существовавшихъ, наполняютъ томы ихъ историковъ и въ легковѣрныхъ читателяхъ возбуждаютъ восторгъ, самохвальство и вообще ложный екстазъ. Легковѣсность и легковѣріе, также какъ и упрямство составляютъ неотемлемыя характеристическія черты каждаго поляка. Они вѣчно безпокойны, подвижны и лихорадочно дѣятельны; только по непостоянству, нетвердости, по недостатку силы воли — ничего не могутъ довести до конца, какъ слѣдуетъ. Что ихъ сильно интересуетъ и кажется важнымъ сегодня, то завтра достигнувъ, они презираютъ и бросаютъ. Каждый, ничтожный случай, что имъ приходится не по нутру, приводитъ ихъ въ величайшее раздраженіе и всякій малозначущій казусъ даетъ богатую пищу ихъ буйной фантазіи; изъ мухи они сдѣлаютъ въ минуту слона и построятъ тысячи воздушныхъ замковъ и самыхъ несбыточныхъ плановъ; они съ какой-то лихорадкой хватаются за одно и за другое и за десятое и все бросаютъ—начинаютъ и никогда не имѣютъ терпѣнія кончить начатое.

Понятно, что при такой легковѣсности и чувствительности

воспріимчивость и игра фантазіи имѣютъ въ ихъ характерѣ и дѣйствіяхъ постоянный перевѣсъ надъ умомъ и разсудкомъ. У нихъ никогда не хватаетъ времени разсудить дѣло, какъ слѣдуетъ и потому никакимъ *дѣломъ* они не въ состояніи заняться. Всякое серьезное предпріятіе, требующее глубокаго, всесторонняго обсужденія, твердости и терпѣливости въ исполненіи—тотчасъ ихъ утомляетъ. И за что сначала они возьмутся горячо и единодушно, то скоро и по одиночкѣ бросаютъ. Вездѣ и во всемъ руководятся только минутными влеченіями и порывами—вдохновленіями (natchnieniami)—во всемъ царствуетъ *сердце,* вытѣсняя умъ и разсудокъ изъ своихъ правъ; мозги всегда бездѣйствуютъ. Эта сердечность годится, если она во время и на своемъ мѣстѣ, но въ настоящій вѣкъ, въ которомъ преобладаетъ матеріализмъ—въ нашу эпоху полнаго перевѣса разсудка и ума надъ чувствительностью и сердечностью, послѣдняя никуда не годится. Справедливо замѣчаетъ Г. Костомаровъ 1), что поляки всегда, или по большей части, всегда дѣйствовали по влеченію своего сердца и потому понятно, почему дѣлали столько промаховъ, глупостей, даже низостей и подлостей. Мы будемъ имѣть случай ниже указать на *факты,* доказывающіе полную справедливость нашего мнѣнія въ слѣдующей статьѣ. Вообще, скажемъ здѣсь, гдѣ дѣйствуютъ сердце и *одна* только чувствительность, а умъ и разсудокъ остаются всегда пассивны—тамъ только первыя двѣ стороны и *развиваются* въ характерѣ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа. Если мы пожелаемъ остаться *дѣтьми,* не смотря на лѣта и возрастъ—намъ стоитъ только пустить волю *сердечности* и *чувствительности,* онѣ скоро и сѣдовласыхъ мудрецовъ сдѣлаютъ дѣтьми и доведутъ насъ до самыхъ плачевныхъ, жалкихъ результатовъ.

Далѣе неотъемлемыми атрибутами характеристики польской націи слѣдуетъ считать *подозрительность* и *недовѣрчивость.* Полякъ, привыкшій самъ вездѣ и во всемъ клаузничать и интриговать — видитъ легко во всемъ клаузы, интриги, шпіонство и измѣну, хотя бы на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго и не бывало; онъ никогда не довѣряетъ правительству, даже такому, которое

---

1) См. Вѣсн. Евр. 1869 года, т. II, послѣднія годы Ржечипосполитой.

явно благотворитъ и доброжелательствуетъ. Въ воображеніи поляка, вѣчно дѣятельномъ, все имѣетъ другой смыслъ, заднія цѣли и дурныя намѣренія—онъ на все привыкъ смотрѣть через призму воображенія и всегда склоненъ понимать вещи непремѣнно на выворотъ. Дѣйствительности полякъ не способенъ замѣчать, онъ весь живетъ въ мірѣ фантазіи, чувствительности и во всѣхъ его дѣйствіяхъ преобладаетъ горячее *воображеніе*—этимъ легко и объясняются его вѣчно-неудачные планы. Къ дѣлу онъ положительно не способенъ, какъ мы уже объяснили. Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ напомнить, что мы говоримъ о характерѣ *націи* вообще, а никакъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ. Послѣдніе тамъ не менѣе составляютъ весьма рѣдкія исключенія и служатъ лишь для подтвержденія высказанной истины, ибо нѣтъ правилъ безъ исключеній. Послѣднія до того даже рѣдки въ польскомъ народѣ, что объ нихъ намъ упоминать напрасно. Они не избавятъ свою націю отъ того мнѣнія, которое объ ней выработалось — вообще. Все, что поляки ни сдѣлали хорошаго, дѣльнаго, было случаемъ счастливой минуты; серьезно заниматься они не въ состояніи по природному своему характеру; работа усидчивая, кропотливая имъ весьма не понутру и потому глубоко ученыхъ, великихъ мыслителей—у нихъ почти нѣтъ и не было, исключая развѣ Коперника, получившаго все таки не доморощенное, а нѣмецкое воспитаніе и образованіе.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что задумываться, т. е. собственно недоумѣвать, почему пала Польша, столь *могущественная когда-то*, совершенно нечего. Слѣдуетъ только еще замѣтить, что могущественною она собственно никогда и не была, напрасно стараются увѣрить насъ въ этомъ польскіе писатели и ихъ читатели, въ горячемъ воображеніи которыхъ Польша всегда была даже образцовымъ государствомъ; ея безтолковая конституція, все анархическое устройство въ псевдо-коммунистическомъ духѣ давно изслѣдованы и оцѣнены и даже при возможно снисходительной и *любезной* такъ сказать, критикѣ, оказались вполнѣ несостоятельны 1). Польша была самостоятельнымъ и сравнительно сильнымъ государствомъ развѣ во время Ягеллоновъ, когда власть королей

---

1) См. солиненіе: Обзоръ важнѣйшихъ конституцій, Англійск. Франц. Америк. и т. д.

не была столь призрачна, какъ въ весь послѣдующій за династіею Ягеллоновъ, періодъ. Наконецъ значеніе Польши и за этихъ правителей, объяснятся совершенно другими обстоятельствами, о которыхъ будемъ говорить въ послѣдствіи и изъ которыхъ главныя были благопріятельствующими усиленію королевской власти, хотя поляки едва-ли и допускаютъ это.

Не паденію Ржечипосполитой слѣдуетъ удивляться—оно слишкомъ естественно,—а столь продолжительному ея существованію при всемъ ея хаотическомъ устройствѣ и при государственномъ преобладаніи шляхетскаго элемента.

Мечтать же о возстановленіи Польши тѣмъ болѣе безразсудно, потому что одна мысль объ этомъ (не только осуществленіе этой мысли), уже сверхъестественна, какъ мы убѣдились, въ разсудкѣ здороваго человѣка; въ этомъ легко окончательно удостовѣриться, какъ изъ сказаннаго выше, такъ изо всего, что будемъ разбирать ниже.

Вамъ, западно-русскіе, необходимо растравить старую жестокую и какъ будто зажившую рану, нанесенную вамъ безчеловѣчностью агитаторовъ польской пропаганды—необходимо, чтобы испытать до мельчайшихъ подробностей всѣ ея симптомы и въ послѣдствіи тѣмъ дѣятельнѣе приняться за ея излеченіе.

Однимъ изъ признаковъ, знаменующихъ эпоху паденія государствъ, какъ замѣтилъ еще древній мудрецъ Полибій, есть *упадокъ нравственности* въ народѣ. Суровые, древніе нравы и обычаи поляковъ, постепенно искажаясь, въ эпоху паденія ржечипосполитой обратились даже въ насмѣшку и поруганіе. Болѣе ста лѣтъ хищничали преданные сыны отечества на счетъ дорогой отчизны, обирали, обкрадывали, и общипывали ее со всѣхъ сторонъ съ полнѣйшею безнаказанностью; мало того, дѣлясь вѣчно на безчисленныя партіи, терзали другъ друга, — и еще мало: *на помощь* взывали сосѣдей, тѣ въ свою очередь не забывали пользоваться обстоятельствами—и стонала подъ тройнымъ гнетомъ несчастная сторона. Болѣе ста лѣтъ священное избраніе на царство помазанника Божія, считалось предметомъ торговли и подкуповъ. Кто изъ иностранныхъ претендентовъ платилъ больше, того дѣлали королемъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, безъ всякаго стыда. Никто нестѣснялся брать подкупы ни отъ кого.

Свободные, вольные сарматы, униженно прислуживались иностранцамъ, которые платили имъ жалованье, служащее въ свою очередь только для насыщенія чувственности, для удовлетворенія похотей. Страсть къ роскоши, привитая съ запада, въ послѣдніе годы ржечипосполитой, проникла во всѣ слои общества. Народное состояніе интерессовъ, низкій уровень экономіи и умственнаго развитія, вмѣстѣ съ природною лѣнью и безпечностью, съ врожденными характеристическими особенностями, представляли весьма немного *мѣстныхъ* условій для удовлетворенія жаждѣ роскоши, и иноземное вліяніе, попираемое золотомъ, пріобрѣло наконецъ рѣшительный перевѣсъ въ дѣлахъ государственныхъ, общественныхъ. Всѣ вѣчные, неизмѣнные законы нравственности были попраны и поруганы. Милліоны рабовъ стонали подъ непосильнымъ трудомъ и гибли для того только, чтобы нѣсколько тысячей притѣснителей, могли дѣлать что имъ вздумается; то есть: безнаказанно смѣяться надъ законами, надъ властью, надъ королемъ; издѣваться надъ поруганнымъ достоинствомъ человѣка-раба; безчинствовать въ дневныхъ грабежахъ и развратничать въ ночныхъ оргіяхъ. Нигдѣ и ни въ чемъ не было ни малѣйшаго признака справедливости— вездѣ и во всемъ диктаторски царствовали насиліе и произволъ. Повсюду грязное себялюбіе и мелкое своекорыстіе замѣняли законъ; разнузданное своеволіе, дикая распущенность и циническій развратъ—заступили мѣсто старыхъ, строгихъ, суровыхъ и простыхъ нравовъ. Прихоти, минутныя, необдуманныя влеченія, своенравіе, полное отсутствіе благородства и честности — замѣняли чувство справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству. Чѣмъ выше по богатству и связямъ стояла какая-нибудь партія, тѣмъ ея члены были безнравственнѣе. Истекая первоначально изъ высшихъ сферъ общества, вельможъ, и такъ называемыхъ, сильныхъ міра сего—зараза эта постепенно спускалась, проникая во всѣ слои населенія, и здѣсь посредниками и апостолами ея были жиды-факторы, подобно гадамъ, плодящимся и размножающимся только въ гніющихъ тѣлахъ 1). Распущенность нравовъ проникла насквозь все дворянство, гнилая зараза впилась въ его плоть и кровь, безнравственность сдѣлалась его другою натурою.

1) См. соч. фр. фонъ Смиттъ. Паденіе Польши т. II.

Излишне будетъ доказывать, что и нынѣшнее *шляхетство* 1) не только не можетъ исправиться, но все глубже окунывается въ тину этаго гнилого зловоннаго болота — Поляки до сихъ поръ считаются неисправимы. Имъ нужна желѣзная рука, обладающая способностью и силою сдавить ихъ въ клещи нравственной и политической зависимости; ихъ можетъ переродить только несчастіе, нужда и систематическій болѣе или менѣе продолжительный гнетъ; они должны пройдти чрезъ огонь, воду и мѣдныя трубы, чтобы наконецъ пробудиться, опомниться и очиститься—иначе радикальное излѣченіе этаго народа, едва-ли мыслимо. Вѣдствія дѣлаютъ насъ добрѣе и скромнѣе, и послѣ нихъ даруемыя намъ милости кажутся намъ дѣйствительнымъ *благодѣяніемъ,* которыхъ мы въ холѣ да на волѣ неспособны признавать. Что-же дѣлать: школа, въ самомъ дѣлѣ трудная; и надежное излеченіе — не легкое; но крутые въ этомъ случаѣ мѣры существенно необходимы и единственно спасительны; ихъ благой результатъ легко окажется въ послѣдствіи; тяжелое испытаніе увѣнчается успѣхомъ и мозольные труды сѣянія дадутъ богатые плоды.

Намъ самимъ становилось не ловко выводить подобныя заключенія изъ всего сказаннаго нами; но выводы эти оказались столь естественными и послѣдовательными, что они невольно истекли сами собою и мы не имѣемъ достаточно причинъ, чтобы отрицать всю ихъ строгую истину. Скажемъ болѣе: эта превосходная руководящая сила необходима *навсегда* для осмысленнаго, человѣческаго существованія польской національности; только эта мощная рука, въ желѣзной рукавицѣ можетъ единственно навести поляковъ на путь истины и заставить способный воспріимчивый и столь *сердечный* (serdeczny) народъ сдѣлаться когда-нибудь не только безвреднымъ, но и полезнымъ сочленомъ въ семьи прочихъ народовъ. Только иностранное владычество можетъ спасти и возвысить Польшу, поднять уровень ея нравственнаго, экономическаго благосостоянія и цивилизаціи, иначе польская нація сама собою стушуется и исчезнетъ съ лица земли. Излишне будетъ напоминать и пояснять, что поляки, которымъ столь счастливо выпало на долю пользоваться родственнымъ покровительствомъ славянскаго могущественнѣйшаго народа, подъ скипетромъ русскаго царя, ожи-

1) Я понимаю подъ этимъ сословіе дворянъ.

ли, окрѣпли; уровень ихъ нравственнаго и умственнаго развитія и экономическое благосостояніе повысилось и улучшилось: это просто и наглядно доказывало цвѣтущее благосостояніе привислянскихъ губерній до послѣдняго мятежа.

Интересно, что въ самомъ дѣлѣ, *доказало* это послѣднее возстаніе:

А то, между прочимъ, что, во первыхъ, природный характеръ поляка вовсе еще не измѣнился, что, во вторыхъ, онъ также неспособенъ къ обдумавію и исполненію дѣла, за которое берется, также непослѣдователенъ, запальчивъ и т. д., какъ и прежде, какими были его предки, что, наконецъ, близорукъ на столько, что не видитъ ни дѣйствительнаго источника своего благосостоянія, ни оказываемаго ему благодѣянія, милости, великодушія, которыхъ не въ состояніи не только оцѣнить, но оказывается еще грубо и невѣжественно неблагодарнымъ.

Слѣдствіемъ этой повѣрки, естественно является вопросъ: что остается сдѣлать съ подобнымъ народомъ самому великодушному, гуманному и мудрому правительству? — Горькій отвѣтъ мы уже знаемъ и имѣли случай разсмотрѣть выше.

Подумайте же, западно-русскіе собратія, соображая безпристрастно ваше положеніе поступили бы, *какъ русскіе*, съ нѣкоторыми изъ вашихъ измѣнниковъ, всѣ тѣ восхваляемые *западные народы*, которыхъ *симпатіею* столько чванятся поляки? — Такъ-ли поступили бы съ ними даже ихъ двоюродные братья французы? Взгляните на прусскихъ поляковъ, такъ недавно отошедшихъ подъ владычество своего нѣкогда леннаго государства, узнаете-ли вы въ нихъ хотя *тѣнь того поляка*, который вѣчно пѣшушится подъ русскимъ *игомъ?* Кажется, иго это легче сучка, упавшаго на медвѣдя и потому только онъ мурлычитъ, когда же свалится на него цѣлое бревно, то вѣроятно поплетется тихо-тихо, смирно-скромно, да поблагодаритъ чувствительнѣйше, что только *живъ* остался... Да, это *иго* весьма и весьма легко (дай Богъ намъ и всѣмъ нашимъ поколѣніямъ не сносить другаго), мы будемъ имѣть случай говорить еще объ немъ ниже.

Продолжая наше изслѣдованіе, мы приведемъ еще нѣсколько изъ безчисленныхъ фактовъ, служащихъ въ подтвержденіе вышесказаннаго взгляда на природный характеръ поляковъ, породившій столько печальныхъ послѣдствій.

Постараемся дать понятіе о тѣхъ знаменательныхъ причинахъ, которые побудили наконецъ мыслящихъ людей выяснить настоящее, дѣйствительное значеніе польскаго вопроса, основанное на непреложныхъ, но до сихъ поръ или понимаемыхъ превратно, или вовсе не изслѣдованныхъ фактахъ и данныхъ.

Мы обратимъ преимущественное вниманіе на время паденія и перваго раздѣла ржечи посполитой—періодъ самый знаменательный для изслѣдованій вышесказанныхъ причинъ.

Въ учрежденной при Станиславѣ Понятовскомъ коммисіи, имѣющей цѣлью доставленіе средствъ къ поднятію уровня народнаго образованія, между прочими сильными людьми, промотавшими огромныя суммы, предназначенныя для такой благой и важной цѣли, какъ народное образованіе, былъ замѣшанъ и виленскій епископъ Масальскій, стоявшій во главѣ этихъ низкихъ хищниковъ. Назначенная особая юстицъ коммиссія для обнаруженія виновниковъ столь грязнаго грабежа *оставила дѣло безъ послѣдствій*...

Кажется невѣроятно, между тѣмъ безпристрастно изслѣдуя факты изъ польской исторіи, мы легко замѣтимъ, что подобный ходъ всѣхъ вообще низкихъ и вопіющихъ дѣлъ въ Польшѣ *былъ самый обыкновенный.* Легко доказать и понять это грустное явленіе. Всѣ суды ржечипосполитой, какъ и всѣ судьи были продажны; судьи брали обыкновенно взятки не съ одной, *а съ обоихъ тяжущихся сторонъ* и, не взирая на чьей сторонѣ справедливость, рѣшали дѣло въ пользу того, кто больше предлагалъ и платилъ; если же обѣ стороны одинаково усердно заботились о набивкѣ судейскихъ кармановъ, то дѣло, какъ и въ сказанномъ случаѣ, *рѣшалось ничѣмъ.* Въ крайнемъ же случаѣ, когда столь справедливые судьи не получали взятокъ ни съ одной, ни съ другой стороны, дѣло длилось до безконечности и обыкновенно оставалось не только не рѣшеннымъ и разъясненнымъ, но и не тронутымъ, въ какомъ видѣ и сдавалось въ архивъ. Честныя, благородныя чувства составляли вообще, какъ мы видѣли, рѣдкое исключеніе; класъ же судей не только не отставалъ отъ прочихъ, но едва-ли не превосходилъ всѣхъ въ пошлости и низости—всѣ грабили, чтобы не быть въ свою очередь ограбленными, чего конечно никто не могъ избѣжать. Стыдъ и страхъ исчезли по весьма простой причинѣ, вслѣдствіе упадка нравственности и безсилія, бездѣйствія законовъ.

Императрица Екатерина, имѣющая безспорно-естественное и сильное вліяніе на дѣла Польши, считая ее родственною страною, чистосердечно желала ей добра — какъ и всѣ ея наслѣдники — и исцѣленія ранъ, нанесенныхъ буйнымъ, безнравственнымъ дворянствомъ 1). Поддерживаемый ею, Станиславъ Понятовскій хотѣлъ воспользоваться пятнадцатилѣтнимъ спокойствіемъ („grande aevi humani spatium"), продолжавшимся отъ 1773 до 1788 г. для того, чтобы, сколько возможно, поднять на ноги, излечить и, такъ сказать, воскресить разлагающуюся Польшу. Его труды были самые неутомимые, но тѣмъ не менѣе привели къ жалкимъ результатамъ, которые легко могутъ служить явнымъ доказательствомъ нашего общаго положенія; ибо *съ начала* дѣло реставраціи шло довольно скоро, какъ будто только въ насмѣшку надъ горячими желаніями короля и въ доказательство непостоянства поляковъ. Этому несчастному королю удалось въ 15 лѣтъ поднять безсильную Польшу на такую степень, которая обѣщала ей въ скоромъ времени снискать почетное мѣсто въ сонмѣ передовыхъ государствъ; но эти небывалые успѣхи, *единственные* плоды *личной* 15-ти лѣтней заботливости Станислава Понятовскаго, разрушились необыкновенно быстро. Повторяю «какъ будто въ насмѣшку и доказательство», ибо, что же представляетъ намъ исторія Польши вслѣдъ за этими 15 годами ея необыкновеннаго развитія? Множество такихъ грустныхъ фактовъ, изъ которыхъ только можно вивѣсти жалкую насмѣшку надъ безсильною надіею и отжившимъ свою политическую эпоху народомъ.

Мы видимъ, что послѣ необыкновенно продолжительнаго перемирія, старыя вражды, козни и интриги партій поднялись съ утроеннымъ бѣшенствомъ, какъ будто жалѣя потеряннаго на дѣло въ перемиріи времени, и стараясь во чтобы то ни стало его наверстать. Такъ въ послѣдній періодъ своей политической жизни поляки, эти нѣжные, преданные сыны своей отчизнѣ, стремительно, бѣшено силились сами повергнуть жалкую ржечипосполитую на край пропасти, изъ которой столько разъ, конечно безъ всякаго успѣха и совершенно напрасно, старались впослѣдствіи ее вытащить, и съ которой несчастный Понятовскій именно желалъ ее спасти. Этаго искренняго желанія поляки въ немъ не признаютъ: опять доказа-

1) См. соч. фр. ф. Смитта Паденіе Польши.

тельство, давно уже замѣченной въ характерѣ ихъ, неблагодарности.

Мы видимъ жалкій и чрезвычайно знаменательный періодъ въ исторіи послѣднихъ судорожныхъ мечтаній умирающей Польши.

Какую безобразную, хаотическую картину представляла въ свои послѣдніе годы несчастная панская отчизна.

Всѣ старыя партіи съ утроенною запальчивостью пробудились отъ долгаго сна, родились тысячи новыхъ, интересы ихъ очевидно скрестились и *поляки сами быстро-уничтожили послѣднія основы государственнаго строя своего отечества,*—затѣмъ съ помощью призваннаго ими же чужестраннаго вмѣшательства—окончательно довершили дѣло разрушенія, доконали умирающую отчизну и повергли бездыханнаго трупа въ давно изготовленную собственными руками, *глубокую могилу!..*

Намъ слѣдуетъ немного остановиться на этомъ интересномъ періодѣ, извлечь изъ него нѣсколько фактовъ, о которыхъ мы сказали и вывести послѣднее заключеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что когда наконецъ поляки сами вдругъ увидѣли ту бездну, въ которую добровольно повергали свое отечество, у нихъ вмѣсто энергическаго дѣла и усилій, могущихъ расчитывать на какой-нибудь успѣхъ,—опять только поднялся обыкновенной въ подобныхъ случаяхъ вой и ревъ, разыгралась новая траги-комедія—грустная и чрезвычайно жалкая, впрочемъ. Опомнившись на минуту вытрезвленные ударами изъ внѣ, они ужаснулись своему положенію, которое и на самомъ дѣлѣ оно было весьма незавиднымъ. Опомнившись отъ перваго мгновенія испуга и паническаго страха, они, видя свою безпомощность, вмѣсто дѣла, стали бѣсноваться въ отчаяніи, пуще прежняго,—лить слезы, надѣвать трауръ и утѣшать себя подобными дѣтскими выходками, обвиняя, между прочимъ, во всемъ—кого же, *короля,* того, котораго единственною цѣлью всѣхъ мудрыхъ заботъ и стараній—было только благо и могущество страны! Безчисленныя клеветы, безпощадныя поношенія и ругательства посыпались со всѣхъ сторонъ на эту несчастную, удрученную голову, помышляющую всю жизнь только о благѣ и славѣ Польши, и бѣдный Понятовскій, при насильно ускоренной кончинѣ, почувствовалъ на измученномъ челѣ, вмѣсто лавра, терновый вѣнокъ, которымъ надѣлили его благодар-

ные поляки! Такъ звѣрски они, впрочемъ, поступали со всякимъ ихъ благодѣтелемъ.

Чѣмъ яростнѣе въ эпоху, требующую самую усиленной дѣятельности, поднялись, вмѣсто нея, междуусобицы и стремленія партій, чѣмъ отчаяннѣе послѣднія стали бороться взаимно и терзать свое государство—тѣмъ болѣе кажется насмѣшкою надъ поляками пятнадцатилѣтній счастливѣйшій періодъ въ ихъ исторіи, тѣмъ сильнѣе онъ доказываетъ невозможность, еще болѣе въ настоящее время, самостоятельнаго существованія разъ уже падшей для того, чтобы не подняться болѣе Польши. Участь, послѣдняго короля ея, вполнѣ трагическая! Онъ, мечтавшій возвысить свое государство до сравненія его съ передовыми—увидѣлъ на закатѣ дней своихъ разрушенными до основанія всѣ свои планы, невѣжествомъ и необузданностью той націи, которую онъ мечталъ сдѣлать передовою,—онъ, представляющій Польшу, въ завѣтныхъ своихъ мечтахъ великою и могущественною, увидѣлъ ее *выключенною изъ ряда государствъ*. Понятовскій, справедливо достойный чести и благодарности поляковъ, умеръ съ горести, которую ему причинили клеветы, несправедливость и нападки безнравственнаго народа.

Вотъ, какова польская нація! И вы, западно-русскіе, желаете солидарности съ нею! Повѣрьте, или это вамъ только такъ кажется, или вы вовсе не знаете, чего желаете и съ кѣмъ хотите имѣть дѣло. Отрезвитесь и откройте глаза!

Я считалъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о изслѣдованной исторически дѣятельности Понятовскаго, единственно потому, что этому несчастному королю, поляки не стыдятся приписывать *всѣхъ послѣдствій своихъ собственныхъ тяжелыхъ грѣховъ*. Весьма знаменательная черта въ характерѣ поляковъ, не много снискивающая имъ чести.

Теперь бросимъ общій взглядъ на болѣе значительныя партіи, которымъ прежде всего принадлежитъ честь и слава за подвигъ погребенія государства.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ,—какъ соглашаются съ этимъ почти всѣ великіе историки—существуютъ три партіи: прошедшаго, настоящаго и будущаго, не смотря на то, что онѣ взаимно тушуются и имѣютъ болѣе или менѣе одну общую цѣль и стремленіе, они и различаются, но единственно во взглядахъ и сред-

ствахъ, избираемыхъ для достиженія общей цѣли. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, все было наоборотъ—въ ней все дѣлалось вверхъ дномъ: каждая изъ трехъ партій не только *не различалась* въ средствахъ, но стремилась къ совершенно *противуположнымъ* цѣлямъ.

Во главѣ партіи прошлаго, стоялъ Станиславъ-Феликсъ Потоцкій. Партія эта, считавшая въ числѣ своихъ приверженцевъ нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ сановниковъ и богачей, вся погрязла въ рутинѣ, и мечтала только о добромъ старомъ времени саксонцевъ (Sasów)—въ силу котораго составилась даже народная поговорка, рельефно и ярко характеризующая это время: «za króla Sasa, jedz, pij, i popuszczaj pasa“ (За короля саксонца, ѣшь, пей, да распускай поясъ). Партія эта очень хорошо понимала, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ государствѣ, только Россія могла доставить ей сильную протекцію и прочную опору, и потому придерживалась Россіи. Цѣлью партіи было возстановленіе древняго, баснословнаго могущества магнатовъ, которое приверженныя называли *свободой*.

Партію настоящаго составляли люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть. Она распадалась на королевско-русскую и русско-королевскую—первая часть состояла изъ братьевъ, племянниковъ и цѣлой вереницы остальныхъ многочисленныхъ родственниковъ короля,—вторая изъ тѣхъ, которые съ помощью русскаго двора и посланника, желали достигнуть удовлетворенія своекорыстныхъ цѣлей;—такъ какъ въ то время русскій посланникъ пользовался высшей степенью уваженія, то приверженцы этой партіи были весьма многочисленны.

У первой части, въ совершенную противуположность партіи Феликса Потоцкаго, было цѣлью увеличеніе и расширеніе королевской власти и этимъ путемъ усиленіе страны. У второй, тѣснѣйшій союзъ Польши съ Россіей, чтобы подъ покровительствомъ послѣдней, самимъ возвыситься.

Третью партію составляли молодые люди. Эта партія тоже распадалась на двѣ части. Одна, въ главѣ которой стояли Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, желала прежде всего измѣненія существующаго порядка вещей и этимъ путемъ достиженія вѣса и значенія. Вторая, предводительствуемая великимъ гетманомъ Браницкимъ и его свойкомъ Казиміромъ Сапѣгой, добивалась прежде все-

го значенія и вѣса, измѣнивъ, сообразно личнымъ выгодамъ, существующій порядокъ вещей. Цѣлью первой части—было уничтоженіе старой конституціи и учрежденіе новой на совершенно иныхъ началахъ—которая долженствовала дать странѣ силу и независимость. Цѣли же второй части, были самыя грязныя: сознательно самолюбивые интерессы и личныя выгоды. Планъ ея былъ: перевернуть въ государствѣ все вверхъ дномъ, надѣлать кучу безпорядковъ, произвести смуты и по своему усмотрѣнію, ворочать дѣлами и ловить рыбу въ мутной водѣ.

Для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія личности дѣйствовали въ этихъ разрозненныхъ партіяхъ, достаточно будетъ указать на нѣкоторыхъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ ловителей рыбы въ мутной водѣ. Одною изъ такихъ замѣчательныхъ своею низостью личностей, былъ референдарій *Гуго Коллонтай*. Изъ низкой среды, въ какую первоначально втиснули его обстоятельства, онъ послѣдними вскорѣ такъ съумѣлъ распорядиться, что сталъ, нѣкоторымъ образомъ, одною изъ вліятельнѣйшихъ особъ и мѣтилъ въ епископы, а далѣе, прямымъ путемъ, въ канцлеры. Эта была самая грязная, если можно такъ выразиться, въ нравственномъ смыслѣ, натура; замѣшанный уже въ дѣло о кражѣ суммъ, предназначенныхъ на народное воспитаніе, онъ конечно не только вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ этаго дѣла, но постарался быть героемъ другихъ, еще болѣе грязныхъ предпріятій. Съ этою цѣлью, онъ съумѣлъ ввернуться во всѣ слои общества, начиная съ низшаго и кончая высшими. Для всѣхъ онъ былъ панибратомъ и всѣхъ также величалъ. Лишнимъ конечно будетъ объяснять къ какой собственно партіи принадлежалъ Коллонтай, потому что его можно было безошибочно считать членомъ каждой изъ нихъ, т. е. какой угодно. Этотъ хитрый и пронырливый человѣкъ такъ съумѣлъ себя поставить, что всѣ считали его своимъ другомъ. Взятки же бралъ, конечно съ каждой партіи и всѣхъ, весьма естественно, надувалъ. Кралъ и царапалъ, какъ говорится обѣими руками на лѣво и на право, всегда показывая видъ, что принадлежитъ къ той партіи, которая была въ данную минуту, сильнѣе 1). Такимъ образомъ между прочимъ отъ руской партіи, онъ перебрался прямымъ путемъ къ Игнатію Потоц-

1) См. Reise eines Lirlandess 4 Helf. Fridrich Schulz.

кому, который нашелъ въ немъ истинный кладъ всевозможныхъ способностей, готовыхъ къ услугамъ Потоцкаго. Послѣдній поэтому не дешево цѣнилъ Коллонтая, не смотря на то, что хитрый и низкій реффендарій баснословно дралъ за малѣйшую свою услугу. Отлично зная польское право и блистательно владѣя языкомъ, этотъ пройдоха, между прочимъ, написалъ подъ вліяніемъ дукатовъ Потоцкаго, извѣстное сочиненіе 1), служащее и до сихъ поръ главнымъ источникомъ, изъ котораго и польскіе и иностранные историки заимствуютъ не только подробности, но цѣль и духъ, съ какими оно написано.

Предводителемъ самой низкой и грязной по своимъ стремленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самой неопредѣленной безцвѣтной партіи, былъ Францъ-Ксаверій Браницкій, какъ я уже сказалъ, купно со своимъ свояконъ Казимиромъ Сапѣгой. Браницкій, по наружности, высокій красивый брюнетъ, въ пламенныхъ глазахъ, выказывалъ вспыльчивую натуру и неукротимый нравъ; дерзкій до храбрости, своевольный и своенравный, подобно Коллонтаю, онъ лавировалъ отъ одной партіи къ другой, смотря потому гдѣ ему было удобнѣе, гдѣ больше надѣялся поживы и видѣлъ возможность спекулировать и эксплоатировать въ свою пользу. Женившись на племянницѣ Потемкина, онъ сталъ наконецъ столь дерзокъ, что явно сопротивлялся самому королю, если въ этомъ видѣлъ личную выгоду. Феликса Потоцкою и русскаго посланника, графа Штакельберга, онъ ненавидѣлъ всѣми силами пылкой, неукротимой натуры; перваго за то, что оставлялъ его въ тѣни блескомъ общаго уваженія, и по своему богатству и могуществу стоялъ выше его нѣсколькими ступенями на пути къ коронѣ, послѣдняго за то, что тотъ содѣйствовалъ учрежденію военнаго департамента, крайне стѣсняющаго самоуправство великихъ гетмановъ. Главными стремленіями Браницкаго были усилія надѣлать какъ можно болѣе безпорядковъ и смутъ, наклязничать и побудить къ враждѣ безчисленныя партіи и въ этой путаницѣ, хаосѣ, проложить себѣ дорогу къ коронѣ, или по крайней мѣрѣ достигнуть стариннаго, безграничнаго велико-гетманскаго самовластія, чтобы послѣ, тѣмъ легче и безнаказаннѣе обкрадывать народъ, казну и войско: слѣдствіемъ этихъ

1) См. О происхожденіи и паденіи польской конституціи 3-го мая 1791 г.

стремленій, были также его усилія противустоять всѣми средствами русскому вліянію, вносящему спокойствіе и порядокъ въ государствѣ. Такъ, мы видимъ, что не смотря на девизъ, которымъ прикрывался Браницкій, на его принадлежность къ партіи молодыхъ людей, или *будущаго*—онъ былъ въ своихъ стремленіяхъ чисто ретраградныхъ, скорѣе *рутинеромъ*, нежели прогрессистомъ, какимъ его считали ловко надуваемые приверженцы. Но именно слишкомъ ловкій и хитрый для того, чтобы выказать настоящія свои стремленія и чтобы самому *лично* и открыто выступать на столь небезопасную арену, онъ съумѣлъ забрать въ свои руки недальновиднаго Сапѣгу и толкалъ его впередъ повсюду, гдѣ самъ долженъ былъ бы дѣйствовать лично. Восторженная до безумія пылкая *натура* молодаго Сапѣги, представлявшаго истый образецъ тогдашней польской молодежи,—то лихорадочно дѣятельная, о-боявшаяся труда и бѣгущая отъ него—легко и всецѣло подчинилась увлекательному обращенію и льстивому краснорѣчію хитраго Браницкаго. И вездѣ и во всемъ Сапѣга, къ стыду своему, сталъ слѣпымъ орудіемъ исполненія велико-гетманскихъ замысловъ, въ рукахъ ловкаго агитатора. Природа надѣлила Сапѣгу нѣкоторыми способностями, дающими при сильной *волѣ* возможность дѣйствовать и болѣе энергично и болѣе самостоятельно, независимо; между тѣмъ *лѣнь* и безхарактерность подчинили его вполѣ вліянію болѣе дѣятельнаго напибрата. Впрочемъ проводя и убивая всю жизнь въ ночныхъ оргіяхъ и дневныхъ безчинствахъ, посвящая только не многія минуты общественной дѣятельности, онъ не имѣлъ даже и времени подумать какъ о своей зависимости, такъ и объ чемъ-нибудь другомъ серьезно. А между тѣмъ считался *представителемъ* партіи, передовымъ ея бойцомъ! Какою же была сама партія? Да какими и всѣ онѣ были?

Для разъясненія внутренняго ихъ значенія, для полной ихъ оцѣнки, прежде чѣмъ приступить къ разбору фактическихъ дѣятельностей, необходимо слѣдуетъ напомнить замѣчаніе, что партіи эти образовались и развили свои разрушительныя дѣйствія въ Польшѣ, въ то именно время, когда съ одной стороны угрожали ей извнѣ тысячи бѣдствій, когда съ другой былъ жестокой внутренній безпорядокъ и когда наконецъ въ народѣ 1) уровень ум-

1] Я понимаю здѣсь образованный классъ, т. е. вліятельное дворянство.

шняго развитія, старосіями Станислава Понятовскаго, былъ но д-ить на самую высокую степень, до какой когда-либо достигалъ.

Я клоню рѣчь къ тому, чтобы доказать ниже фактически, что при такомъ именно развитіи, нѣтъ нельзя болѣе *способствовавшимъ* къ прінсканію средствъ для спасенія погибающаго отечества поляки не только не спасли его, но напротивъ съ утроенною силою и бѣшенствомъ старались сгладить его съ лица земли. Страннымъ и непонятнымъ, можетъ казаться такое сопоставленіе, только на первый взглядъ. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи, въ самомъ дѣлѣ окажется дикимъ и варварскимъ народъ, дѣйствующій подобнымъ образомъ въ самыя критическія минуты. *Съ большимъ трудомъ* всегда приходится намъ вѣрить подобнаго рода фактамъ, которые намъ объясняетъ исторія, не смотря на то, что холодныя, суровыя доказательства, невольно заставляютъ насъ убѣждаться, но всемъ не легко допускаемое нашъ трезвымъ разсудкомъ. Въ настоящемъ случаѣ, мало того, что мы сказали: углубляясь въ самыя отдаленныя эпохи исторической Польши, мы съ изумленіемъ встрѣчаемъ на *каждомъ шагу повтореніе одного и того же, какъ будто стремленія поляковъ къ уничтоженію политическаго значенія своего отечества*—и невольно приходимъ къ заключенію, что этотъ жалкій, ничтожный народъ... удивительно долго коптилъ небо, срамилъ родъ человѣческій и всѣ цивилизованныя племена, чрезъ что давнымъ давно заслужилъ на неизбѣжную по всей справедливости, участь: быть съ корня сломаннымъ и на ново перерожденнымъ.

Какъ же безразсудною и напрасною кажется борьба и усилія поляковъ тормозить раціонально придуманныя средства для достиженія сказаннаго неизбѣжнаго перерожденія!! Безумно, глупо, стараться плыть противъ сильнаго теченія, въ неровной борьбѣ скоро изсякнутъ послѣднія силы, борецъ погибнетъ, и рѣка времени понесетъ на своихъ волнахъ въ ничѣмъ неудержимомъ стремленіи бездыханнаго трупа, который, разлагаясь, возродитъ новую жизнь... Это историческій справедливый и неумолимый приговоръ судьбы... Блаженъ тотъ, кто усвоилъ эту простую истину, кто согласился съ справедливостью и покорился стремленію великой рѣки, волны принесутъ къ берегу не бездыханнаго трупа, а живаго человѣка, способнаго еще мыслить и дѣйствовать....

Западно-русскіе! Неужели лучъ истины не озаритъ новымъ свѣтомъ тернистаго до сихъ поръ и безцѣльнаго вашего пути? Неужели неумолимая волна примчитъ къ берегу трупы стариковъ? Отцы и матери! жаль васъ молодому поколѣнію, уже почуявшему новую эпоху, уже начинающему новую эру, готовящемуся вступить въ новую полную кипучей дѣятельности, умную жизнь!.. Но вы отживаете свой вѣкъ, къ вамъ трудно и поздно уже привить новое ученіе. Для васъ же, будущій оплотъ свѣжей, сильной, здоровой жизни противъ истлѣвшей рутины—еще необходима задушевная рѣчь, изъ которой вы бы извлекли новыя силы и поддержку, которая, указала бы вамъ новый путь, открыла глаза и заставила отличить истину отъ предразсудка, дѣйствительность отъ міра фантазіи и наконецъ полезное, отъ безполезнаго и вреднаго. Смѣлѣе и терпѣливѣе выслушайте эту рѣчь; иначе, быть можетъ, не легко и не скоро будемъ у берега... будьте осторожнѣе: брошенный пропагандою якорь не удержитъ васъ долго на одномъ мѣстѣ нерѣшительности и сомнѣнія, стремленіе волны слишкомъ быстро, вашъ воздушный корабль слишкомъ слабъ и не выдержитъ напора, якорь лопнетъ и тогда... но утонуть, погибнуть, избави васъ Боже! Ваша молодая жизнь, юное поколѣніе, еще стремится вдаль, еще жаждетъ добра и истины, еще пылаетъ надеждой подвиговъ умныхъ, благородныхъ—вы только не рѣшаетесь избрать себѣ поприща. Почему-же?... Молодые собратія! моею единственною цѣлью, указать вамъ эту истину, къ которой вы стремитесь, то поприщѣ, на которомъ ваши дѣйствія могутъ быть уважаемы и полезны. Вижу ваше юношеское нетерпѣніе вся ваша наружность взволнована, ваши глаза горятъ, ваши грудь дышетъ жаждою дѣятельности и знанія... Это признаки хорошіе... еще немного терпѣнія и мы будемъ у цѣли!

Вернемся къ предмету нашихъ разсужденій. Возьмемъ на выдержку еще нѣсколько доказательствъ того мнѣнія о характерѣ поляковъ, которое всѣхъ здравомыслящихъ можетъ привести къ безъапеляціонному заключенію, что какъ прежде для спасенія Польши, такъ и теперь для ея возстановленія слѣдуетъ поставить непремѣннымъ условіемъ ни больше ни меньше, *какъ чтобы поляки, прежде всего не были поляками.* Исполнимо-ли подобное требованіе, слѣдов. естественно-ли, что пала Польша и возможно-

ли желаніе ее возстановить? подумайте, западно-русскіе! Кажется ясно, что вопросы эти могутъ рѣшиться только отрицательно, иначе пришлось бы заявить сказанное *неисполнимое* требованіе. Убѣдиться не трудно.

Усиленная, лихорадочная подвижность и дѣятельность партій, о составѣ которыхъ мы говорили, съ такъ называемой фактической стороны выработала, какъ водится, самые обширные планы, но полякамъ для осуществленія микроскопической частицы этихъ утопическихъ плановъ, необходимо было, какъ мы выразились, не быть поляками, здѣсь нужна была энергія и постоянство, умѣніе пользоваться обстоятельствами, дѣйствовать съ твердостью и быстротою, сохранять вездѣ и во всемъ опредѣленную систему тактику; наконецъ никого лично не затрогивать къ чему вовсе неспособны поляки, говоря, вообще, *необходимо было*, какъ мы сказали, ни больше ни меньше, какъ *не быть поляками*...

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличалась вся лихорадочная дѣятельность поляковъ въ этомъ рѣшительномъ періодѣ польской исторіи, въ этомъ довольно продолжительномъ промежуткѣ времени, отъ большаго или меньшаго умѣнія пользоваться которымъ, зависѣла вся участь страны и народа? Разсмотрѣвъ безпристрастно факты, вы убѣдитесь, что не смотря на сравнительно самое высокое умственное развитіе современныхъ поляковъ, они, тѣмъ не менѣе, дѣйствовали такъ, какъ и всегда, если еще не гораздо хуже. Всякая толпа, изъ которой составлялись безчисленныя подраздѣленія партій, способна была только восторгаться жалкими измышленіями своихъ коноводовъ, какъ пьяныхъ, такъ и трезвыхъ, называя эти исчадія буйнаго воображенія великими планами, для исполненія которыхъ она избирала изъ среды своей панибратовъ, отличающихся обыкновенно высокомѣріемъ, себялюбіемъ, наглостью, оскорбительными выходками и постоянными раздорами съ своими даже единомышленниками... Такимъ образомъ всѣ партіи. прикрывающіяся девизомъ *общаго блага* (dobro ogólu) превращались въ боевые и враждующіе взаимно лагери. Словесная картечь и бомбы перекрещивались повсюду въ цѣлой странѣ», весь этотъ перекрестный огонь разъѣдалъ только государство; коноводы готовы были и на самомъ дѣлѣ въ пылу доказательствъ единодушія и общихъ цѣлей прибѣгнуть къ картечи и бомбамъ другъ противъ друга; построить баррикады и повторить варѳоломѣевскія

ночи... Интересъ государства и общее благо, ставились на самомъ дѣлѣ, ровно ни во что; на языкѣ у всѣхъ были добродѣтель, самоотверженіе и любовь къ отечеству; въ душѣ же всякій заботился только о себѣ, имѣлъ въ виду только свои личные, мелкіе грязные интересы.

Обыкновенно поляки, оправдывались тѣмъ, что инѣ, для общественной и государственной дѣятельности *еще довольно времени* впереди, и на самомъ дѣлѣ тратили самыя драгоцѣнныя минуты самымъ непростительнымъ образомъ, со свойственною своему характеру лѣностью и отвращеніемъ ко всякому серьезному труду. Казалось, эти жалкіе и грязные безумцы полагали, что дѣла всегда будутъ оставаться въ одномъ положеніи.

Но внѣшнія обстоятельства скоро заставили ихъ обратить на себя должное вниманіе. На собравшемся по этому случаю сеймѣ былъ предложенъ вопросъ объ усиленіи военныхъ средствъ страны. Пришлось подумать о наборѣ и организаціи постояннаго войска, котораго до тѣхъ поръ не было въ Польшѣ. Въ крайнихъ случаяхъ обыкновенно созывались народныя ополченія (pospolite ruszenie). Для исполненія новаго проэкта, очевидно, потребовалась значительная затрата капиталовъ; но поляки въ первомъ порывѣ восторга отъ одной мысли, что могутъ имѣть наконецъ, подобно своимъ сосѣдямъ, постоянное войско - предложили добровольныя, безграничныя пожертвованія и со слезами умиленія обнимались, лобызались и выпивали странное количество вина при этомъ удобномъ случаѣ (у нихъ впрочемъ всякій казусъ, считался удобнымъ случаемъ для выпивки). Имъ, казалось, видите - ли, что отчизна уже спасена, громадное и отлично организованное войско уже существуетъ и потому величіе и могущество Польши дѣлается не химерою, а фактомъ.

Тамъ удивительно можетъ увлекаться полякъ одною минутою своего буйнаго воображенія и горячей фантазіи. Онъ весь теперь и всегда, жилъ и живетъ не въ мірѣ дѣйствительности а въ какомъ - то опутѣ фантастическихъ иллюзій. Дѣйствительность на которую онъ никогда не расчитываетъ, застаетъ его всегдъ въ расплохъ, погруженнаго въ свои любимыя мечты. Она раздражаетъ его своего дисгармоніею съ его внутреннимъ міромъ. Полякъ никогда не былъ и быть не можетъ практиченъ. Чуть навернутся какой-нибудь планъ въ его горячей головѣ, какъ онъ ни-

чего не обдумавъ, не соображаясь съ дѣйствительностью, считаетъ осуществленіе часто самой нелѣпой химеры, не подлежащимъ сомнѣнію и заранѣе прыгаетъ отъ дѣтскаго удовольствія.

Такъ и теперь случилось. Когда пришлось исполнить громнія обѣщанія, то цѣлыхъ четыре года возились съ вопросомъ объ улучшеніи арміи, торговались съ правительствомъ и сами съ собою до истощенія силъ и наконецъ собрали средства на 60000 войска, тогда какъ въ пылу восторга предполагали эту цифру по крайней мѣрѣ утроить. Вслѣдъ за тѣмъ обсуждался вопросъ о переформированіи государственнаго устройства. За этотъ предметъ взялись сначала также горячо, толковали, бились и рѣшили ничѣмъ. Во все продолженіе сейма, имѣвшаго цѣлью разсмотрѣніе и обработку многихъ спасительныхъ для страны учрежденій-партіи неистовствовали другъ противъ друга и всѣ обвиняли одну только *русскую* въ проволочкахъ и тратѣ времени, тогда, какъ дѣйствительною причиною всѣхъ несообразностей и медленности въ дѣйствіяхъ, былъ собственно духъ каждой партіи, взятой отдѣльно, т. е. въ общемъ смыслѣ-національный характеръ.

Вотъ, между прочимъ, какъ о польской національности, отзывается г. Шульцъ—иностранецъ, бывшій совершенно безпристрастнымъ наблюдателемъ 1): Кромѣ себялюбія, высокомѣрія, властолюбія и иностраннаго вмѣшательства, причинами почему польскіе сеймы столь бурны и безсильны— есть равнымъ образомъ— *невѣжество* и *легкомысліе*. Двѣ трети земскихъ пословъ, являются на сеймъ почти совершенно необразованными, и чѣмъ эти народные представители невѣжественнѣе, тѣмъ упорнѣе, злѣе: въ этомъ случаѣ послѣдняя причина ихъ упорства формулируется словомъ „ale" (но) «не хочу». Довольно того, что на этихъ людей обыкновенно дѣйствуетъ первое впечатлѣніе, произведенное на ихъ скудный запасъ мыслей — или надменность и честолюбіе, и предводители партій, однажды склонивъ ихъ на свою сторону могли вполнѣ на нихъ расчитывать. Не мѣнѣе того вредило свойственное полякамъ легкомысліе. Вихрь удовольствій, сопровождавшій сеймъ, развлекалъ пословъ, и похищалъ у нихъ большую часть времени. Тѣ ихъ народныхъ псеудо-трибуновъ, кото-

---

1) См. Reise eines Livländers von Riga nach Warschau durch Südpreussen über Breslau nach Boren in Tirol. Berlin. 1795.

рые были помоложе и не могли еще играть главной роли, *не находили никакого удовольствія въ работахъ*, не льстившихъ ихъ тщеславію, а болѣе свѣдующіе, хотѣвшіе взять на себя работу *изнемогали* подъ тяжестью ея и съ отвращеніемъ предоставляли ее адвокатамъ, аббатамъ и другимъ компетентнымъ, такъ называемымъ *искуссным* людямъ, имѣвшимъ въ виду лишь плату; такимъ образомъ работа кропалась кое-какъ?

Этотъ отзывъ иностранца, не могущаго быть пристрастнымъ, по крайней мѣрѣ не имѣющаго никакихъ причинъ судить превратно и на перекоръ своимъ убѣжденіямъ—кажется не требуетъ комментаріевъ—онъ только подтверждаетъ высказанное нами.

Женщины какъ всегда и въ то время и въ послѣднія смуты, не только вмѣшивались въ общественныя и государственныя дѣла, но были однѣми изъ главныхъ зачинщицъ раздоровъ, междуусобій и всякаго рода безпорядковъ. Онѣ вѣчно къ цѣлямъ и стремленіямъ партій примѣшивали свои страсти, по влеченію и внушенію которыхъ и путали всѣ дѣла—имѣя обыкновенное вліяніе на мущинъ и особенно въ такомъ слабомъ и романтическомъ народѣ, помощью своихъ прелестей и обольщенія.

Женщины имѣли въ Польшѣ вообще весьма сильное вліяніе на ея дѣла. Онѣ старались запутывать въ свои сѣти особенно вождей отдѣльныхъ партій и составивъ себѣ собственныя удѣльныя княжества—вербовали съ каждымъ днемъ все болѣе приверженцевъ и безгранично царствовали надъ ними,—для этаго женщинѣ стоило только войти *въ моду*... Такъ напримѣръ главную роль на тогдашнемъ сеймѣ, изъ представительницъ женскаго пола, играла жена Чарторыйскаго Изабелла (Флеммингъ), извѣстная своими связями съ Репнинымъ и Лозеномъ (Lausun) и старавшаяся зятю своему принцу Людвигу Виртембергскому доставить корону. Другія агитаторши дѣйствовали не менѣе усердно и не съ меньшимъ успѣхомъ.

Какой же, сообразите, могъ быть успѣхъ въ дѣлахъ, при подобномъ хаотическомъ состояніи общества, при подобномъ безсиліи правительства и т. д.? Я не упоминаю уже о езуитахъ и ихъ ультрамонтанской системѣ; умалчиваю о вліяніи, какимъ пользовались эти вампиры общественной и государственной жизни. Кому не извѣстна ихъ исторія, даже сами поляки довольно вѣрно оцѣнили societatem Jesu. Представьте себѣ въ этой суматохѣ, отцовъ

езуитовъ дѣятельно шныряющихъ повсюду и обильно ловящихъ рыбу въ мутной водѣ—и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о вѣчномъ состояніи Польши; а если полякъ и нынѣ мечтаетъ осуществить свои планы и воскресить отчизну въ прежнемъ ея видѣ, то вѣроятно вы только улыбнетесь и въ самомъ дѣлѣ пожалѣете безумца.

Взгляните, какъ полякъ обыкновенно *дѣйствуетъ*. Вотъ всѣ депутаты, прошенные и не званные панибраты собрались на сеймъ обсуждать вопросы, нетерпящіе отлагательства. Вы думаете, они засѣли, подобно англичанамъ, и ведутъ дѣльныя пренія до седьмаго часу? — ни чуть не бывало! Въ сеймовой залѣ вы видите три четверти пьяныхъ и одну четверть навеселѣ; въ одномъ углу спорятъ очень чувствительно, отираютъ слезы, въ другомъ хватаются за сабли—въ третьемъ покоятся сномъ праведныхъ. Всѣ спорящіе постепенно входятъ въ азардъ. Наконецъ крики доходятъ до безобразія и председатель сейма долженъ закрыть собраніе. Спящіе пробуждаются и купно съ бодрствующими валятъ вонъ изъ зданія. Всякій хвастается, что много сдѣлалъ. Затѣмъ начинаются безконечныя празднества и попойки, во время которыхъ ловкіе коноводы вербуютъ себѣ приверженцевъ.

Вотъ вамъ вѣрная картина сеймовъ. Съѣхавшись въ кучу, поляки интригуютъ и предаются удовольствіямъ; начинаютъ же обыкновенно дѣйствовать тогда только, когда бѣда садится на плечи Такъ напр., до объявленія Россіею войны, они ровно ничего не сдѣлали и ни къ чему не приготовились, хотя сеймъ необыкновенно долго продолжался; послѣ же объявленія войны въ *одномъ единственномъ засѣданіи* вдругъ приняли къ соглашенію на самую безсмысленную конституцію.

При приведеніи послѣдней въ исполненіе, поляки, между прочимъ доказали, что ни одна нація болѣе ихъ не кричитъ о деспотизмѣ, угнетеніи и насиліи, и не смотря на то, ни одна не дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ, болѣе деспотично, и насильственно, гдѣ только можетъ. Вообще, что у поляка на языкѣ, то на дѣлѣ всегда слѣдуетъ понимать въ обратномъ смыслѣ. Удивительно, сколько даже неблагородныхъ средствъ нужно было употребить, чтобы привести въ исполненіе эту новую, глупую, какъ и всѣ, конституцію! Виною во всемъ была *сама нація,* ибо въ то время иностранныя державы вовсе не вмѣшивались въ дѣла Польши.

Русскому посланнику велено было держаться поодаль. Австрія и Пруссія поступали также.

Между тѣмъ, русскій посланникъ въ донесеніи отъ 18 апрѣля говоритъ: «Сапѣга въ яростной рѣчи *обвинилъ Россію* въ возбужденіи бунта крестьянъ. Кублицкій поддерживалъ и превзошелъ его. Все это было подкрѣплено зажигательными рѣчами Суходольскихъ, Мержеевскихъ, которые всѣ живутъ у Браницкаго и *получаютъ отъ него жалованіе.*

Далѣе.

«Учредили наконецъ хитростью и насиліемъ пресловутую конституцію—и что это за носильнище, разукрашенное, между прочимъ, подобными лоскутками: „Assuitur pannus et alter, late qui splendeat!“ Конституція эта, между прочимъ, также доказала, что старые предразсудки у поляковъ вѣчны.

Булгаковъ отъ 15 іюля 1791 г. пишетъ: «Во всякой другой странѣ такая перемѣна (новая конституція), скоро пустила бы корни. Но въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни силы, ни единодушія, гдѣ все зависитъ отъ постороннихъ вліяній, теперь *колеблются даже сами зачинщики революціи*... Предвидѣніе скораго мира мучитъ ихъ. Хотя всѣ недовольны конституціей, но никто не смѣетъ пикнуть, такъ всѣ напуганы угрозами революціонеровъ.

Далѣе, между тѣмъ, русскій посланникъ доноситъ отъ 14 декабря 1791 г.: «Поляки начинаютъ все болѣе раскрывать глаза и *желаютъ сблизиться съ Россіей.* Они очень уже измѣнили обращеніе свое со мною. Самъ Луккезини 1), какъ здѣсь разсказываютъ, будто-бы совѣтовалъ королю обратиться къ Россіи.

Этотъ Луккесини, спрошенный въ одномъ обществѣ о судьбѣ ржечипосполитой сказалъ: «Наибольшимъ счастіемъ для Польши было бы *подпасть подъ полнѣйшую зависимость.* Положеніе страны, характеръ націи, колеблющіеся законы никогда не позволятъ Польшѣ сдѣлаться независимая и пользоваться полною свободою, имѣть твердое, благоустроенное правленіе и еще менѣе сильную и многочисленную армію для обороны своихъ границъ! На неопредѣленные союзы, нельзя полагаться; я не думаю также, чтобы какая-нибудь держава была обязанною на собственный счетъ поддерживать чужія. Польша въ союзѣ съ Прус-

1) Прусскій уполномоченный (посланнымъ вмѣсто больца).

сіей не достигла своей цѣли: она могла бы привязать къ себѣ Пруссію тамъ, что это обѣщало бы всякую помощь съ ея стороны.» Луккесини имѣлъ въ виду Данцигъ и Торнъ, цѣною которыхъ Польша могла бы по его замѣчанію, *привязать* къ себѣ Пруссію. Это впрочемъ къ дѣлу не относится.

Для насъ любопытны послѣдующія за новою конституціею событія, изъ которыхъ мы увидимъ, что поляки ни создать ничего путнаго не могутъ, ни поддержать уже созданное.

Новая форма правленія досталась имъ, какъ я сказалъ, съ большими усиліями. Но что же вышло изъ этаго? Вмѣсто напрягать всѣ силы и энергически отстоять новое пріобрѣтеніе, революціонеры погрузились въ обычную беззаботность и лѣнь; вмѣсто устройства войска, финансовъ и другихъ средствъ для обороны страны, они въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ самаго дорогаго времени занимались *установленіемъ правилъ дѣлопроизводства для отдѣльныхъ отраслей правленія*, мелочными ссорами, празднествами и кознями партій. Природный характеръ, и условія, способствующія его развитію, трудно измѣнить. Вполнѣ занятые настоящимъ, поляки не предусматривали даже самой ближайшей будущности и, какъ всегда, не въ состояніи были расчитать даже самыхъ вѣроятныхъ послѣдствій. Однѣ лишь необдуманные и безразсудные поступки, свойственные ихъ легкомысленности и буйному характеру всегда наполняли весь кругъ ихъ дѣятельности.

Такъ случилось и *въ эту дорогую минуту*. Они, по обыкновенію, предавались всецѣло *удовольствіямъ и наслажденіямъ!* Мало того, по разсказу очевидца 1), *никогда* въ Варшавѣ не было такъ весело, какъ въ роковомъ году. И сильные, раскаты грозы, явственно слышные издали, не могли пробудить поляковъ отъ ихъ упоенія.

Хотя бы существовало еще въ этой жалкой націи какое-нибудь *согласіе*, не говорю уже единодушіе—тогда, и въ самую критическую минуту, когда опасность за плечами, можно бы еще сверхъестественными усиліями что-нибудь сдѣлать; но до *согласія* у поляковъ, какъ мы могли убѣдиться изъ всего сказаннаго, было далеко, даже слишкомъ далеко. Молодежь была за конституціей,

1) м. См. Schulz. Reise eines Livländers.

въ которой думала видѣть залогъ будущаго величія Польши; но за то старики только и дышали—однимъ желаніемъ возвратить порядки добраго стараго времени саксонцевъ. Za króla Sasa, jedz, pij i popuszczaj pasa—to mi życie!"—вздыхали они) и все неукротимое, ничѣмъ необузданное своеволіе шляхты—что они называли *свободой,* (wolnością). Обѣ стороны были одинаково сильны и одинаково, по своему конечно, дѣятельны. Двѣ равносильныя массы взаимно уничтожали всѣ свои усилія, парализировали всѣ свои дѣйствія—интерессы и цѣли ихъ были діаметрально противуположны. Если принять въ расчетъ всю запальчивость, съ какою обѣ стороны боролись, то невольно жаль становится стольkихъ силъ, средствъ и издержекъ напрасно потраченныхъ; такъ, не смотря на трудное внѣшнее положеніе страны, обзоръ ея внутренняго состоянія производитъ еще большій ужасъ. *Народъ, весь до послѣдней возможности,* раздѣленный на два непріятельскія лагеря и взаимно *уничтожающійся!* Трудно себѣ представить, что-нибудь болѣе страшное и жалкое. Содомъ и гоморъ, хаосъ!

Феликсъ Потоцкій, Северинъ Ржевускій и многіе другіе, злобствуя покинули Польшу и подняли страшный вой у иностранныхъ дворовъ *о спасеніи своей свободы.* Весьма значительная часть недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей послѣдовала ихъ примѣру; такимъ образомъ польскія ссоры и раздоры возникли въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ и другихъ городахъ, каждая партія имѣла въ европейскихъ столицахъ своихъ коноводовъ. Потоцкій, Ржевускій, Антонъ Четвертынскій, Браницкій и многіе другіе поспѣшили въ Петербургъ, какъ преслѣдуемые изгнанники, лишенные врагами своими, бывшими и врагами Россіи, своихъ званій и имѣній, просили императрицу о защитѣ и возстановленіи, прежней, гарантируемой ею, конституціи.

Соображая могущія отъ этаго возникнуть обстоятельства Деболи, польскій посланникъ въ Петербургѣ, сталъ бить тревогу; но поляки въ Варшавѣ долго не обращали вниманія на своихъ панибратовъ въ Петербургѣ,—веселились напропалую, отложивъ всѣ дѣла въ долгій ящикъ; наконецъ Деболи сообщилъ ужасную новость, которая, какъ электрическій ударъ, пронеслась по Варшавѣ, и дрогнула вся ржечипосполитая, польскій посланникъ сообщилъ объ офиціальныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Поднялась сумятица въ Варшавѣ. Безъ всякой послѣдовательности и расче-

та, на скорую руку поляки принялись *дѣйствовать* и на одномъ собраніи порѣшили всѣ средства обороны, на серьезное обдуманіе которыхъ имъ не хватало цѣлыхъ годовъ. Начали вооружаться какъ попало; для усиленія средствъ, разрѣшили продажу староствъ, на что не могли согласиться въ продолженіи 4 лѣтъ; стали пріискивать офицеровъ и генераловъ. Конечно всѣ эти мѣры и не могли назваться существенными и оказались крайне запоздалыми. Гроза уже разразилась.

Тогда коноводы всѣхъ безпорядковъ и виновники всѣхъ несчастій уже, для спасенія себя отъ всякой отвѣтственности, пустились на простой и подлѣйшій маневръ; они отъ всего умыли себѣ руки и передали полную, неограниченную власть въ руки короля. Черезъ это они вѣрно расчитали свалить въ послѣдствіи всѣ несчастія на Панятовскаго. Въ случаѣ же, если бы какимъ-нибудь чудомъ удалось спасеніе, они придумали хитрую лазейку въ установленіяхъ, ограничивающихъ власть короля, такъ, чтобы въ благопріятную минуту имѣть полную возможность опять захватить въ свои руки всю властъ и приписать себѣ все благополучіе.

Но спасеніе, конечно, было невозможнымъ—и кознямъ Потоцкихъ, руководимыхъ Коллонтаемъ, несчастный Понятовскій долженъ приписать свалившееся на него проклятіе націи. Эти мерзкіе люди *первые*, будучи всему причиною сами, подняли камень на безличнаго короля и передали его общественной ненависти. Мало того—среди бури, волнующей тогда Европу, Потоцкимъ, купно съ Коллонтаемъ и К°, удалось въ общественномъ мнѣніи поставить себя такъ, что ихъ стали считать гонимыми несчастными и чуть не святыми, а всѣхъ обличителей гнусной ихъ шайки-величайшими злодѣями... Эти страницы исторіи возбуждаютъ чувство отвращенія. Потаенная злоба и нахальная клевета торжествуютъ надъ безчестными замыслами и честными стремленіями 1)!

Что могъ тогда сдѣлать король? Несмотря на жалкое внутреннее состояніе страны и грозившія ей бѣдствія изъ внѣ, онъ не

---

*) Въ подобномъ взглядѣ на вещи нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Ф. Ф. Смитта; впрочемъ и Костомаревъ и другихъ такой же взглядъ—и касательно разбираемаго предмета, по моимъ крайнимъ убѣжденіямъ, я вполнѣ *раздѣляю* только *ихъ* мнѣнія, не будучи *въ состояніи прельститься* мнѣніями *польскихъ* историковъ.

поколебался однако энергически взяться за дѣло, и всѣ его усилія, весь его образъ дѣйствій, могутъ невѣжественно осуждать только неблагодарные поляки.

Арміи вовсе не было. Пришлось, какъ и всегда случалось въ крайнихъ обстоятельствахъ, созвать народное поголовное ополченіе. (Pospolite ruszenie). Долго и на это не рѣшались шляхтичи, вѣчно боявшіеся дать народу въ руки оружіе; а когда наконецъ рѣшились и пришлось *достать* оружіе, то было уже поздно. Мѣстные оружейные заводы могли доставить въ годъ не болѣе 2000 ружей, всѣ же транспорты изъ за границы не достигали Польши, потому что ихъ перехватывали обыкновенно свои же панибраты; поляки всегда ставили свои мелкіе, частные интересы выше пользы государства,—такъ и теперь случилось: бывшіе за границей коноводы партіи недовольныхъ, пускали въ ходъ всѣ козни и интриги, добиваясь одной цѣли: не допускать въ своей отчизнѣ никакихъ улучшеній въ военномъ дѣлѣ. Имъ вполнѣ удалось достигнуть этой благородной, *патріотической* цѣли: страна не имѣла никакого правильнаго вооруженія, такъ, что когда главнокомандующій войсками Іосифъ Понятовскій, спрашивалъ, гдѣ его военные снаряды и принадлежности, ему отвѣчали: ихъ вовсе нѣтъ, но совершите такіе чудеса, какіе мы совершили, приведя армію черезъ три года изъ 18000 до 55000, въ которой почти половина конницы. Эта *армія* была сбродомъ всякаго разнообразія и не признавала никакой военной дисциплины. Глубоко вздохнулъ Іосифъ и махулъ рукою. «Иду,—сказалъ онъ—я *полякъ!* но иду какъ *на смерть* и еще самую худшую, ибо жертвую моимъ добрымъ именемъ»! Прибывъ на главную свою квартиру въ Тульчинъ, главнокомандующій не нашелъ тамъ и 2000 войска, между тѣмъ какъ изъ Балты, Кіева и Могилева, шли противъ него три непріятельскіе корпуса, изъ которыхъ каждый равнялся силою почти всей его арміи. Въ *Литвѣ только начали формировать* 8 вторыхъ баталіоновъ, недоставившихъ еще къ полному комплекту номинальной арміи. Объ артиллеріи, боевыхъ снарядахъ, военныхъ магазинахъ и вообще о предметахъ вооруженія лучше не говорить вовсе. Въ Турьчинѣ и во всѣ военные пункты—*все* нужно было *посылать изъ Варшавы,* въ которой тоже *ничего* не было!...

Вотъ въ немногихъ словахъ главныя черты той сумятицы,

среди которой передали королю верховное начальствованіе. Повторяемъ вопросъ: что тогда могъ сдѣлать король?

Со вступленіемъ въ границы ржечипосполитой русскихъ войскъ, завязалась покровительствуемая ими *жарговицкая конфедерація* и знатнѣйшіе поляки примкнули къ ней: Феликсъ Потоцкій, назначенный верховнымъ маршаломъ (панъ маршалекъ), Браницкій и Ржевускій его совѣтниками, Антонъ Четвертинскій тоже, многіе земскіе послы и наконецъ цѣлая фаланга болѣе или менѣе знатныхъ панибратовъ, безъ особыхъ титуловъ. Эта конфедерація обвиняла противную: въ измѣнѣ государству, въ обманѣ и оболщеніи націи, въ превращеніи сейма въ конфедерацію, въ чрезмѣрной продолжительности его,—ниспроверженіи старинной формы правленія, удвоеніи числа членовъ сейма, исключеніи изъ него безпомѣстнаго дворянства, ограбленіи республики продажею староствъ, наклонности къ демократіи и наконецъ въ употребленіи насильственныхъ мѣръ 3 мая. Противники въ свою очередъ не замедлили представить столь же длинную вереницу обвиненій съ своей стороны. Коллонтай между прочимъ назвалъ тарговицкихъ конфедератовъ *чернѣйшими преступниками,* принесшили вполнѣ свое отечество въ жертву своей *бѣшенной гордости* *). Какъ будто онъ самъ—олицетвореніе користолюбія, Иг. Потоцкій и др.—исполненные гордости и самолюбія, были въ чемъ-нибудь лучше!

Безпристрастный наблюдатель видитъ двѣ *партіи* обѣщавшія спасеніе и только разнящіеся въ средствахъ. Для него онѣ обѣ хороши и обѣ дурны. Въ ихъ возникновеніи и развитіи, онъ наблюдаетъ только народный характеръ и исходя изъ этой точки, дѣлаетъ свои заключенія—не вполнѣ лѣстныя для обоихъ сторонъ, т. е. собственно для цѣлой націи. Какъ же можетъ быть иначе? Безпристрастный наблюдатель не можетъ не замѣтить подлости, гнусности и т. п. пороковъ въ обѣихъ сторонахъ и тѣмъ единственно объясняетъ неудовлетвореніе несостоятельныхъ желаній обоихъ партій и паденіе Польши. Будь хотя одна изъ партій состоятельной—казусъ не могъ бы случиться—потому, что собственно другая партія была бы безсильна и мало вредная.

Не бросайся эти сумасшедшіе въ объятія всѣмъ врагамъ Россіи—то Екатерина съ трудомъ бы согласилась на раздѣлъ. Кто же тутъ собственно изъ обоихъ партій правъ, кто виноватъ? Не безвинны всѣ и никто не правъ—цѣлая вина лежитъ въ національ-

номъ характерѣ; — возможно-ли измѣнить его? Основательно-ли было приписывать бѣдствія кому-нибудь въ особенности, если виновною была вся нація?—Польское общество никогда не было единодушно, а всегда распадалось на партіи враждебныя другъ другу и взаимно уничтожающіяся, слѣд. взаимно безсильныя, а при такомъ состояніи цѣлаго общества, понятно, что и оно само относительно внѣшнихъ условій было точно также *безсильно,* какъ и отдѣльныя партіи его составляющія.

Духъ партій всегда видитъ только одну сторону предмета и терпѣть не можетъ всякаго, кто не смотритъ черезъ его призму.

Польша останется навсегда для другихъ странъ зеркаломъ, въ которомъ весьма рельефно видны всѣ послѣдствія внутреннихъ разговоровъ и расколовъ на партіи, всѣ плоды себялюбія націи, страсти къ спорамъ и ослѣпленіи въ животныхъ часто и всегда необдуманныхъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Намъ, западно-русскимъ, остается еще убѣдиться только, что Россія, объявившая войну Польшѣ должна считаться совершенно главою въ своихъ дѣйствіяхъ. Ея вооруженное вмѣшательство было вызвано даже противъ желанія, *самими поляками и почти единодушно.* А если бы намъ не оставалось даже никакихъ доказательствъ законности *исхода* этаго вмѣшательства, то и тогда, одинъ простой афоризмъ, что *за науку слѣдуетъ платить* и за необходимые поступки надо *приплачивать,*—можетъ насъ вполнѣ удовлетворить. Впрочемъ, доказательствъ этихъ чрезвычайно много, но такъ какъ онѣ не составляютъ прямой аналогіи съ предметомъ, которому посвящена настоящая статья, то мы будемъ имѣть случай говорить объ нихъ обширнѣе въ послѣдствіи. Теперь мы ограничимся только еще нѣсколькими словами.

Въ инструкціи, данной Бюллеру, состоящему при тарговицкой конфедераціи въ качествѣ уполномоченнаго отъ Россіи, было между прочимъ сказано: «Старинный интересъ Россіи возстановить въ Польшѣ прежній, свободный образъ правленія, *согласуется съ желаніями трехъ четвертей націи.* Удовлетворить тому и другимъ нельзя ничѣмъ лучше, какъ ниспроверженіемъ противной имъ конституціи 3 мая. Вотъ *единственная* цѣль настоящей конфедераціи и *помощи* ей оказываемой Ея Императорскимъ Величествомъ. Перемѣны, произведенныя временемъ въ нравахъ, характерѣ и образѣ мыслей польской націи, безъ сомнѣнія не по-

зволяютъ въ минувшихъ вѣкахъ республики почерпать образцовъ для формы правленія. Но и законы, принятые въ 1768 и 1775 гг., были не столько недостаточны и не удовлетворительны сами по себѣ, сколько вслѣдствіе ихъ дурнаго исполненія и злоупотребленій, которые поляки дозволяли себѣ. Поэтому Е. И. В. полагаетъ, что возстановленіемъ по крайней мѣрѣ части этихъ законовъ, равно какъ и равновѣсія, существующаго прежде между властями въ государствѣ не трудно было бы согласить ихъ съ цѣлями, которыя имѣютъ Е. И. В. *и поляки, взывающіе къ ней о защитѣ.*»

На сколько въ самомъ дѣлѣ были единодушны высказанныя въ инструкціи цѣли у современнаго польскаго общества—можетъ убѣдить возникновеніе второй конфедераціи въ Литвѣ, по инициативѣ Коссаковскаго, которая, не видя никакого противурѣчія въ своихъ цѣляхъ съ Тарговицкого, не имѣла никакой причины даже дѣйствовать отдѣльно и потому соединилась съ предшествующею *въ одну конфедерацію* въ г. Брестѣ.

Такимъ образомъ неровные противники съ обѣихъ сторонъ стояли теперь грудью другъ противъ друга; народъ весь раздѣлился на два непріятельскіе лагера; споръ долженъ былъ и могъ только *рѣшиться мечемъ!...* Такъ наконецъ поляки вполнѣ достигли того, чего такъ долго и безсознательно добивались: *ржечипосполитая разсыпалась на части сама собою.*

Западно-Русскій.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЛИТОВСКАГО НАРОДА.

написалъ П. Стасевичъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Значеніе народныхъ пѣсень великолѣпно рисуется въ слѣдующихъ словахъ профессора Бодянскаго: „народныя пѣсни—это его дневникъ, его исторія, хранилище всякаго вѣденія, всякаго вѣрованія, его ѳеогонія, космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись

временъ давно прошедшихъ, въ которой, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ воды, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и вообще всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, разоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти.“

Литовскія народныя пѣсни должны обратить на себя особенное вниманіе историка и этнографа, такъ какъ онѣ почти единственный источникъ для знакомства съ историческою и бытовою жизнью этого народа.—Письменныхъ историческихъ памятниковъ, почти положительно можно сказать, нѣтъ у литовцевъ. Намъ укажутъ на хронику Стрыйковскаго и др. на что намъ взглядъ одного лица на народъ, когда у насъ есть живые памятники, живая исторія всего народа, говорящаго самъ за себя.

Народная поэзія литовцевъ одна изъ богатѣйшихъ; не знаю, найдется ли народъ, богаче ихъ въ этомъ отношеніи. Въ ихъ завѣтныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключаются ихъ бытія, миѳы, мысли, чувства и надежды.—Несмотря на всѣ бывшія преслѣдованія всего языческаго, мы находимъ и въ настоящее время, послѣ принятія ими христіанской вѣры, много пѣсень миѳологическихъ, которыя какъ нельзя лучше рисуютъ древнее изъ вѣрованіе; много историческихъ, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отразился характеръ извѣстнаго событія.

Однѣ изъ древнихъ литовскихъ пѣсенъ носятъ на себѣ характеръ миѳическій; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ которымъ относятся причитанія и приговоры пѣсненные. Въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ многихъ миѳическихъ пѣсень упоминаются древнія божества, рѣки, горы и пр., въ честь которыхъ онѣ были пѣты, напр. божества: Перунъ или Перкунасъ, Каунисъ, Мильда, Лядо, Пильвите, Ганиклинисъ и пр., рѣки: Дунай, Юра, Свента и пр., горы: Меджіокальни, Шатріа, Пилю, Смелю и пр.

Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ

христіанскими понятіями, напр. въ Троицынъ день, въ праздчество, называемое Бандиникай, поется пѣсенка:

. . . .

. . . .

Тави девасъ не лейсъ, Тебя Богъ не допуститъ, Лядо, Лядо сауле! Лядо, Лядо солнце!

Замѣчательно, что и у славянъ въ этотъ же день поется подобная же пѣсенка:

«Благослови Троица
«Богородица,
«Намъ въ лѣсъ пойти,
«Вѣнокъ сплести,
«Ой дидъ, ладо!

Литовцы точно также, какъ и славяне, пѣснями привѣтствуютъ солнце въ Петровъ день, пѣснями встрѣчаютъ весну. У нихъ есть пѣсни, подобныя тѣмъ, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ, среди весеннихъ хороводовъ и плетней вокругъ майскихъ деревъ; эти пѣсни пѣлись въ праздникъ, называемый Вайникинисъ (вѣнецъ). Праздникъ этотъ бывалъ въ первое Воскресенье послѣ Петрова дня и состоялъ въ слѣдующемъ: молодые парни и дѣвушки отправлялись въ лѣсъ. Сплетя тамъ верхушки двухъ березъ, устраивали себѣ ворота. Проходя черезъ нихъ попарно, съ одной стороны дѣвушки, съ другой мущины, они, встрѣчаясь, пѣли,

«Благослови божекъ,
«Дѣвушку съ мущиной,
«Кума съ кумой!

Обрядъ этотъ языческій и выражаетъ союзъ между обоими полами.

Отличительный характеръ литовскихъ пѣсень-глубокая унылость и покорность своей судьбѣ. Мотивъ сихъ пѣсень до того унылый и темный, что даже знатоку литовскаго языка нѣтъ возможности отличить напѣва свадебнаго отъ похороннаго.—Иногда пѣсни эти сопровождаются пляской, но пляска эта не отличается ни особенною живостью, ни рѣзвостью, ни игривостью.

Печальный тонъ жмудскихъ и вообще литовскихъ пѣсень вполнѣ соотвѣтствуетъ и самому характеру литовцевъ. Литовецъ угрюмъ—потому и на его пѣсняхъ, пляскѣ, му-

зыкѣ отразился тотъ же характеръ. Причиною унылаго мотива и грустнаго содержанія литовскихъ пѣсень нужно полагать бѣдность природы. Вспомните Жмудь, эту обширную, низменную равнину, тянущуюся къ Балтійскому морю, покрытую мрачными лѣсами и изрѣдка малыми холмами 1). Такимъ образомъ бѣдная, однообразная природа была единственною причиною элегическаго характера литовскихъ пѣсень.

Можно причины грустнаго строя пѣсень найдти въ самомъ ихъ содержаніи.—Содержаніе ихъ преимущественно печальное. Народный поэтъ изображаетъ въ особенности безотрадныя картины. Въ пѣсняхъ онъ разсказываетъ отправленіе добраго молодца на службу царскую 2), разлуку женщины съ родителями 3), оплакиваетъ ея несчастное по-

---

1) Вотъ почему на Жмуди рѣдкость въ холмахъ и заставила жмудинъ вокругъ нихъ сосредоточить свои митологическія преданія.

2) Отрывокъ изъ народной пѣсни:

«Ой галю, галю жалнарелю бути!»
«Жалнарелисъ гряжасъ вардсъ,»
«Ой раша, раша громатяли,»
«Праша муни ій вайскяли!

Ахъ могу, могу солдатикомъ быть,
Солдатикъ красивое имя,
Ахъ, пишутъ, пишутъ писемцо,
Просятъ меня въ службу.

3) *Отрывокъ въ переводѣ.*

Мы ее отдадимъ,
За глубокія моря,
За глубокія моря.
Ты не услышишь,
Какъ родимый твой
Стонетъ въ темной рощицѣ;
Ты не услышишь,
Плача матери твоей,
Ты не услышишь,
Плача братьевъ твоихъ;
Ты не услышишь,
Пѣнья сестрицъ твоихъ.

Отрывокъ изъ другой.

Почему сидишь сестрица, почему плачешь?
Отчего грустишь молодая, отчего плачешь?
Не твои ли дни молодые?
Не твой ли рутяной вѣнокъ?
Хотя мои молодые дни,
Хотя мой рутяной вѣнокъ,
Но жаль, сердечно жаль
Оставить мою матушку,
и т. д.

Не эйси тенъ мальти, а ни накти культи,
Бетъ касъ дена не вальгюси эйси гульти. и т. д.

Переводъ.

Не съумѣешь какъ ступить,
Бѣла личика умыть
Не пойдешь ты молоть, ни ночью молотить.
Спать не поѣвши пойдешь каждый день. и т. д.

ложеніе въ чужой семьѣ 1), эти и подобные сюжеты всегда служили предметомъ пѣсни народной.

Спрашивается почему народный поэтъ останавливается преимущественно на изображеніи безотрадныхъ картинъ? Вопросъ этотъ рѣшается очень просто, хотя Г. Филоновъ въ своей христаматіи, говоря о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, между прочимъ приводитъ такого рода мнѣніе, что вопросъ этотъ еще не рѣшенъ, ждетъ отвѣта, ждетъ своихъ изслѣдователей, мнѣ кажется, что не только одна русская народная поэзія, больше чѣмъ на половину, печальнаго содержанія, но что и всякая другая должна быть по преимуществу грустною. Причины тому слѣдующія: чего больше въ жизни, гора или радости? Безъ сомнѣнія гора 2). Что сильнѣе дѣйствуетъ на сердце? тоже горе. Сравнивая двѣ народныя пѣсни, грустную и веселую, мы увидимъ, что не найдется ни одной пѣсни веселой, равносильной по чувству пѣснѣ грустной. И дѣйствительно, ничто не можетъ такъ сильно дѣйствовать на сердце, какъ приключившееся горе; радость никогда не можетъ достигнуть такихъ громадныхъ размѣровъ, какихъ достигаетъ печаль; никогда не можетъ радоваться сердце на столько удачѣ, на сколько оно можетъ грустить при неудачѣ; и, наконецъ, горе всего болѣе располагаетъ къ

Отрывокъ изъ другой пѣсни.
Ту не балтуси
Кайпъ балта гульбели,
Ту тенъ суджюси
Кайпъ сауса лендрели,
Ту тенъ сутирпси,
Кайпъ шила вугяли.
и т. д.

Ты тамъ не будешь бѣлою,
Какъ бѣлая лебедь,
Ты тамъ засохнешь
Какъ дерево сухое,
Ты тамъ опустишься
Какъ спѣлая ягодка,
и т. д.

1) *Отрывокъ.*
Не мокси тенъ вайкціати
Иръ бурнеиссъ праусти,

2) Настоящее мое предположеніе всего лучше объясняетъ извѣстная пѣсенка знаменитаго народнаго поэта Шевченки.

«Есть на світі доля,
«А хто іі знае?
«Есть на світі воля,
«А хто іі мае?
«Есть люди на світі
«Срибломъ, злотомъ осяютъ,
«Здаётця пануютъ,
«А долі не знаютъ,
«Ні долі, ні волі!
и т. д.

пѣснѣ. Дѣйствительно, человѣкъ скорѣе готовъ подѣлиться съ другимъ своимъ горемъ, нежели своею радостью. Если ему въ горѣ подѣлиться не съ кѣмъ, то онъ высказываетъ его въ пѣснѣ и тѣмъ облегчаетъ страданія своего сердца.

Въ христоматіи Филонова, между прочимъ, обращеніе народнаго поэта къ природѣ считается особенностью русскихъ пѣсень. Это предположеніе, кажется, не совсѣмъ-то вѣрное. Обращеніе поэта къ природѣ нисколько не есть особенность однихъ лишь русскихъ пѣсень, а необходимая принадлежность почти всякой народной пѣсни. Природа сильно вліяетъ на человѣка всюду и всегда. Онъ живетъ среди нея. Онъ находитъ или враждебный, или дружескій элементъ въ ней. Если природа вездѣ и всегда оказываетъ на человѣка сильное и неотразимое вліяніе, то встрѣчаемая нами въ пѣсняхъ тѣсная связь между человѣкомъ и природою весьма понятна.

Литовскія народныя пѣсни начинаются съ обращенія преимущественно къ слѣдующимъ предметамъ: къ дубу, зеленой рутѣ, бѣлой лиліи, полю чистому и пр.

Къ немаловажнымъ особенностямъ литовскихъ пѣсень должно причислить и постоянное употребленіе существительныхъ въ уменьшительномъ и ласкательномъ видѣ. Положимъ, и въ русскихъ пѣсняхъ встрѣчается это, но во 1 оно тамъ рѣже и во 2 русскій языкъ далеко не такъ богатъ такими формами, какъ литовскій. Въ литовскомъ языкѣ нѣтъ того существительнаго, которое не имѣло-бы нѣсколько формъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, а есть и такія, у которыхъ наберется до 20 такихъ формъ. Для примѣра возьмемъ два, три слова и покажемъ эти формы, напр. братъ и сестра бролисъ иръ сясара; уменьшительныя формы отъ братъ: бролисъ, бролелисъ, бролютялисъ, бролужялисъ, бролитисъ бролюксъ. Отъ сестра—сясара, сясарели, сясерутели, сясеружели, сясерите, сеяли, сясели, сеялите, сеялители и пр.

Наконецъ литовскія пѣсни рѣзко отличаются отъ русскихъ тѣмъ, что любимыя народными пѣснопѣвцами сравненія выражаются въ первыхъ въ формѣ положительной, а въ послѣднихъ—въ формѣ отрицательной.

Вотъ всѣ болѣе замѣчательныя особенности литовскихъ пѣсень.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Обрядъ рожденія и крещенія.

Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, повивальная бабка моетъ его въ самой холодной водѣ, и это называется: умываніемъ въ поту Лаумы; (праусиласъ лауме пракайте), затѣмъ спеленавъ и перекрестивъ его, отдаетъ въ руки матери.

На слѣдующій день отецъ ребенка проситъ кумовьевъ, которые вмѣстѣ съ новорожденнымъ отправляются въ приходской костелъ для совершенія таинства крещенія.—Въ это же время онъ приглашаетъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ на пирушку. Каждый изъ приглашенныхъ мущинъ приноситъ съ собою водку, а каждая женщина яйца, пироги и т. п., вообще закуску. Если придетъ кто нибудь изъ холостыхъ, то онъ обязанъ дать нѣсколько копѣекъ бабкѣ на мыло для ребенка, въ противномъ случаѣ бабка забираетъ къ себѣ его шляпу или же другую вещь, которую онъ долженъ выкупить. Въ этотъ же день родители даютъ обѣдъ, такъ называемый: «обѣдъ кумовывъ», на который кумъ обязанъ доставить водку, а кума закуску. Въ случаѣ если водки не хватаетъ, кума беретъ пирогъ и съ нимъ подходитъ къ куму, припѣвая:

«Кумучюкъ ту, ту, ту!	Куме ты, ты, ты!
«Кадъ арелкасъ буду!	чтобы водки было
«Иръ сальджіосъ, иръ гарджіосъ,	И сладкой и вкусной,
«Шитъ пирагасъ ушкундосъ.	Вотъ пирогъ на закуску.

Нужно замѣтить, что каждая жмудячка сама кормитъ своего ребенка, и ни за какія блага не возьметъ кормилицы: напротивъ сама, съ материнскою заботливостью, ухаживаетъ за нимъ. Собираясь обмыть ребенка она креститъ его и, кладя въ колыбель, двумя пальцами сжимаетъ его носикъ. До году ребенка держатъ безъ рубашки, говоря: «что будетъ еще время свой вѣкъ сноситъ».

Когда у ребенка прорѣжется первый зубъ, родители дѣлаютъ пирушку, во время которой поютъ духовныя пѣсни и благодарятъ Господа Бога, что сократилъ страданія ребенка и далъ міру трудолюбиваго человѣка. Если у ребенка прорѣжется зубъ безъ всякой боли, это знакъ, что онъ будетъ хорошимъ работникомъ и будетъ умѣть пользоваться плодами своихъ друдовъ, потому что по мнѣнію народа: кто

кто хорошо ѣстъ, тотъ хорошо работаетъ. Это свидѣтельствуетъ пословица: «Гярасъ вальгентомъ, гярасъ процевникасъ». (хорошій ѣдокъ — хорошій работникъ).

Родительница остерегается какъ можно болѣе, что бы никто не видѣлъ ея страданій, ибо народъ полагаетъ, что если кто нибудь видитъ, то родительница должна за нихъ всѣхъ терпѣть.

На первыхъ порахъ новорожденнаго никому изъ незнакомыхъ не показываютъ, особенно остерегаются показывать его уродамъ и людямъ съ красивою наружностью, ожидая съ ихъ стороны какого-то колдовства. Народъ полагаетъ, что красавцы и уроды обладаютъ какими-то особенными чарами, о чемъ говоритъ и пословица. «Сенучюй мелоти, туртингуй вокти, огражямъ чараути» (старому лгать, богатому воровать, а красивому колдовать).

СВАТОВСТВО И ОБРУЧЕНІЕ.

Молодой парень, задумавъ жениться на избранной имъ дѣвушкѣ, заводитъ съ ея родителями или опекунами сватовство. Сватовство идетъ въ такомъ порядкѣ: молодой выбираетъ себѣ свата, человѣка болѣе близкаго къ дому его избранной; сватъ отправляется, вмѣстѣ съ бутылкою водки за пазухой, къ ея родителямъ для переговоровъ. Войдя въ домъ родителей сватъ встрѣчаетъ хозяевъ дома обычными словами: «Тегуль бусъ пагарбинтасъ Гезусасъ Кристусасъ»! (Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ)! потомъ поздоровившись со всѣми, садится за столъ, вынимаетъ бутылку и проситъ рюмку, получивъ ее, выпиваетъ прежде самъ, а послѣ подчиваетъ всѣхъ присутствующихъ.

Родители уже знаютъ въ чемъ дѣло, но сватъ не обращаетъ на это никакого вниманія, а начинаетъ говорить изъ далека иронически:

«Пасъ сена Жвирблиса Бутенунсе ира яунасъ корвелисъ, айшкусъ кайпъ мену, беда тиктай іогъ нера дель іо балундитисъ! Несъ коксай карвелисъ! Коксай карвелисъ!... Ужу юрю, ажу марю, гирдеіомъ кадъ антъ юмсъ лаукосъ баландичѣ. Аръ	У стараго Жвирблиса съ Бутеновъ есть молодой голубь, какъ луна, бѣда, что нѣтъ жены ему голубицы! Ахъ какой голубь! какой голубь!... За горами, мы слышали, что у васъ есть голубица. Нельзя ли соединить этихъ го-

не галетумемъ сутейсити шитусъ карвелюсъ? Кокя тай мынисъ бутунъ баланделю, балтунъ, ауксингу иръ дэй монтую».

лубей? Сколько было-бъ птенцовъ, бѣлыхъ, золотыхъ, алмазныхъ.

Родители, если согласны, отвѣчаютъ: «Герай, благословикъ Деве»! (хорошо, благослови Господи), а если-же не согласны на бракъ, то говорять: «Пасъ мусъ нера балундитесъ». (у насъ нѣтъ голубицы).

Если родители согласны то допиваютъ водку, привезенную сватомъ, если-же нѣтъ, то должны поставить отъ себя столько, сколько было выпито. Если дѣло кончится благополучено, то сватъ съ родителями назначаетъ время прибытія его съ молодымъ для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Спустя нѣсколько дней пріѣзжаетъ сватъ вмѣстѣ съ молодымъ и его товарищами. Въѣхавъ во дворъ, выпивши водочки, поютъ:

«Кадъ ашъ іояу паръ лаукели,
Иръ паръ жаляни госли
Про сидабра жіогрели
Про рутелю даржели.
И камели нойдамасъ
Бера жиргя шанкидамасъ,
Пентинелейсъ спаусдамасъ
Лаужтинелейсъ темпдамасъ.
Эйнъ матуши й свирнели
Нэшъ марганій келишкели,
Прашау свети й свирыели
Тенъ месъ пасигересме.
И свирнели іейдамасъ
Тетушели свейкиндамасъ
Аръ мунъ лейси дукреле
Ши мисла рудинели.
Тетушелисъ цожадся,
Матушели паркалбся.
Шитай дукресъ скринели,
Иръ ши шилкунъ барвели.
Эйнъ мергите паръ кимели,

Ужь какъ ѣхалъ я черезъ полюшко.
Черезъ рощицу зеленую,
Межъ заборовъ серебренныхъ,
По садику по рутовому.
Въѣзжаючи во дворъ,
Гнѣдаго коня пришпорилъ:
Стременами сжимая
Подбирая поводы.
Идетъ матушка въ амбаръ,
Пеструю рюмочку несетъ:
Прошу гостя въ амбаръ,
Тамъ свидимся мы.
Въ амбаръ идучи,
Съ отцомъ здороваючись
Выдашь ли дочь за меня
Этою милою осенью?
Батюшка обѣщался
Матушка отговорила.
Вотъ дочери сундучекъ,
И этотъ шелковый платочекъ.
Идетъ дѣвушка черезъ дворъ,

Эйнъ яуной й даржели	Идетъ дѣвушка въ садикъ
Дурелесъ даридама,	Колиточку отворяетъ,
При рутелю эйдама.	Къ руточкамъ подбѣгаетъ.
Кадъ ашъ сеяу линксма бувау	Весела была васъ сѣючи,
Кадъ равелу даръ линксмесни,	Веселѣй была прибираючи.
О нулюдау скиндама.	Ахъ! смутилась я, сорвавши васъ
Грауджей веркяу пиндама.	Зарыдала я, соплетаючи.

Дѣвица, увидавъ пріѣзжающихъ, какъ можно скорѣе бѣжитъ къ сосѣдямъ и приглашаетъ ихъ на вышивку (ужгярштоесъ). Когда сосѣди соберутся, спустя нѣкоторое время, является и дѣвица, бросивъ свой взглядъ на гостей и замѣтивъ между ними своего нарѣченнаго, обращаясь къ нему говоритъ:

«Коксъ тай вергисъ седа? (что за врагъ сидитъ).

Молодой вмѣсто отвѣта поетъ съ своими товарищами.

О шална, шалнели,	Ахъ морозъ, морозецъ,
Шалтои жимели!	Холодная зима!
Бролелисъ балноя	Братъ сѣдлалъ
Бераній жиргели.	Гнѣдаго коня.
О жирге, жиргели,	О конь ты, мой конь!
Муна юдберели	Мой ты чернобурый!
Аръ муду игиплауксемъ	Переплывѣмъ ли мы
Юресъ марелесъ?	Черезъ синія моря?
Жиргелисъ игиплауки	Конь переплылъ
Юрссъ марелесъ.	Черезъ синее, черезъ море,
О бролелисъ скенда	Братецъ тонулъ
Юріосъ краштели.	На синемъ (т. е. дальнемъ) краю
Исай бескендамасъ	Онъ тонучи
Юріосъ краштели,	У синяго берега,
Исай нуситвери	Онъ захватилъ
Жаляня ивели.	Зеленую иву.
О ива, ивели!	О ива, ива!
Жалясисъ медели!	Зеленое деревцо!
Кодель не жалюи	Отчего ты не зеленеешь
Жима васереле?	Зимою и лѣтомъ?
О канъ ашъ жалюсю	Чтожъ мнѣ зеленѣть
Жима, васареле,	Зимою и лѣтомъ,
Жада муни кирсти	Хотятъ меня повалить

Шакелесъ гинети
О канъ юсъ дырбдинсте
Ишъ муна глакелю?
О канъ ишмислисте
Иръ ишъ лименеле?
Ишъ това такелю
Жаля лингинели,
О ишъ лименеле
Маргой ловели.
О канъ юсъ лингусте
Жаліоіой лингиннлей?
О канъ юсъ гульдисте
Маргоію ловелей?
Ашъ патсъ атсигульсю
Маргоіо ловелей,
Мергеле лингусю
Маліой лингинелей.

И вѣтки мои срубить.
Чтожъ вы сдѣлаете
Изъ моихъ вѣтокъ?
И что выдумаете
Изъ меня самой?
Изъ твоихъ вѣтокъ
Зеленую колыбель,
А изъ тебя самой
Пеструю кровать.
Кого качать вы будете
Въ зеленой колибели?
Кого вы положите
Въ пестрой кровати?
Я лягу самъ
Въ пестрой кровати,
Дѣвицу буду качать
Въ зеленой колибели.

ДѢВИЦА НА ЭТУ ПѢСНЮ ОТВѢЧАЕТЪ:

Ашъ тавесъ не прашау
Яунааисъ бержели!
Муни ужлинсава
Сяна матушели,
Муни ужнешіоя
Антъ балтунъ ранкелю,
Муни ужбовія.
Су аукса жиделю,
Муни ій нупрауси
Чисту ундинелю,
Муни ій нушлости
Шилку скепетелю.

Я тебя не прошу
Молодой парень!
Меня вскормила
Старая матушка,
Меня и носила
На бѣлыхъ ручкахъ,
Меня забавляла
Золотымъ кольцомъ,
Меня умывала
Чистою водицей
Меня вытирала
Шолковымъ платочкомъ.

Потомъ отецъ невѣсты беретъ ее за руку и сажаетъ вмѣстѣ съ нарѣченнымъ. Перекрестивъ ихъ, приказываетъ имъ перемѣнить кольца. По окончаніи этого обряда всѣ привстаютъ и поютъ гимнъ къ Богородицѣ: «Букъ пагарбинта свенчяуса Марыя».

(Будь благословенна пресвятая Богородица)!

Этимъ и кончается обрядъ обрученія.

ЖМУДСКАЯ СВАДЬБА.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ жмудская свадьба состояла изъ многочисленныхъ, вѣками освященныхъ обрядовъ, но подъ вліяніемъ иной, чуждой цивилизаціи, обрядовая сторона свадьбы почти исчезла. И теперь невозможно нигдѣ на Жмуди встрѣтить полное сочетаніе тѣхъ особенностей свадьбы, которыя такъ хорошо характезировали патріархальный бытъ жмудиновъ. Предлагаемое описаніе жмудской свадьбы по старинѣ, постараюсь изложить на основаніи воспоминаній Антона Тучки, жителя Россіенскаго уѣзда, цитовянскаго прихода.

Чѣмъ старѣе родители, тѣмъ поспѣшнѣе стараются они, по достиженіи совершеннолѣтія ихъ старшимъ сыномъ, женить его и тотчасъ поручить ему хозяйство семьи.

Послѣ обрученія женихъ тотчасъ даетъ невѣстѣ деньги на кольцо и подаетъ въ костелъ объявленіе объ оглашеніи, или какъ говорится на заповѣди—При этомъ ксендзъ дѣлаетъ имъ потерюсъ т. е. экзаменъ, требуя отъ жениха и невѣсты знанія молитвъ.

Свадебный пиръ обыкновенно начинается съ понедѣльника, въ домѣ родителей жениха и невѣсты, и продолжается цѣлую недѣлю.

Женихъ приглашаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, а изъ женскаго пола только близкихъ родственницъ, невѣста своихъ подругъ, которыя получаютъ названіе паредкиникясъ *); сюда-же приглашаются и свахи со стороны невѣсты.

Когда приглашенные соберутся, невѣста проситъ своихъ родителей открыть свадьбу танцами; отецъ съ матерью выходятъ на середину комнаты и, сдѣлавъ нѣсколько мѣрныхъ круговъ, открываютъ этимъ свадьбу. У жениха происходитъ тоже самое.

Въ полночь, женихъ, со всѣмъ собраніемъ, въ сопровожденіи музыки, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты; какъ скоро въ домѣ невѣсты услышатъ звонъ колокольчиковъ, всѣ такъ называемыя паредкиникясъ садятся по одну сторону и въ

---

*) [illegible] слово происходитъ отъ слова порядокъ значитъ: порядсмотрятъ за порядкомъ свадебнаго обряда.

молчаніи ожидаютъ входа жениха; напередъ входитъ сватъ, прочіе остаются въ сѣняхъ. Сватъ обращается къ родителямъ невѣсты съ рѣчью: «Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ! Не какихъ либо новостей желаемъ узнать, не пришли мы чтобы къ чему либо присмотрѣться. Желаемъ узнать только добродѣтель и Господа Бога любящихъ и носящихъ зеленорутовый вѣнецъ. Полны небо и земля хвалы его! Я много говорю, а малаго прошу: чтобы была лошадямъ конюшня, повозкамъ вовозня, не полемъ ограничена, не небомъ покрыта, чтобы было лошадямъ сѣна, овса, чтобы было сѣдламъ мѣсто, крючки для кнутовъ, вожжей и шапокъ. Прошу хозяина и хозяюшку этого дома, чтобъ умилостивились надъ подорожными людьми, приняли бы на ночлегъ, мы изъ далека съ большимъ кружкомъ пришли: девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять слѣпыхъ. Девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять хромыхъ. Девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять голыхъ. Девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять молодыхъ молодцевъ. Прошу чтобы было слѣпымъ свѣтло, хромымъ ближе, голымъ тепло, а молодымъ молодцамъ по молодой девушкѣ, а мнѣ самому хотя бы и старую бабу.

Родители невѣсты, выслушавъ рѣчь, просятъ гостей въ комнату. Всѣ входятъ и садятся противъ дѣвицъ. Сватъ подходитъ къ музыкантамъ, платитъ имъ деньги, что дѣлаютъ и тѣ которые желаютъ принять участіе въ танцахъ. Музыканты начинаютъ играть. Каждый мущина выходитъ сперва на середину и раскланивается, потомъ подходитъ къ дѣвицѣ, противъ которой онъ сидѣлъ и приглашаетъ ее на танцы; прочіе слѣдуютъ его примѣру. Народные жмудскіе танцы: прусасъ, англезасъ, тапоръ, ласточка и битва.

Танцы продолжаются цѣлую ночь до выѣзда въ костелъ. Я не упоминаю здѣсь объ угощеніи, оно продолжается всю ночь, пиво, главный предметъ угощенія, пьютъ безъ конца.

Утромъ, передъ выѣздомъ въ костелъ, всѣ садятся вокругъ стола, а невѣсту садятъ за особенный маленкій столъ, на которомъ приготовлено: соль, пирогъ и стаканъ пива; братъ жениха подноситъ ей рутовый вѣнецъ, сплетенный сестрами жениха, приговаривая:

«Я человѣкъ тихій и очень покорный, прошу послушать, что хочу сказать. Спасибо родной матушкѣ, родимому ба-

тюшкѣ, что вскормила меня. Спасибо Господу Богу за веселое житье на этомъ свѣтѣ. Спасибо и сватенькамъ, которыя за столомъ сидѣли и бѣлыми головками (дѣвушекъ) управляли и что оказывали большія ласки и смиловались ко всему собранію. Спасибо и льнянымъ скатереткамъ (ниточкамъ) и чисто покрытымъ столомъ. За подмасливанье спасибо пану свату, который цѣлыхъ три недѣли ѣздилъ и различныя рѣчи слышалъ: худыя онъ выбрасывалъ, слова добрыя въ одно мѣсто складывалъ. Спасибо братьямъ и сестрамъ, что меня въ эту бесѣду попросили, благодарю и тѣхъ сестрицъ, которыя рано вставали и руточки рвали, ихъ отъ жары поливали, отъ мороза прикрывали. Кто же спасибо скажетъ мнѣ молодому молодцу? Я ранёнько всталъ, по черной грязи бродилъ, чрезъ болота я ѣздилъ, нигдѣ вѣнца не замаралъ. Черезъ поля я несъ его, по сильному вѣтру я берегъ его и во гислковый платочекъ завернулъ, чтобы вѣтерокъ не обдулъ бы его и не увялъ бы тотъ вѣнецъ. Я несъ его черезъ пни и болота; я пни вырывалъ, я болота засыпалъ, вѣнецъ я вынесъ не запачкавъ. Попадалъ я на холмы кустарникомъ порослые и въ густые лѣса. Зеленые деревья я разметалъ, сухіе выломалъ. Когда лѣсъ трещалъ, я весь дрожалъ, чтобы не зацѣпить бы мнѣ вѣнца, не порвать бы мнѣ его. Не зацѣпила его ни одна вѣтка, не упалъ ни одинъ лепестокъ, я доѣхалъ до двора и отворяя ворота я весъ дрожалъ, не порвать бы мнѣ вѣнца. Всѣ пѣли и плясали, ни одинъ не ожидалъ меня, вѣдь я не богачь какой, ни съ золотомъ, ни съ серебромъ пріѣхалъ, только съ рутовымъ вѣнцомъ. Я присланъ съ рутовымъ вѣнцомъ отъ молодаго молодца къ молодой дѣвицѣ. Прошу примите, не слущайтесь, вѣнецъ этотъ снимите, другаго не ищите. Прошу тебя дѣвица не смѣяться на до мною, а поблагодарить меня за вѣнецъ».

Вѣнецъ принимаетъ одна изъ сестеръ невѣсты. Между тѣмъ невѣста даетъ брату жениха въ подарокъ полотна на рубашку, приговаривая: «Рано я ложилась, поздно я вставала; толсто пряла, рѣдко ткала, прошу не гневаться, но принять этотъ подарокъ». Братъ отвѣчаетъ: «Благодарю очень покорно, ты рано вставала, поздно ложилась, тонко пряла, густо ткала.

Послѣ того женихъ беретъ невѣсту за руку, выходитъ

съ нею на середину, оба становятся на колѣни и просятъ родителей и всѣхъ гостей благословить ихъ на новую жизнь. Между тѣмъ лошади уже стоятъ у крыльца, украшенные цвѣтами, увѣшанные колокольчиками.

Таинство бракосочетанія совершается всегда въ томъ приходѣ, въ которомъ живетъ невѣста. По пріѣздѣ въ костелъ, женихъ и невѣста молятся сперва Богу, потомъ подходятъ къ рѣшеткѣ (кратялямсъ) *).

Ксендзъ приступаетъ къ таинству. Если же брачущіеся богаты, то, для совершенія таинства, приготовляется столикъ, украшенный цвѣтами и свѣчами.

Послѣ бракосочетанія, если костелъ далеко отъ мѣстожительства невѣсты, то все собраніе гуляетъ до вечера въ мѣстечкѣ или деревнѣ, словомъ тамъ, гдѣ находится костелъ. Вечеромъ всѣ возвращаются домой. Родители невѣсты встрѣчаютъ молодую пару хлѣбомъ, солью и стаканомъ пива. Танцуютъ до глубокой ночи. Передъ отходомъ ко сну, начинается обрядъ, такъ называемый Ачявимасъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: наряжаются двѣ старыя бабы, выпивъ предъ этимъ водочки, берутъ подносъ и съ нимъ подходятъ къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ невѣсты, прося что нибудь подарить имъ, подходятъ онѣ къ каждому приговаривая: къ матери: «Добрый вечеръ матушка, добрый вечеръ! Слышу (знаю) что твоя доченька разумна; но къ приданному сундуку крышки не хватило, пальцамъ колецъ не достало. Слышу, что ты матушка очень богата, триста становъ къ рубахамъ имѣешь; дай, дай матушка, не задерживай, въ чужой сторонушкѣ ночевать не будемъ»; къ отцу: «добрый вечерь батюшка, добрый вечерь! Слышу твоя доченька разумна, къ приданному сундуку крышки не достало, пальцамъ колецъ не хватило. Дай, дай батюшка не скупись! Знаю, что ты батюшка, очень богатъ, тремя сохами орешь, шестью боронами боронуешь»; къ брату: «добрый вечерь братецъ, добрый вечерь! слышу, что твоя сестрица разумна, но къ приданному сундуку крышки не хватило, пальцамъ колецъ не достало. Дай, дай братецъ, не скупись, слышу ты братецъ, очень богатъ, въ пять, въ шесть лошадей ѣдешь;

*) Жениха подводятъ двѣ изъ паредкинякисъ, невѣсту—два дружка.

многаго хочу, не малаго прошу, двѣ, три сотни въ самую мѣру; «къ сестрѣ: «добрый вечеръ сестрица, добрый вечеръ! слышу, что твоя сестрица разумна, но къ приданому сундуку крышки не хватило, пальцамъ колецъ не достало, дай, дай сестрица, не скупись! родные сестрицѣ подарокъ отдай; не медли сестрица, не медли. Слышу ты сестрица очень богата, двумя, тремя кроснами полотно ткешь».

Затѣмъ провожаютъ молодыхъ съ музыкою въ назначенное мѣсто для ночлега; обрядъ этотъ называется гульдитуви т. е. (класть молодыхъ спать), свахи, если онѣ недалеко живутъ отъ дома невѣсты, отправляются во свояси.

На слѣдующее утро (кялтуви), проводятъ отъ амбара *) къ жилому дому соломенную веревку; запрягаютъ шесть лошадей, всю упражь завертываютъ въ солому, кучера перевязываютъ также съ ногъ до головы разнообразными соломенными лентами. Устроивъ, такимъ образомъ, маскарадъ, ѣдутъ за свахами. По пріѣздѣ свахъ, идутъ съ музыкою къ молодымъ, тамъ торжественно снимаютъ вѣнецъ съ головы невѣсты и надѣваютъ павойникъ. Молодыхъ приводятъ въ жилой домъ, начинаются танцы; во время которыхъ вѣшаютъ чучело подъ именемъ свата, какъ виновника свадьбы.

Въ этотъ день дается обѣдъ, такъ называемый: «марчіосъ питусъ» т. е. обѣдъ невѣсты; сама невѣста приготовляетъ его, и, во время обѣда, сама прислуживаетъ гостямъ. Послѣ обѣда опять начинаются танцы и продолжаются до глубокой ночи. На слѣдующій день, въ четвергъ невѣсту провожаютъ въ домъ жениха, забирая и приданое ея. Одинъ изъ братьевъ жениха получаетъ названіе: «Крейтвежилъ» и его обязываютъ доставить въ домъ родителей жениха приданое. Когда приданое укладывается въ повозки, братья жениха, что попало подъ руки все тащутъ. Когда выносятъ приданое изъ амбара, мать невѣсты не выпускаетъ ихъ, пока не заплатятъ ей за увозимое. За нѣсколько копѣекъ все приданое безпрепятственно выносится изъ амбара.

Вмѣстѣ съ молодыми ѣдетъ почти все собраніе въ домъ жениха; родители жениха встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ,

*) Мѣстомъ для отдыха преимущественно назначается амбаръ.

солью и стаканомъ пива, женихъ рекомендуетъ родителямъ свою жену, такъ какъ по обычаю родители жениха на свадьбѣ не бываютъ.

Опять начинаются танцы, угощеніе и продолжаются два дня, тѣмъ и заканчивается обрядъ жмудской свадьбы.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ГОЛОСЪ СЪ ЗАПАДА

о возсоединеніи съ восточною православно-католическою церковію *).

(Протестъ противъ папской церкви и воззваніе къ основанію каѳолическихъ народныхъ церквей).

Статья Овербека.

1) Основанная Спасителемъ нашимъ каѳолическая церковь имѣетъ назначеніе обнять всю землю. Ея православное ученіе съ самой первой Пятидесятницы, для ея основанія, постоянно распространялось и скоро обняло всю образованную часть міра. Востокъ и Западъ исповѣдовали ту же вѣру, молились при однихъ алтаряхъ, принимали одни таинства, однимъ словомъ—великая сильная связь соединяла христіанскій міръ.

2) Такъ и должно бы оставаться. Тогда мы не видали бы разныхъ сектъ и невѣрія, тогда не слыхали бы ничего о наукѣ враждебной вѣрѣ, ни о нехристіанскомъ государствѣ. Тогда не было бы раздвоенія въ смѣшанныхъ бракахъ, никакого раздѣленія въ семействѣ, никакого презрѣнія къ религіи и ея служителямъ. Тогда государство было бы другомъ церкви и священникъ преданнѣйшимъ гражданиномъ государства.

3) Это великое, славное каѳолическое единство церкви было преступнымъ образомъ нарушено. Честолюбіе и ненасытное властолюбіе Рима разорвало союзъ, основанный Богомъ. Еще со вре-

---

*) Заимствуемъ эту статью изъ книжки 1-й Прав. Обозрѣнія 1869 г.

менъ Виктора и Стефана папство обнаружило свои властолюбивыя притязанія, но твердое сопротивленіе восточной части каѳолической церкви съ успѣхомъ отклонило папскія притязанія. Новыя попытки провести такія притязанія каждый разъ оказывались тщетными, благодаря восточнымъ. Папы даже пользовались стесненными обстоятельствами Востока, чтобы навязать свои требованія, о которыхъ доселѣ не знала каѳолическая церковь. Но Востокъ остался вѣрнымъ блюстителемъ чистаго ученія и охотнѣе претерпѣлъ ненависть и угнетеніе отъ крестоносцевъ, чемъ согласился промѣнять вѣру своихъ отцевъ на папскія нововведенія. Хитрость, коварство и притѣсненія Рима не могли сломить вѣрности въ вѣрѣ и стойкости Востока, и Римъ почти за 800 лѣтъ назадъ отдѣлился отъ Востока, чтобы безпрепятственно властвовать по своей прихоти въ своемъ западномъ патріархатѣ.

4) Таковъ великій *римскій расколъ,* которымъ папа отдѣлился отъ каѳолической церкви, святой и неизмѣнной и до сего часа сохраняемой Востокомъ. Такъ какъ честолюбіе и властолюбіе были корнемъ папистическаго ослѣпленія, то этотъ корень породилъ вмѣстѣ съ расколомъ и ересь. Именно, для дальнѣйшаго развитія папской власти не доставало догматическаго основанія. Поэтому составленъ новый догматъ, что папа не только первый епископъ христіанскій, но по божественному праву есть видимая глава церкви и верховный намѣстникъ Христа. Это еретическое, неизвѣстное православно-каѳолической церкви, ученіе составляетъ фундаментъ нынѣшней римской церкви, а также источникъ всякаго спора и распри на западѣ между государствомъ и церковію. Рядомъ съ притязаніями папства не можетъ ужиться правительство. Противъ папства есть только два средства: надо или прямо нападать и разрушать его, или игнорировать его до процессу саморазложенія. Пусть римляне кричатъ,—этимъ своего дѣла они не поправятъ, ибо еще громче вопіютъ памятники ихъ плохаго хозяйства, которое долженъ видѣть каждый, кто не смыкаетъ злонамѣренно своихъ глазъ. Разстроенная Испанія не есть ли обѣтованная земля папской религіи? Не доведена ли Австрія до края погибели въ слѣдствіе державшихъ ее 13 лѣтъ папскихъ

объятій? Не римскіе ли священники и монахи неоднократно возмущали Польшу, доколѣ русскій императоръ не принялъ надлежащихъ средствъ, изгналъ заговорщиковъ и строго блюдетъ за ихъ церковію. Это слѣдовало бы сдѣлать и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ духовенство посмѣивается надъ законами страны, и показать, что надо прекратить римскія интриги или нанести справедливое наказаніе за оскорбленіе закона, не смотря на то, будетъ ли интриганъ высокій сановникъ или незначительный сельскій священникъ. Кто могъ бы указать хотя на одну страну, гдѣ папскія права (или лучше неправды) дѣйствовали бы во всей силѣ, и которая скоро не падала бы, и чѣмъ долѣе, тѣмъ глубжѣ, пока наконецъ она не открывала своихъ глазъ и не сбрасывала съ себя позорныхъ оковъ.

5) Эту схизматическую и еретическую церковь, которая несправедливо приписываетъ себѣ и даже себѣ одной усвояетъ названіе „каѳолической," вы должны *оставить, немедленно оставить*, потому что далнѣйшее прибываніе въ ней увеличило бы ваше соучастіе въ ея растлѣніи и тиранніи и завлекло бы васъ въ разгромъ церковнаго зданія, ибо знаменія этого паденія увеличиваются ежедневно. Къ нимъ мы не причисляемъ извѣстныхъ враждебныхъ церкви движеній въ Италіи, коихъ корень есть невѣріе и безнравственность, хотя папская церковь оказалась безсильной помѣшать этому злу въ своихъ собственныхъ дѣтяхъ. Къ этимъ предзнаменованіямъ паденія римской церкви мы причисляемъ: 1) всеобщее отчужденіе всѣхъ серьезно и глубоко благочестивыхъ христіанъ, которые отъ глубины души ненавидятъ ультрамотанскія стремленія 2); неимовѣрное превозношеніе и поистинѣ непонятную притязателность папства, говорящаго языкомъ мірскаго владики, у ногъ котораго должны пресмыкаться цари и императоры, племена и народы.

6) Римская церковь учитъ, что папство есть основаніе каѳолической церкви и что она стоитъ и падетъ вмѣстѣ съ папствомъ. Ссылаются при этомъ на слова Спасителя: „ты Петръ и на семъ камнѣ создамъ Церковь Мою." (Матѳ. XVI, 18). Кто этотъ камень? Истинный православный членъ каѳолической цер-

кви скажетъ: „чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ обратиться къ св. отцамъ, свидѣтелямъ церковнаго преданія.“ Французскій богословъ Ляннуа обращался къ отцамъ и нашелъ, что только 17 подъ „камнемъ“ болѣе или менѣе разумѣютъ Петра, напротивъ 44 относили камень къ исповѣданной Симономъ вѣрѣ въ божество Христа. И такъ значительное большинство отцевъ учитъ съ православно-каѳолическою церковью. Значитъ, римлянинъ относится къ Библіи съ чисто протестантскимъ произволомъ, если онъ въ виду преобладающаго свидѣтельства отцевъ предпочитаетъ толкованіе незамѣтнаго меньшинства, потому только; что это толкованіе болѣе отвѣчаетъ его склонности и его системѣ. Если же въ одобренномъ папою переводѣ Библіи Алліоли, въ примѣчаніи къ Матѳ. XVI, 18, это мѣсто объясняется по римскому толкованію и къ сему прибавляется: „такъ учатъ всѣ св. отцы,“—это совершенно *ложь*. Такъ вѣрующіе воспитываются во лжи и заблужденіи, ибо они вѣрятъ словамъ своихъ учителей, не имѣя времени или способности ближе изслѣдовать истину такихъ положеній. Сколько искажено или измышлено различныхъ мѣстъ отеческихъ въ подкрѣпленіе ученій, о которыхъ ничего не знала истинная каѳолическая церковь! Прочитайте наприм. акты флорентійскаго собора, гдѣ греки открыли латинскія искаженія отцевъ. Прочитайте сто лѣтъ назадъ явившееся классическое твореніе Адама Зерникава о римскомъ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, и вы удивитесь, что римляне, для оправданія своего лжеученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *и Сына*, не постыдились поддѣлать 25 мѣстъ въ твореніяхъ греческихъ отцевъ и 43 у латинскихъ; эти поддѣлки Зерникавъ подробно представилъ, указывая въ тоже время на другія безчисленныя искаженія. *Въ продолженіи ста лѣтъ не нашлось ни одного римлянина, который бы сдѣлалъ попытку опровергнуть Зерникава.* Пытались отыскать такія поддѣлки и у грековъ, но при всемъ стараніи могли указать только на *одинъ* примѣръ, находящійся у Гардуина, и притомъ незначительный.

Обращаясь снова къ папству, мы укажемъ на другую нашу англійскую книгу подъ заглавіемъ: «Catholic orthodoxy» (Каѳолич-

ческое православіе), въ которой подробно (стр. 117—176) показали, что въ доникейскихъ временахъ не находится никакого слѣда папскаго главенства. Значитъ до четвертаго вѣка не было извѣстно то, что римлянинъ считаетъ *основаніемъ* церкви. Но и дальше, мы находимъ, что никейскій, халкидонскій и другіе соборы утверждаютъ римское первенство, какъ нѣчто опредѣляемое *церковными канонами*, а не какъ уже существующее слѣдствіе общеизвѣстнаго божественнаго установленія. Это—жалкая уловка Гефеле, Филипса и другихъ, утверждать, будто 6 канонъ перваго никейскаго собора и другіе сродные каноны позднѣйшихъ соборовъ имѣютъ въ виду патріаршее положеніе Рима, а не первенство папы; ибо если папа былъ богопоставленною главою церкви, то само собою разумѣется, что онъ, и какъ патріархъ, занималъ первое мѣсто. И если бы хотѣли сдѣлать такой ничего не говорящій канонъ, то *должно* бы обосновать его посредствомъ *божественнаго* установленія первенства. Но въ соборныхъ актахъ не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ того; напротивъ, 28 правило четвертаго собора въ Халкидонѣ (состоявшаго изъ 638 отцевъ) считаетъ «приличнымъ дать первенство Риму, *потому* что это царствующій *древній* градъ». Такъ дѣло оставалось до великой римской схизмы.

Церковное первенство папы, т. е. преимущество перваго епископа, никогда не отрицалось каѳолическою церковію; и если бы папа отрекся отъ своей схизмы и ереси и возвратился къ каѳолической церкви, то православная церковь тотчасъ же уступила бы ему снова его возвышенное положеніе. До тѣхъ же поръ (говоритъ Пидаліонъ или Кормчая), «вторый по чину, т. е. патріархъ константинопольскій, занимаетъ первенство въ церкви». *Божественное* же главенство, которое составляетъ собою сущность нынѣшняго папства, есть ересь,—осуждаемая каѳолическою церковію.

Пій IX, въ началѣ своего папскаго правленія, сдѣлалъ воззваніе къ православнымъ епископамъ, соединиться съ римскою церковію. Вселенскіе патріархи отправили ему въ отвѣтъ окружное посланіе, въ которомъ они обличили римскую схизму и лже-

ученія и изрекли анаѳему на схизматическаго папу, если онъ не возвратится къ истинной каѳолической церкви. Пій выслушалъ увѣщаніе, но не послѣдовалъ ему. Вскорѣ послѣ того онъ убѣжалъ изъ своей земли. Опираясь на чужіе штыки, онъ воротился домой, но вскорѣ потомъ потерялъ свои лучшія провинціи, а «старшій сынъ церкви» спокойно смотрѣлъ на это, и не тронулся съ мѣста. Въ этомъ жалкомъ положеніи, папа искалъ утѣшенія въ новомъ догматѣ, который, безъ всякаго вселенскаго собора, только имъ однимъ былъ сочиненъ и провозглашенъ. Но само небо, казалось, здѣсь возстало, и новый и невомодный догматъ, вмѣсто того, чтобы прославить папство, потребовалъ отъ него печальной жертвы. Церковныя сокровища Италіи были отобраны государствомъ; далѣе «апостолическое величество» вырвалось изъ папскихъ объятій, а теперь и Изабелла, вѣрнѣйшая союзница Пія, устранена отъ престола. Но не смотря на всѣ эти тяжкіе удары, Пій усердно старается получить еще новые удары, ибо онъ, схизматическій епископъ, обращается къ вѣрнымъ сынамъ православно-каѳолической церкви, приглашая ихъ на свой лжевселенскій соборъ. Откуда же схизматикъ имѣетъ право сзывать вселенскій соборъ и православныхъ отторгать отъ ихъ древней, истинной вѣры? Истинно, папская притязательность не знаетъ никакихъ предѣловъ. Или папа думаетъ, что такъ какъ папство потеряло все свое положеніе на западѣ, изгоняемое государствомъ или почтительно имъ игнорируемое, то будущее его на востокѣ? Да, тамъ, гдѣ папство, его вліяніе и его плоды знаютъ по опыту и изъ непосредственнаго соприкосновенія съ нимъ, во что бы то ни стало стараются отдѣлаться отъ него. Гдѣ свободнѣе и дальше папство могло оказывать свое вліяніе и показать, что оно есть дѣйствительно, какъ не въ Италіи! Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій тамъ поколѣнія были воспитаны, обучены и образованы папствомъ. И вотъ теперь вдругъ Италія—безбожный врагъ папства. Тысячи бѣгутъ теперь ко врагу религіи — къ Гарибальди! Такое дѣло не бываетъ за одну ночь. Кто же тутъ виноватъ? Если бы папство внушало и воспитывало ту глубокую религіозность, которая объемлетъ и преобразуетъ всего человѣка,

то волны враждебныхъ религіи нововведеній пронеслись бы надъ страною, не проникая въ самую почву. Но тутъ самая почва, почва, пораженная проклятіемъ изъ-за схизматическаго папства, породила невѣріе, суевріе и всякое равнодушіе къ вѣрѣ,—эти естественные плоды схизмы и ереси. И знаменательно, что именно римскіе народы съ найбольшимъ успѣхомъ и работаютъ надъ разрушеніемъ папства. Да, мы видимъ здѣсь ту разрушающую и силу, которая присуща всякому злу, и слѣдовательно и папству. Доброе что дѣлаетъ римская церковь, совершается *не посредствомъ* папства, но *помимо* папства. Кто живетъ благочестиво свъ римской церкви, тотъ пожинаетъ плодъ каѳолической истины поколику папство еще не уничтожило или не исказило ея. Мы, вѣримъ, что милліоны римскихъ каѳоликовъ питаются истиннымъ каѳолическимъ зерномъ, которое все еще находится въ ихъ церкви, и virtualiter принадлежитъ къ православной церкви, потому что папство пристало къ нимъ только внѣшнимъ образомъ, и потому что, въ силу привычки и невѣденія (ignorantia invincibilis) они не могутъ сами подняться надъ нимъ, если чья-либо рука не поведетъ ихъ къ истинѣ. Къ нимъ-то мы обращаемся и говоримъ: *оставьте* схизматическую и еретическую римскую церковь и возвратитесь въ домъ каѳолической церкви, въ древнюю, досточтимую, не измѣнившуюся и неизмѣнную каѳолическую церковь, которая въ первое тысящелѣтіе обнимала весь міръ.

7) Оставьте римскую церковь,—оставьте теперь же! „Но (скажете вы) куда намъ идти? Мы не можемъ стать протестантами, потому что они ниспровергли каѳолическое основаніе непогрѣшимой церкви, и бросаютъ въ христіанскій міръ разнотолкуемую Библію, какъ яблоко раздора. Еще менѣе можемъ мы сдѣлаться вольными церковниками (Frikir hler), которые отрицаютъ въ самомъ корнѣ всякое христіанство, даже всякую религію.“

„Куда же намъ идти?“ Вы должны возвратиться къ церкви св. Кипріана, Амвросія, Августутина, Іеронима, Льва, Григорія Великаго. Вы должны возвратиться *къ западной каѳолической церкви,* какъ она была тогда, когда вмѣстѣ съ восточною каѳолическою церквію исповѣдывала одно и тоже православное

ученіе и составляла *единую каѳолическую церковь*, которую основалъ нашъ Спаситель, которую столь доблестно защищалъ великій Фотій отъ папскихъ притязаній и въ которой такъ преступно произвелъ разрывъ папа Николай первый. Этотъ именно папа—основалъ свое безусловное папское главенство надъ всею церковію на лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ, подложность которыхъ извѣстна всему міру и признается даже закоренѣлыми папистами. Вотъ начало *новаго, каѳолическаго папства,* отвергаемаго православною церковію. Древнѣйшіе папы не знали такого папства. Папа былъ канонически первымъ между епископами, также, какъ патріархъ константинопольскій канонически былъ вторымъ по чину. Но папа былъ только первымъ братомъ между многими братьями. Если бы святые папы Левъ и Григорій Великій возвратились сюда къ намъ, то они не обратились бы къ Риму, они признали бы Пія IX за отщепенца, а патріарха константинопольскаго Григорія привѣтствовали бы какъ брата.

8) „Но гдѣ же эта западная православно-каѳолическая церковь, къ которой принадлежали западные святые отцы и которая существовала до римскаго раскола?" Отвѣтъ: папы *уничтожили* ее, а наша обязанность *возстановить* ее. Къ сему то приглашаетъ васъ этотъ призывъ пашъ. Немедленно принимайтесь за дѣло и осуществите мысль! Поспѣшите сносить камни для возстановленія распавшагося святилища, и будемъ просить восточную православно-каѳолическую церковь, пребывшую вѣрною каѳолической истинѣ, принять насъ въ общеніе съ собою и помочь намъ въ возсозданіи нашей церкви. Мы принимаемъ все чистое православное ученіе и священные каноны семи вселенскихъ соборовъ и отвергаемъ всѣ лже-ученія и злоупотребленія, которыя отвергаетъ православная церковь. Вотъ наше основаніе. На этомъ основаніи *приметъ* и *должна* насъ принять въ свое общеніе православная церковь. Это первый и самый необходимый шагъ; ибо что мы можемъ начать безъ церкви и безъ таинствъ?

9) Наша западная православно-каѳолическая церковь будетъ имѣть характеръ, какой имѣла до раскола, слѣдовательно въ обычаяхъ и обрядахъ, молитвахъ и службахъ и т. д., которыя рим-

ская церковь въ чистотѣ сохранила отъ древности, не предприметъ никакихъ произвольныхъ перемѣнъ, дабы не утратился западный характеръ нашей церкви. Восточная православная церковь требуетъ отъ насъ только православія, а не отреченія отъ нашего внутренняго существа и характера. Мы не можемъ сдѣлаться восточными—также, такъ русскій не можетъ сдѣлаться французомъ, или французъ нѣмцемъ. Отъ начала своей церкви Провидѣніе Божіе имѣло въ виду равно существованіе Запада и Востока, и никакой человѣкъ не долженъ дерзать измѣнить дѣло Божіе. *Западная православная церковь имѣетъ полнѣйшее право и уважительнѣйшія основанія на свое существованіе, и восточная церковь не будетъ у ней оспаривать или отвергать это право.*

10) Хотя теперь, во внѣшнемъ своемъ явленіи, наша церковь будетъ мало отличаться отъ римской церкви, за то внутренній ея характеръ будетъ весьма отличенъ отъ нея, потому что:

1) мы отвергаемъ новѣйшее папство и все, что держится на немъ;

2) мы отвергаемъ ученіе объ индульгенціяхъ, какъ папское изобрѣтеніе;

3) мы отвергаемъ противное канонамъ принудительное безбрачіе духовныхъ и позволяемъ поступающимъ въ духовное званіе жениться прежде рукоположенія.

4) мы отвергаемъ чистилище, въ смыслѣ вещественнаго огня, хотя принимаемъ среднее состояніе по смерти, въ которомъ жившіе праведно, но еще не свободные отъ скверны грѣховной, пользуются благословеніемъ молитвъ и добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ за нихъ вѣрующими *).

*) Въ православномъ ученіи ничего не говорится о какомъ-либо среднемъ состояніи по смерти для душъ, не заслуживающихъ вполнѣ царствія Божія, но и не осуждаемыхъ на адскія мученія. Мы не знаемъ средняго между раемъ и адомъ, какъ не знаемъ средины между добромъ и зломъ, потому что намъ ничего не открыто о среднемъ состояніи въ Словѣ Божіемъ и несомнительномъ священномъ преданіи; намъ открыто напротивъ, что и праведныя души до сошествія Спасителя во адъ находились въ адѣ,

5) мы отвергаемъ употребленіе изваяній въ церкви и допускаемъ только иконы;

6) мы признаемъ крещеніе чрезъ троекратное погруженіе;

7) мы учимъ, что съ крещеніемъ непосредственно должно быть соединено муропомазаніе и что священникъ законно можетъ совершать это таинство;

8) мы учимъ, что и міряне не должны быть лишены чаши и

9) что для совершенія Евхаристіи долженъ употребляться квасный хлѣбъ;

10) мы признаемъ только одинъ бенедиктинскій орденъ, который существовалъ до раскола и имѣлъ истинно православно-каѳолическій характеръ;

11) мы не признемъ святыхъ, внесенныхъ въ римскій календарь послѣ раскола *).

въ какомъ состояніи—неизвѣстно. Мы вѣруемъ, что единая благодать Божія спасаетъ всѣхъ пріемлющихъ ее: тѣмъ не менѣе, безъ разсчета на взаимныя человѣческія услуги и заслуги, мы молимъ Бога за самихъ себя и за братьевъ нашихъ живыхъ и умершихъ,—потому что этого требуетъ не разсчетъ какой-либо, а самая духовная природа наша, обновленная благодатію Божіею. И мы вѣруемъ, что молитвы наши, совершаемыя въ духѣ общенія вѣры и любви, угодны Богу и дѣйственны, по силѣ той же единой благодати Божіей. Въ словахъ Овербека о среднемъ состояніи по смерти и о значеніи молитвы за умершихъ видны еще остатки грубыхъ каѳолическихъ понятій, которыя конечно будутъ оставлены такими людьми, какъ Овербекъ, когда они точнѣе узнаютъ несравненно болѣе возвышенное и глубокое православное ученіе объ этихъ предметахъ.

*) Будутъ ли присоединенные почитать тѣхъ святыхъ *православной* церкви, которые жили на востокѣ послѣ раздѣленія церквей? Безъ сомнѣнія, когда они признаютъ, что въ православной церкви духовная жизнь неизсякаемо пребывала и послѣ раздѣленія церквей до настоящаго времени, что святые, признанные православною церковью по своей жизни и заслугамъ для церкви, вполнѣ достойны высокаго почитанія на ряду со святыми древней церкви,—что напротивъ православная церковь не имѣла обыкновенія канонизовать святыми личностей подобныхъ Іосафату Кунцевичу или Петру Арбуэсу:—тогда они будутъ относиться съ благоговѣйнымъ почитаніемъ ко всѣмъ святымъ православной церкви по мѣрѣ, какъ будутъ узнавать ихъ;—требовать же того, чтобы они сразу

12) мы признаемъ законность національныхъ церквей (немецкой, французской, англійской, богемской, испанской, италіянской и т. д.), которыя независимы, но утверждаются на неизмѣнномъ православномъ основаніи и находятся въ признанномъ общеніи вѣры съ константинопольскимъ патріархомъ и другими вселенскими патріархами *);

13) мы учимъ, что богослуженіе должно быть совершаемо на языкѣ страны;

14) въ миссѣ (литургіи) должно отмѣнить возношеніе святыхъ Даровъ и поклоненіе имъ же по произнесеніи словъ установленія' потому что освященіе ихъ совершается только по призваніи Святаго Духа. Такъ какъ сіе призываніе Св. Духа (Friklesis) отсѣчено въ римскомъ служебникѣ, то мы можемъ восполнить его по мозарабскому служебнику, въ которомъ оно осталось въ православномъ видѣ;

15) мы отвергаемъ римское лжеученіе объ исхожденіи Святого Духа отъ Отца *и отъ Сына* (Filioque), и учимъ, что Онъ исходитъ *только отъ Отца;*

установили у себя службы всѣмъ святымъ почитаемымъ у насъ, и праздновали память ихъ, также, какъ она у насъ празднуется, невозможно. И въ помѣстныхъ православныхъ церквахъ не всѣ святые имѣютъ вездѣ одинаковую извѣстность. Наши русскіе святые не такъ извѣстны въ православныхъ восточныхъ церквахъ, какъ у насъ въ Россіи; и у насъ мало извѣстны новые сербскіе и греческіе святые. Для насъ въ началѣ дѣла существенно важно было бы то, что западные православные присоединившіеся къ церкви изъ среды католиковъ и протестантовъ признали бы самый догматъ о почитаніи святыхъ по разумѣнію православной церкви; Далѣе конечно изъ единства общепризнанныхъ началъ можетъ развиться согласіе и общеніе и во всѣхъ частныхъ фактахъ религіозной жизни.

*) Овербекъ конечно разумѣетъ здѣсь *не существующія неправославныя церкви* въ Германіи, Франціи, Англіи и Богеміи и другихъ мѣстахъ, но будущія православныя церкви, съ Божіею помощію, имѣющія основываться въ различныхъ западныхъ странахъ—каждая съ сохраненіемъ національнаго языка въ богослуженіи и вообще національнаго характера.

16) мы учимъ, что св. Причастіе должно преподаваться и младенцамъ;

17) мы учимъ, что таинство св. Елеосвященія не должно отлагать до конца жизни, но во всякой болѣзни оно можетъ быть принимаемо съ великою пользою;

18) ради удобства желательно, чтобы исповѣдь принимало брачное духовенство;

19) ученіе о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи мы не можемъ принимать за догматъ, потому что не находится для него основанія въ преданіи;

20) мы отвергаемъ всякое насиліе и тѣлесное наказаніе въ религіозныхъ дѣлахъ;

21) мы признаемъ православно-каѳолическую церковь, какъ *единственное и исключительное*, Самимъ Христомъ основанное учрежденіе для спасенія;

22) мы не одобряемъ смѣшанныхъ браковъ, и считаемъ необходимымъ условіемъ брака, чтобы *всѣ дѣти* воспитывались въ православной церкви:

23) церковь наша строго удерживается отъ всяко вмѣшательства въ политическія дѣла и покоряется отъ Бога установленной власти, памятуя слова Христовы: «царство Мое нѣсть отъ міра сего.» Вотъ главные отличительные пункты между нашею церковію и римскою. Желающихъ знать болѣе о дѣлѣ, именно о нашемъ отношеніи къ папизму (іезуитизму) и протестантизму, мы отсылаемъ къ нашему сочиненію: «Die orthodoxe katholische Anschauung, von Dr. S. S. Overbeck, 1865,“ и къ подобному, на англійскомъ языкѣ: «Catholic orhodoxy and anglocatholicism, by Dr. S. S. Overbeck,, London, 1866,» и наконецъ, къ издаваемому нами ежемѣсячному журналу «The orthodox Catholic Review,» коего первый годъ составляетъ отдѣльный томъ.

11) Послѣ предъидущихъ замѣчаній, мы обращаемся теперь къ практическому разрѣшенію нашего вопроса. Спрашивается: *какъ взяться за дѣло, чтобы въ кратчайшій срокъ осуществить возсозданіе западной православно-каѳолической церкви, съ благословенія на то восточной ея сестры?* Какъ можно ви-

дѣть изъ вышеуказанныхъ сочиненій, мы много размышляли объ этомъ дѣлѣ, разсматривали его со всѣхъ сторонъ, вели живой обмѣнъ мыслей съ Россіею и Греціею, и послѣ четырехлѣтняго, зрѣлаго и всесторонняго обсужденія, пришли къ убѣжденію, что единственный, практическій и правильный къ сему путь—высказать взгляды и желанія наши въ краткомъ прошеніи къ Святѣйшему Сѵноду русской церкви и просить его о принятіи насъ въ церковное общеніе на нашемъ несомнѣнно православномъ основаніи. Это прошеніе мы уже изготовили и за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ отправили въ русскомъ переводѣ въ Петербургъ, и въ греческомъ—ко вселенскому патріарху въ Константинополь. Англійскій же оригиналъ этого прошенія въ Лондонѣ (въ Bureau o the orthodox Calholic Review" 60, Paternoster, Row), для подписи желающихъ и уже насчитываетъ нѣсколько именъ. Прошеніе надо напечатать или налитографировать и подъ нимъ оставить мѣсто на 100 подписей. Когда составится 10 прошеній, и слѣдовательно 1000 подписей, то предлагаемъ ихъ прямо, или чрезъ наше посредство, въ Св. Сѵнодъ въ Петербургъ. Теперь объяснимъ почему мы избрали именно русскій Сѵнодъ, какъ духовную, власть для посредничества въ искомомъ нами единеніи. Россія самимъ Провидѣніемъ поставлена какъ бы связующимъ звеномъ между Востокомъ и Западомъ; посему она всего лучше можетъ и понять и оцѣнить наше дѣло, и естественно окажетъ самое теплое участіе къ нашему дѣлу. Слѣдовательно нашъ средній путь, чрезъ С.-Петербургъ въ Константинополь, будетъ короче, чѣмъ если бы мы обратились прямо въ Константинополь. Съ политикою наше дѣло не имѣетъ ни малѣйшей связи.

12) Мы помѣщаемъ здѣсь вѣрный буквальный переводъ англійскаго оригинала помянутаго прошенія, прося отпечатать или налитографировать его впереди подписныхъ листовъ, дабы не было никакого сомнѣнія, что каждый изъ подписчиковъ имѣетъ предъ глазами правильный текстъ. Англійскій оригиналъ прошенія напечатанъ въ „Orthodox Catolic Review" (vol. I. p. 192).

Прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ русской церкви.

«Нижеподписавшіеся покорнѣйше представляютъ св. правительствующему сѵноду слѣдующую усильную свою просьбу.

«Поелику мы пришли къ твердому убѣжденію, что чистая вѣра и православное церковное управленіе сохранено только восточною вѣтвію каѳолической церкви, а западная отрасль ея вдалась въ нововведенія въ ученіи и въ противныя канонамъ злоупотребленія и впала въ ересь и въ расколъ, то мы чувствуемъ нужду просить о соединеніи съ восточною церковію, которая изначала постоянно пребывала чистою и истинно каѳолическою.

«Мы принимаемъ догматы и каноны, опредѣленные и установленные семью вселенскими соборами, какъ ихъ принимаетъ восточная церковь, и въ тоже время отвергаемъ не только ученіе о главенствѣ папы, но и всѣ папскія измѣненія въ каѳолической вѣрѣ и церковномъ устройствѣ, противныя пребыванію и твердости вселенскаго православія.

«Но хотя въ настоящее время западная церковь не истинная каѳолическая церковь, будучи повреждена гибельными нововведеніями и грубыми злоупотребленіями, однако было время, когда Востокъ и Западъ, оба равно православные въ вѣрѣ и церковномъ устройствѣ, составляли великую каѳолическую церковь и признавали другъ друга за двѣ живыя вѣтви единаго Древа Жизни.

«Обѣ церкви исповѣдивали одну и ту же вѣру и имѣли одно и то же устройство. Это былъ божественный союзъ единства. Точно также обѣ церкви ревностно хранили свои особенности, какъ преданія незапамятнаго времени, какъ преданія, идущія отъ Апостоловъ—основателей церкви. Какъ сильна и вмѣстѣ благозаконна была эта ревность, мы видимъ это напр. въ спорѣ о праздновании Пасхи, который долгое время приводилъ церковь въ великое волненіе, но не разрушилъ союза единства.

«И такъ какъ единство не есть единообразіе, то мы обращаемся къ святой восточной церкви съ просьбою принять насъ въ свое церковное общеніе, не ставя намъ въ обязанность присоединиться съ симъ вмѣстѣ и къ восточному обряду, напротивъ по-

мочь намъ опять возстановить православную западную церковь и дать намъ священниковъ, которые бы совершали западную литургію (миссу) и таинства по обряду западному. Если Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ снизойдетъ на нашу просьбу, то мы поспѣшимъ представить ему нашу досточтимую западную литургію и прочія церковныя службы на его разсмотрѣніе и одобреніе.

«Мы западные и должны остаться западными; не напрасно Божіе Провидѣніе образовало истинную западную церковь (которую Святѣшій Сѵнодъ призывается возстановить своею братскою помощію и содѣйствіемъ),—сообразно съ западнымъ духомъ, и чрезъ то показало, что не желательно пересажденіе оной на чужую почву. Мы принадлежимъ къ церкви св. Кипріана, Амвросія, Августина, Іеронима, Льва, Григорія Великаго и проч. и ими также гордимся и остаемся имъ вѣрны, какъ наша восточная сестра гордится св. Аѳанасіемъ, Кирилломъ, Василіемъ, Златоустомъ, Григоріями и пр. и пребываетъ имъ вѣрною. Мы признаемъ высокое достоинство восточныхъ литургій и другихъ церковныхъ службъ также, какъ умѣемъ цѣнить и достоинство нашихъ собственныхъ, потому именно, что знаемъ, что каждая изъ нихъ есть наилучшая въ своей собственной области. Мы не желаемъ нашу литургію, наши службы и нашъ обрядъ навязывать восточной церкви, ибо есть вещи, которыя были бы чужды ея характеру и ея образу мыслей, потому что выросли не на почвѣ сей церкви. Такое же требованіе мы съ своей стороны обращаемъ къ нашей возлюбленной церкви восточной.

«Если намъ просто предложатъ, чтобы мы перешли къ восточной церкви и отреклись отъ нашихъ западныхъ притязаній, то мы должны поставить на видъ наше неизмѣнное право оставаться западными и указать на предлежащую обязанность восточной церкви или лучше честь—возстановить свою законную сестру во всѣхъ правахъ, которыя утратила она въ продолженіе болѣе восьми вѣковъ вслѣдствіе папскихъ захватовъ.

«Важный вопросъ, возбуждаемый настоящимъ прошеніемъ, касается не пріобрѣтенія нѣсколькихъ обращеній къ восточной церкви, но возстановленія западной православно-каѳолической церкви.

Эта церковь должна вырости отъ малыхъ начатковъ, изъ отдѣльныхъ лицъ. Но какъ скоро изволеніемъ восточной церкви совершится основаніе нашей западной православной церкви, то значительное число римскихъ католиковъ, въ настоящее время недовольныхъ и стонущихъ подъ тяжкимъ игомъ, но не знающихъ, куда имъ обратиться, несомнѣнно устремятся къ своей собственной возрожденной церкви.

«Соедненіе восточной и западной церкви—дѣло совершенно невозможное, потому что существующая папская западная церковь приняла за обязательный догматъ ученіе о главенствѣ папы и его божественной власти, какъ намѣстника Христова, ученіе, которое восточная церковь справедливо осуждаетъ какъ ересь.

«Поэтому всѣ попытки къ соединенію, исходившія отъ римской церкви, по необходимости были неудачны, ибо, если бы она отказалась отъ своего догмата о главенствѣ папы, то она провозгласила бы свое отпаденіе отъ непогрѣшимой церкви, свое еретичество, однимъ словомъ—несуществованіе свое, какъ каѳолической церкви. И такъ нѣтъ другаго пути достигнуть столь вождѣленной цѣли единенія церковнаго, какъ покинуть римскую церковь и основать западную присоединенную церкевь, состоящую въ общеніи съ восточною церковію.

«Нашъ Спаситель, молящійся о единствѣ своей церкви, молится и за насъ, искренно желающихъ вступить въ святую каѳолическую церковь. Но не только мы, но и многіе благомыслящіе западные, еще не знающіе о нашемъ начинаніи, просятъ вмѣстѣ съ нами Святѣйшій Правительствующій Сунодъ исполнить ихъ желаніе и возвратить западную церковь опять къ истинѣ, святости и каѳолическому православію. Аминь.

(Лит. Еп. Вѣд.)

ПРАВДА О ПАПСТВѢ.

Властолюбивыя стремленія римскихъ папъ оказались въ исторіи церкви очень рано. Они ярко просвѣчивались еще со временъ папы Виктора и папы Стефана (III в.), но крѣпкій

отпоръ со стороны восточной церкви мѣшалъ тогда имъ усиливаться. Съ отдѣленіемъ же западной церкви отъ восточной, папа, такъ сказать, впервые свободно и пріятно вздохнулъ на лонѣ своего іерархическаго абсолютизма; съ тѣхъ поръ стремленіямъ его честолюбія открытъ былъ полный просторъ; съ тѣхъ поръ, скажемъ словами Овербека, папа могъ въ своемъ собственномъ западномъ патріархатѣ безпрепятственно судить и рядить, и ходить въ похотяхъ своего сердца. Но для дальнѣйшаго, полнаго развитія папской власти недоставало *догматическаго* основанія; въ этихъ видахъ, римская курія не замедлила сочинить и новый догматъ, будто папа не только есть первый епископъ въ христіанской церкви, но и видимый глава церкви, верховный намѣстникъ Христовъ, и все это будто—въ силу Божескаго права. Для подтвержденія этого выдуманнаго римскою церковью, догмата, пущено было въ ходъ все: софизмы, систематическая уклончивость при встрѣчѣ съ дѣйствительными трудностями, напускное невѣдѣніе и искаженіе текстовъ, пропуски и неточности въ ссылкахъ и даже самая наглая ложь. Для оправданія послѣднихъ словъ, достаточно указать на подложныя лжеисидоровскія декреталіи, выпущенныя въ свѣтъ неразборчивою совѣстью папы Николая I, а также на дарственныя *фальшивыя* граматы, составляющія основаніе преимущественно свѣтской власти римскаго правителя. Цѣль римско-католической церкви, наконецъ, была достигнута: авторитетъ папы заступилъ мѣсто вселенской непогрѣшимости, и даже самый даръ непогрѣшимости, присвоенный папѣ, поставленъ внѣ всякаго на него вліянія со стороны нравственныхъ условій, такъ что и безнравственный Борджіа (въ папствѣ Сикстъ III), и Валтассаръ Косса (въ папствѣ Іоаннъ XXIII, впродолженіи цѣлой своей жизни обезчестившій, по свидѣтельству исторіи, болѣе двухсотъ женщинъ), и Сикстъ IV (содержавшій, какъ говорятъ, на свои средства публичный домъ) и Александръ VI (жившій въ преступныхъ связахъ съ извѣстною развратницею Лукреціею, которая говорятъ, приходилась ему дочерью, невѣсткой и женою) и такіе папы были тоже непогрѣшимы для римско-католической церкви....

Но вотъ, въ XI вѣкѣ, монахъ Гильдебрантъ, человѣкъ съ геніальнымъ умомъ, съ пламеннымъ рвеніемъ и необыкновен-

но крѣпкою силою воли,—человѣкъ, черпавшій исключительно въ монашеской жизни идеалъ всякой другой жизни, выступилъ на арену исторической дѣятельности съ *новою* доктриною, которая какъ нельзя болѣе пришлась по сердцу римской куріи. Мы разумѣемъ теорію Гильдебранта, извѣстнаго въ папствѣ подъ именемъ Григорія VII, о такъ называемой *универсальной теократіи* (universal theokratie), въ силу которой папа есть, будто бы, не только видимый намѣстникъ Христовъ, но и такой владыка, въ рукахъ котораго должна находиться всякая власть на землѣ и который самъ выше всякой земной власти. „Въ единствѣ папской теократіи, говорилъ Григорій VII, выше которой—одинъ только Богъ съ своимъ закономъ, должны сосредоточиваться *всѣ государства* (вотъ куда метитъ папизмъ!), какъ члены одного тѣла. Авторитетъ свѣтскихъ князей получаетъ свою санкцію только чрезъ духовную власть, только чрезъ папу, который есть посредникъ между ними и Богомъ. Папа есть ихъ рѣшительный судья и верховный ленный властитель, приговоръ котораго долженъ быть для нихъ безусловно обязательнымъ: свѣтская власть относится къ папству такъ, какъ луна къ солнцу, отъ котораго она заимствуетъ и свой свѣтъ, и свою теплоту“ и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что въ системѣ Григорія VII слышится голосъ духовнаго владыки—*деспота*, и его гордая доктрина вызвала справедливо негодованіе даже въ такомъ историкѣ, какъ Боссюэтъ. (XVII в.). Несмотря на это, идея Григорія VII была далеко не утопія и имѣла для себя въ свое время, твердую историческую основу: такой великій дѣятель, какъ Григорій VII, не могъ всецѣло и наобумъ отдаться безусловно фальшивой идеѣ, не могъ осуществленію ея посвятить цѣлую свою жизнь и вести изъ-за нея упорную и роковую борьбу съ гогенштауфенами. Его властолюбивыя притязанія, отчасти наслѣдованныя имъ уже по папскому преемству, были вызваны излишнимъ и незаконнымъ вмѣшательствомъ свѣтской власти въ дѣла церковныя; его презрѣніе къ свѣтской власти и тоже, въ свою очередь, незаконное посягательство на ея права объясняются состояніемъ тогдашней свѣтской власти, которая, по выраженію современнаго намъ западнаго историка—Лорана, была не болѣе, какъ „свирѣпая сила, одержимая самыми дурными страстями.“ Вырвать изъ рукъ

этой-то силы церковную власть и составляло завѣтную цѣль Григорія VII; не даромъ исторія, этотъ неподкупный свидѣтель истины, во многомъ оправдываетъ Григорія VII.

Но доктрина Григорія VII, имѣвшая нѣкоторыя историческія права только на временное существованіе и значеніе, съ жадностію подхвачена была римскими іерархами, взлелѣяна ими съ нѣжностью материнскаго чувства, и, потому такъ живо и крѣпко привилась къ цѣлому организму католицизма, что вырвать ее изъ его нѣдръ можетъ развѣ одно только всесокрушающее время, одинъ только неумолимый ходъ исторіи, одинъ только роковой для папства духъ времени, вѣяніе котораго, впрочемъ, осязательно уже чувствуется теперь.... Но какъ бы то ни было, папа все таки сдѣлался, послѣ раздѣленія церквей, для римско-католическаго міра какимъ-то волшебнымъ фокусомъ, въ которомъ, до реформаціи Лютера, магически сосредоточивались всѣ религіозно-нравственные и церковные интерессы западныхъ христіанъ. Это былъ какъ бы второй Христосъ, въ рукахъ котораго находилась нравственная жизнь и смерть всѣхъ вѣрныхъ сыновъ римско-католической церкви. Съ возвышеніемъ папской власти, въ сознаніи христіанскаго запада, естественно, постепенно возвышалось понятіе и о священствѣ вообще, такъ что, по мнѣнію католическаго богослова Биля, современника Лютеру, католическій священникъ стоитъ выше самой Богородицы, потому что она, говорилъ Биль, никогда не имѣла власти, въ совершеніи евхаристіи, creare, то есть, *творить* (?!) тѣло Христово. Недаромъ у Лютера, при чтеніи Биля, сердце обливалось кровью.

Такимъ образомъ, въ католичествѣ, прежде всего, сводилось все къ тому, чтобъ вездѣ выдвинуть напередъ интерессы папы и римскаго духовенства, чтобы за ними, и *только* за ними, удержать своего рода монополію въ дѣлѣ религіи. Правда, при этомъ властолюбивыя тенденціи католическихъ іерарховъ всегда прикрывались благовиднымъ именемъ *религіозно-церковныхъ интерессовъ:* но кто не знаетъ, что церковь состоитъ не изъ одного только папы и его клевретовъ, а изъ всѣхъ вообще вѣрующихъ, и что только всѣ они *вмѣстѣ* составляютъ одинъ живой и нравственный церковный организмъ?

Ложь, по своей природѣ, такова, что не можетъ долго стоять

на одномъ и томъ же пунктѣ: она непремѣнно развивается, если не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія. Такъ было и съ римско-католическою церковью, послѣ отпаденія ея отъ церкви вселенской. Однажды сдѣлавъ фальшивый шагъ и ставши на скользкую дорогу, она быстрыми шагами, все дальше и дальше пошла по пути своего заблужденія, такъ что, въ концѣ концовъ, утратила даже самую идею церкви, а вмѣстѣ и истинное понятіе о *сущности* и *духѣ* самаго христіанства, и все это, какъ мы увидимъ сейчасъ, самымъ печальнымъ образомъ отозвалось на практической, какъ религіозно-церковной, такъ даже и соціальной жизни западныхъ христіанъ. Духъ христіанской братской любви былъ совершенно вытѣсненъ изъ среды римскаго-католичества. Живая, истинно нравственная связь между членами его окончательно порвана. Западный христіанинъ-католикъ, нѣкогда членъ церкви, нѣкогда даже отвѣтственный участникъ въ ея рѣшеніяхъ, сдѣлался теперь *подданнымъ* церкви. Онъ и церковь перестали составлять одно цѣлое. Онъ сталъ внѣ ея, хоть и продолжалъ оставаться въ ея нѣдрахъ. Мѣсто закона нравственнаго и *живаго* заступилъ законъ *чисто внѣшній*, носящій на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній. Все богослуженіе стало для римско-католическихъ христіанъ чѣмъ-то внѣшнимъ. Малѣйшее уклоненіе отъ установленныхъ поклоновъ, крестнаго знаменія, тѣлодвиженія, даже опущеніе слова и буквы въ положенной молитвѣ—все это у католиковъ стало считаться смертными грѣхами, въ которыхъ потребуется отчотъ на страшномъ судѣ.... Во имя пресловутаго и мертвящаго „opus operatum,“ самыя таинства утратили для католика весь свой глубокій смыслъ; священное писаніе сдѣлалось для него какимъ-то оффиціальнымъ документомъ, и связь между нимъ и церковью получила характеръ болѣе внѣшній, чѣмъ внутренній. Привязавшись, подобно іудейству, къ одной церковной внѣшности, обрядности и мертвой буквѣ, католичество, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы приняло самую смерть въ свои нѣдра, и потому, одно только прираженіе къ нему убійственно дѣйствуетъ на другихъ. „Пусть укажутъ мнѣ хоть на одну какую нибудь страну, съ полнымъ убѣжденіемъ говоритъ Овербекъ, гдѣ папскія права (или лучше неправды) могли имѣть полную свою силу — страну, которая не склонилась бы

отъ него тотчасъ же къ паденію и не падала все больше и больше, все глубже и глубже, наконецъ, и которая, пришедъ въ себя, не свергла бы съ себя этихъ позорныхъ оковъ Рима.“ Папство всегда служило и нынѣ служитъ источникомъ всякихъ распрей и всякаго нестроенія на западѣ между государствомъ и церковью. „Не можетъ выйти ничего добраго тамъ» замѣчаетъ опять Овербекъ, гдѣ живетъ схизматическое папство съ его притязаніями и похотями. Растергающаяся теперь Испанія не есть ли обѣтованная земля папской религіи? Австрія не дошла ли теперь до края погибели отъ того, что впродолженіи столькихъ лѣтъ папа держалъ ее въ своихъ объятіяхъ? Не римскіе ли патеры и монахи постоянно мутили и возмущали Польшу?“

Вообще, пересматривая исторію латинской церкви, послѣ отпаденія ея отъ церкви греческой, замѣчаемъ, какъ мало въ ней собственно церковнаго и истиннаго христіанскаго элемента. Обиліе политическихъ агитацій, народныхъ движеній, распрей или союзовъ съ кабинетами, нѣсколько административныхъ распоряженій, много богатства, шума и блеска, но мало такихъ дѣйствій, которыя носили бы на себѣ печать жизни духовной, жизни церковной. Мѣсто истинно христіанской церкви заняло „царство отъ міра сего.“ Въ формѣ властительскихъ папскихъ опредѣленій развился своего рода раціонализмъ, который, скажемъ словами Хомякова, изобрѣлъ чистилище, чтобъ *по своему* объяснять молитвы за умершихъ, установилъ между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ, началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги, выдумалъ переводы съ одного человѣка на другаго, узаконилъ обмѣнъ мнимыхъ заслугъ и т. п., словомъ, перенесъ въ святилище вѣры полный механизмъ банкирскаго дома... Мало по малу, западная церковь привлекла къ своему суду дѣла мірскія; затѣмъ взялась за оружіе и стала снаряжать сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, а потомъ постоянныя арміи — рыцарскіе ордена, изобрѣла и учредила инквизицію—этотъ вѣчный стыдъ римской церкви; наконецъ, когда мечъ былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину іезуитовъ, которые, для достиженія своихъ цѣлей, освящали всѣ средства, какъ законныя, такъ и незаконныя.

Такимъ образомъ, возвышеніе личныхъ правъ папы и значенія римскаго духовенства, въ ущербъ личныхъ интерессовъ остальныхъ западныхъ христіанъ въ дѣлѣ разумнаго усвоенія ими религіи, незаконное присвоеніе себѣ римскимъ первосвященникомъ свѣтской власти, пріуроченіе всей христіанской религіи почти къ одной мертвой церковной внѣшности, внутреннее нравственное разъединеніе между членами католической церкви и, наконецъ, религіозный фанатизмъ, свойственный одному только исламизму и составляющій душу католической пропаганды—вотъ тѣ характерныя особенности, которыя сложились въ римской церкви въ послѣдніе восемь вѣковъ ея существованія! 1).

(Домаш. Бесѣда).

НАПРАВЛЕНІЕ НАРОДНЫХЪ И ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Галицкій корреспондентъ львовской газеты „Слово" пишетъ: „Странное наблюденіе сдѣлалъ я въ окрестныхъ селеніяхъ: гдѣ прежде находились такъ называемыя епархіальныя школы, и гдѣ священникъ былъ душею школы, тамъ народъ больше благоговѣйный и больше нравственный, въ церкви поетъ не одинъ дьячекъ, корчма по воскресеньямъ пуста, но за то полна церковь, народъ одѣтъ чище и больше уважаетъ святость какъ церкви, такъ и народности. Совершенно напротивъ — тамъ, гдѣ существуетъ школа „народная" въ новомъ вкусѣ; тамъ все дѣлается на оборотъ и все идетъ обратнымъ путемъ къ упадку. Причину этого корреспондентъ видитъ въ томъ, что въ школахъ послѣднаго рода орудуютъ поляки или въ качествѣ начальниковъ и попечителей школы, или же просто въ качествѣ учителей, изъ которыхъ иные доходятъ, по словамъ корреспондента, до того, что „въ удовольствіе надзирателю за школою ляху-ренегату учатъ, вмѣсто церковнаго пѣнія, въ соблазнъ цѣлой русской народности: „Boze coś Polske" и иныя польскія пѣсни;" за то часто въ такихъ школахъ нѣтъ ни одного воспитанника, „который бы могъ поступить въ выс-

---

1) Голосъ 1869 г. № 74.

шія учебныя заведенія.“ Вотъ какіе грустные плоды цивилизаторской дѣятельности поляковъ: невѣжество и развращеніе нравовъ. . . .

Подобная разность въ направленіи школъ церковныхъ и нѣкоторыхъ такъ называемыхъ народныхъ замѣчена отчасти и у насъ въ Россіи, 1) хотя въ нихъ и не допущено было участіе поляковъ и даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ поляковъ и вовсе нѣтъ. Значитъ причина этой разности не въ одномъ полонизмѣ.

Ред. Кіев. Епарх. Вѣд.

ЗАМѢТКА О ВИЗИТАХЪ, КАКЪ ХРАНИЛИЩАХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ И ДОКУМЕНТОВЪ.

(На память о митрополитѣ Іосифѣ).

Въ настоящее время, по распоряженію Св. Сѵнода, заводятся „церковныя приходскія лѣтописи“ для записи всего достопримѣчательнаго въ церковной жизни. Никто не станетъ оспаривать того, что подобныя лѣтописи нужнѣе и благовременнѣе для нашей епархіи, чѣмъ для какой либо другой. Но прежде, чѣмъ строить новую исторію, необходимо свести итоги прошлаго, изучить церковные архивы, гдѣ они цѣлы,—этимъ облегчится трудъ, не по силамъ для одного двухъ трехъ лицъ, покончатся счеты съ прошлымъ и мы, почтивши достойнымъ образомъ любимаго іерарха, начнемъ нувую жизнь въ совершенномъ единеніи со всею россійскою церковію подъ крыломъ достойнаго ея представителя.

Первое, что можетъ быть великимъ пособіемъ при изученіи внутренней жизни упіатовъ — это, *визиты* и преимущественно древнѣйшія: такъ какъ въ нихъ больше фактовъ изъ жизни духовенства и прихожанъ. Такія визиты, если онѣ не изчезли куда нибудь послѣ 1819 и 1820 г., должны хра-

---

1) Благодаря вѣрному и просвѣщенному взгляду на потребности народнаго образованія трехъ администрацій учебнаго округа, такого раздѣленія не существуетъ въ сѣверо-западной Россіи.

Ред. Вѣст. зап. Россіи.

ниться въ церквахъ: Трабской (1681 г.), Войской (1700 г.) Черніовской (1668 г.), въ Грицевицкой слуцк. благоч. 1666 г.), Голынской, Слонимск. благоч. (1681 г.), Миронимской (1696 г.), Дворжецкой (1681 г.), Вселюбской (1683 и 1684 г.), Сулятицкой (1681 г.), Мысской (1681 г.), Турейской Новогр. (1681 г.), Бѣльской Свято-Михайловской (1674 г.), и Райской (1647 г.) Изученіе этихъ и позднѣйшихъ визитъ, смѣю думать, дастъ въ результатѣ краснорѣчивыя цифры: сколько было православныхъ церквей въ нашей епархіи до введенія уніи, сколько сохранилось въ преданіи урочищъ въ родѣ церковища, поповища, поповаго луга, гдѣ на прежнихъ старыхъ погостахъ и церковищахъ красуются костелы, а если не костелы, то жидовскія хоромы!... Сколько прежде было каплицъ въ приходѣ и сколько теперь придворныхъ костеловъ... Въ какое время и отъ кого іезуиты, базиліане, доминиканы, кармелиты и другіе получали права collandi et praesentandi надъ сотнями уніятскихъ церквей и какъ эти колляторы патроны уничтожили остатки православія, вводили латинскіе обряды и наконецъ самыя церкви превращали въ костелы. Относительно вопроса о матеріальномъ обеспеченіи духовенства, визиты—едвали не единственный источникъ. Не отвѣчая на всѣ эти вопросы, укажу на тѣ документы, на которые есть указанія въ визитахъ, и о сбереженіи которыхъ документовъ нужно бы позаботиться.

Въ 9-ти церквахъ бывшей бѣлостокской области сохранились памятники, свидѣтельствующіе о существованіи этихъ церквей до уніи. Въ Мельницкой (Дрогич. уѣзда) сохранилась запись 1431 г. ктитора Алексѣя Кмиты; въ Пасынковской копія записи Сигизмунда 1561 г., въ Кленицкой 1588 г., въ Дубицкой привиллегія Сигизмунда 1553 г.; въ Клещелевской 1560 г.; въ Кнышинской 1556 г.; въ Чарнявской 1574 г.; въ Новодворской 1587 г. (Примѣч. Въ Мельницкомъ, Журобицкомъ, Жерчицкомъ и Дрогичинскомъ приходахъ, до послѣдняго времени т. е. до 1819 г. сохранялась десятина, скопами, какая десятина встрѣчается только въ Малороссіи; очень вѣроятно, что это—самый древній видъ десятины. Въ большей части упомянутыхъ церквей уцѣлѣли иконостасы и царскія врата). Въ визитахъ Брестскаго, Пружанскаго, Кобринскаго

и Гродненского уѣздовъ (1818 г.) находятся слѣд. свидѣтельства о древности церквей. Въ Шебринской церкви—подлинная фундушевая запись епископа Юрія Фальчевскаго 1518 г.; въ Тросцяницкой—подтвержденіе фундуша Александры Ходкевичъ, писанное по русски 1541 г. и подлинный документъ Константина Ходкевича, писанный тоже по русски 1570 года; въ Войской — экстрактъ изъ фундушевой записи 1592 года; въ Пужицкой подлинная запись Нарушевича 1554 г.; въ Каменецкой—ревизія Димитрія Сапѣги 1562 г. (примѣч. Этотъ документъ хранится и теперь при церкви); въ Пружанской Рождества Богородицы—экстрактъ изъ метрики вел. кн. Литовскаго фундушевой записи Ивана Семеновича, князя Кобринскаго, лѣта отъ сотворенія міра 6295, (очевидная ошибка, тѣмъ не менѣе древность его несомнѣнна; самый экстрактъ относится къ 1681 году, какъ это видно изъ визиты Дружиловицкой церкви), въ другой Пружанской — Преображенской церкви — подлинные листы и привиллегіи Сигизмунда 1570, 1583 и 1588 годовъ; и ревизія Дмитрія Сапѣги 1571 г.; въ Шерешевской церкви — фундушевая запись 1517 г. Ивана Абрамовича, войта Греческого—сгорѣла; въ Малецкой церкви—экстрактъ изъ книгъ Магдебургіи Пружанской фундушевой записи Александра Витовта, Литовскаго князя 1427 г.; въ Левковской—подлинная запись Масальского 1574 года; въ Оранчицкой—подлинная запись (1633 г.) фундуша, даннаго въ замѣнъ прежняго 1564 г.; въ Здзитовской—фундушевая запись 1502 г.; въ Дружиловицкой—видимусъ о размежеваніи грунтовъ 1555 г.; въ Волавельской — копія фундушевой записи 1570 г.; въ Глиненской—документъ 1555 г. о замѣнѣ церковной земли; въ Збирогской старый на русскомъ языкѣ документъ Ивана Гайки 1502 г. и Ядвиги Галковой 1572 г.—запись на діакона, дьяка и пономаря въ экстрактахъ); въ Здѣпцельской, Слонимской, Щорсовской — подлинная съ копіею 1536, фундушевая запись церкви Колчицкой 1545 г. и запись Хребтовича 1583 г., въ Лидской — копія фундушевой записи изъ метрики Литовской 2524 года; въ мало-Можейковской—копія размежеванія земли 1529 года; въ Зельжинской—копія фундушевой записи 1443 г. Семена Прохоровича Чаплица; въ Гудзевицкой и Сосновской тоже есть старые документы.

Въ церквахъ Гродненскаго уѣзда, если вѣрить визитамъ 1819 г., ни въ одной церкви не сохранилось памятниковъ 16 ст. Объ одной Радзивоновицкой ц. въ визитахъ сдѣлана замѣтка, что фундушъ этой церкви, какъ гласитъ преданіе, данъ въ 1518 года Кирдѣемъ. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи Ошмянскій уѣздъ и въ частности бывшія (въ 1784) Ошмянское и Долгинское благочинія. Въ 8 церквахъ этихъ благочиній должны бы храниться слѣдующіе документы. Въ Курженецкой церкви фундушевая запись 1355 года Василія Михайловича, князя Нинскаго, въ экстрактѣ; въ Ржецкой—запись 1520 г.; въ Долгиновской—копія подавчаго листа церкви Жизневской Макарія, митрополита Кіевскаго 1542 г., копія фундушевой записи церкви Жизневской Слуцкаго князя Дмитрія Юрьевича 1545 г., которою онъ завѣщалъ церкви службу съ людьми и напрестольное Евангеніе, — запись священнику двухъ крестьянъ съ землей, сдѣл. Слуцкимъ княземъ Юріемъ Юрьевичемъ 1546 г. и грамота Василія Юрьевича 1545 года; въ Вилейской — запись 1594 (четыре русскихъ, очень ветхихъ документовъ, замѣчается въ визитѣ 1784 г., отосланы въ 1740 года въ Виленскую консисторію); въ Свѣтлянской церкви—вѣчистое право Павла Мартиновича 1542 г.; въ Трабской—декреты королевскіе о замѣнѣ грунтовъ 1536, 1554 и 1570 г., листъ Ивана Ходкевича о дани медовой 1565 г. и копія листа Стефана Баторія къ Литовскому Подстолему Ивану Зеновичу о починкѣ Трабской Спасской церкви 1581 г.; въ Юрацисской—листъ Гаштольда къ намѣстнику Трабскему, чтобы грунты Парловскіе передалъ Юрацинской церкви 1547 г., мандатъ Сигизмунда Августа къ намѣстнику Трабскому о томъ, чтобы священнику не мѣшали собирать мыто и гвоздовое во время торговъ, 1566 года, кастеляна Брестскаго къ намѣстнику Трабскому о томъ же 1566 года и презента священнику 1574 года; въ Бѣницкой—копія листа Сигизмунда 1554 года къ Льву Ивановичу Росскому, копія листа Сигизмунда 1555 г. къ нему же о томъ, чтобы не дѣлать обидъ священнику при собираніи мыта и гвоздоваго во время торговъ,—копія листа Сигизмунда 1556 г. къ владѣльцу Марковскому Юрію Захарычу съ приказаніемъ дать священнику землю въ замѣнъ отнятой, и копія листа того же Сигизмунда 1558 г. къ Юрію

Записку съ приказаніемъ не препятствовать священнику брать мыто и гвоздовое, въ Гродзиловской — видимусъ изъ книгъ справъ вѣчистыхъ Ошмянскихъ подъ 1589 г. Подавчаго листа въ справѣ Гг. Ратовичей съ Рекутовичами и другими. Одинъ перечень, какъ видите, уже въ нѣкоторомъ отношеніи занимателенъ.

Н. М.

(Вил. Еп. Вѣд.)

ІЕЗУИТЫ И ПОЛЯКИ.

Въ послѣднее время, говорятъ, особенное засилье взяли въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ Австріи и Пруссіи іезуиты. Даже сама *Газета Народова* оплакиваетъ это какъ бѣдствіе. Іезуиты уже господствуютъ въ Краковѣ, говоритъ она, и при помощи аристократіи, которой они льстятъ, распространяютъ все болѣе и болѣе власть свою въ Галиціи. Въ великомъ герцогствѣ познанскомъ все высшее общество состоитъ изъ ихъ друзей. Стараніями іезуитовъ число монастырей возрастаетъ съ каждымъ днемъ, дары и пожертвованія получаются со всѣхъ сторонъ, и въ то время, когда дѣти покойныхъ эмигрантовъ умираютъ съ голода, деньги щедрою рукою тратятся на разныя религіозныя цѣли. Въ Познани устраиваются по утрамъ медитаціи, по вечерамъ реколекціи и разныя религіозныя собранія. Всюду іезуиты и тѣсно связанная съ ними ультрамонтская аристократія господствуютъ надъ народомъ при помощи духовенства и школъ, находящихся вполнѣ подъ ихъ вліяніемъ. Іезуиты очень хорошо понимаютъ положеніе дѣлъ и потому дѣйствуютъ съ большою смѣлостію. Аристократическія семейства, которымъ они доставляютъ разные папскіе ордена, отпущенія грѣховъ, благословенія и знаки отличія, служатъ имъ съ величайшею преданностію.

Іезуитамъ, по словамъ Allgemeine Zeitung, особенно покровительствуетъ въ Познани архіепископъ. Вообще католическая церковь, по словамъ той же газеты, одерживаетъ все болѣе и болѣе верхъ надъ евангелическою, которая, не пользуется большимъ значеніемъ.

(Мин. Губ. Вѣд.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ШЕДО-ФЕРРОТИ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ ЕГО КЪ ГРАФУ Д. А. ТОЛСТОМУ.

Читающей русской публикѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно имя Шедо-Ферроти. Съ нимъ еще недавно вела полемику одна почтенная московская газета. Это одинъ изъ тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые, живя за границею, время отъ времени издаютъ, въ поученіе русскому обществу и правительству, брошюры на французскомъ языкѣ: намъ неизвѣстны побужденія, по которымъ Шедо-Ферроти,—нашъ соотечественникъ, замѣтимъ,—предпочитаетъ плоды своихъ заграничныхъ думъ о благѣ Россіи препровождать въ Россію въ формѣ французскихъ брошюръ и книгъ. Можетъ быть, этотъ псевдонимный авторъ не такъ хорошо владѣетъ отечественнымъ языкомъ, какъ французскимъ (у насъ это случается сплошь и рядомъ!); можетъ быть, онъ назначаетъ свои произведенія для чтенія такимъ классамъ русскаго общества, которые читаютъ только французскія книги и не охотно берутся за русскія; можетъ быть, онъ намѣренно избѣгаетъ издавать свои соображенія и замѣчанія на русскомъ языкѣ, чтобы съ ними не познакомились русскіе люди, читающіе только русскія книги и не могущіе читать французскихъ. Во всякомъ случаѣ публицистическое сочиненіе, трактующее о Россіи и писанное для Россіи, когда оно пишется на французскомъ языкѣ, представляется намъ страннымъ и непонятнымъ явленіемъ. Другое дѣло, если бы публицистъ издалъ на французскомъ языкѣ сочиненіе, касающееся Россіи по какому нибудь международному вопросу.

Послѣднее произведеніе Шедо-Ферроти напечатано въ настоящемъ году въ Лейпцигѣ, и носитъ заглавіе: „Lettre sur l' instruction populaire en Russie, addressées à monsieur le comte D. Tolstoi, ministre de l'instruction publique.“ Всѣхъ писемъ пять, и переводъ ихъ напечатанъ въ майской книжкѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія.“ Общею темою разсужденій автора служитъ вопросъ о народномъ образованіи въ Россіи, о которомъ такъ много перьевъ притупили и наши внутренніе русскіе публицисты, и о которомъ самъ Шедо-Ферроти издаетъ уже второе произведеніе. Въ частности же французско-русскаго публициста занимаетъ проектъ снабженія *его* и нашего отечества достаточнымъ количествомъ народныхъ учителей. Объ

этомъ онъ трактовалъ два года назадъ въ книгѣ о „Нигилизмѣ въ Россіи,“ и въ письмахъ къ г. министру народнаго просвѣщенія рѣшился вновь повторить свои тогдашніе доводы и выводы. Объясненіе причинъ, почему онъ вновь, только въ сокращеніи, повторяетъ прежде высказанное, весьма поучительно, хотя и несовсѣмъ вѣрно. „Такъ какъ предложенныя мною мѣры къ устраненію недостатка въ народныхъ учителяхъ не были ни приняты, говоритъ въ первомъ своемъ письмѣ авторъ „Нигилизма въ Россіи,“ во вниманіе правительствомъ, ни подвергнуты обсужденію въ печати, то я невольно долженъ былъ спросить себя, что за причина этого невниманія и этого молчанія? То, что мои предположенія казались и еще кажутся мнѣ полезными и удобоисполнимыми, еще ничего не говоритъ въ ихъ пользу, такъ какъ они могли и не оправдаться на дѣлѣ; но это еще не объясняетъ того полнѣйшаго молчанія, которымъ они были встрѣчены въ Россіи. Какова бы ни была ихъ сущность, предлагаемыя мною мѣры были или хороши, или дурны; онѣ или имѣли практическое значеніе, или вовсе не попадали въ цѣль. Въ первомъ случаѣ почему министерство народнаго просвѣщенія ничего не одѣлало для осуществленія идеи, способной устранить недостатокъ въ народныхъ учителяхъ,—недостатокъ, подавляющее значеніе котораго оно не можетъ не сознавать? Во второмъ же случаѣ,—т. е. предполагая несостоятельность и пустоту моихъ предложеній,—какъ могло случиться, что тѣ изъ нашихъ газетъ, которыя дѣлаютъ мнѣ честь, обращая постоянно вниманіе на мои мнѣнія, и которыя съ 1864 г. и до настоящаго времени старались уничижать мои сочиненія,—какъ случилось, повторяю, что и онѣ не воспользовались этимъ случаемъ для доказательства своимъ читателямъ, что, кромѣ постоянной враждебности къ интерессамъ Россіи, мои сочиненія отличаются еще несообразностію и дѣтскою наивностію, такъ какъ въ нихъ я предлагаю мѣры недѣйствительныя и неудобоисполнимыя?“ Авторъ объясняетъ это невниманіе и правительства, и русской печати къ его книгѣ о „Нигилизмѣ въ Россіи“ тѣмъ, что она слишкомъ велика—въ одиннадцать главъ и въ 400 страницъ, и что потому ни у кого не хватило мужества дочитать ея аргументы до конца, и, придя къ тому убѣжденію, что ему болѣе посчастливится принести пользу отече-

ству, если онъ на нѣсколькихъ страницахъ излoжитъ мѣры къ устраненію недостатка въ народныхъ учителяхъ,—онъ излагаетъ ихъ въ видѣ короткихъ писемъ къ графу Д. А. Толстому.

Авторъ даже не подозрѣваетъ, что французскій языкъ, употребляемый имъ для передачи русскому обществу и правительству своихъ воззрѣній, можетъ мѣшать распространенію его идей. Мы очень рады, что его сочиненіе о „Нигилизмѣ въ Россіи“ наказано невниманіемъ русскаго общества и правительства,—рады уже потому, что оно написано, по непонятнымъ причинамъ, на французскомъ языкѣ, и если мы теперь обращаемъ вниманіе на его письма къ г. министру народнаго просвѣщенія, то потому только, что онѣ явились въ русскомъ переводѣ. Но есть еще другая, болѣе существенная, причина невниманія русской печати къ французскимъ поученіямъ Шедо-Ферроти. Авторъ, живя и размышляя о Россіи за границею, живетъ и размышляетъ внѣ животныхъ вліяній русскаго общественнаго мнѣнія; его мнѣнія, постоянно высказываемыя непогрѣшимымъ тономъ учителя, расходятся съ господствующими у насъ взглядами; онъ слишкомъ самоувѣренъ и не безъ обиднаго сожалѣнія, даже не безъ презрѣнія, относится къ русскому народу и къ усиліямъ нашего правительства и народа идти по пути прогресса, при чемъ, подобно остзейскимъ авторамъ, пишущимъ о Россіи въ нѣмецкихъ газетахъ, подвергаетъ сомнѣнію самый фактъ поступанія впередъ русской цивилизаціи. Вотъ какъ во второмъ письмѣ онъ судитъ о Россіи и ея послѣднихъ усиліяхъ къ своему обновленію:

„Разсматриваемый въ цѣломъ своемъ составѣ земледѣльческій классъ въ Россіи все еще остается на той же степени цивилизаціи, на которой находился во времена великихъ князей московскихъ, такъ какъ реформы Петра Великаго и его преемниковъ коснулись только высшихъ сословій... Нельзя не отдать чести усиліямъ, направленнымъ въ послѣднее время къ просвѣщенію низшихъ классовъ общества, и въ особенности добрымъ намѣреніямъ, лежавшимъ въ основаніи этихъ усилій; но не слѣдуетъ также скрывать отъ себя, что результаты вовсе не соотвѣтствуютъ тому, чего предполагалось достигнуть. Не слѣдуетъ забывать, что просвѣщеніе не есть еще цивилизація, и что человѣкъ, умѣющій читать, писать и считать, не можетъ

еще быть названъ цивилизованнымъ человѣкомъ. Цивилизація означаетъ побѣду мыслящаго существа надъ инстинктами животнаго, господство воли надъ страстями, или, въ примѣненіи къ цѣлой націи, она есть смягченіе нравовъ, исчезновеніе грубыхъ обычаевъ, нелѣпыхъ предразсудковъ, распространеніе, наконецъ, такихъ потребностей и наклонностей, удевлетвореніе которыхъ содѣйствуетъ матеріальному и нравственному благосостоянію общества. Съ этой точки зрѣнія, желая дать себѣ отчетъ, начинаетъ ли цивилизація распространяться среди русскаго народа, нужно поставить слѣдующій вопросъ: съ тѣхъ поръ, какъ сельскія и приходскія школы считаются тысячами въ офиціальныхъ отчетахъ, сталъ ли народъ менѣе грубымъ въ своихъ удовольствіяхъ, менѣе ли онъ предается пьянству, болѣе ли заботится о своемъ хозяйствѣ, точнѣе ли выполняетъ обязанности отца, мужа, гражданина? *Увы, никто не станетъ отрицать, что на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ наоборотъ.* Хотя, по тѣмъ же офиціальнымъ даннымъ, умѣющіе читать и писать считаются у насъ теперь сотнями тысячъ, однако, въ сущности *народъ нашъ сталъ теперь еще грубѣе, пьянствуетъ еще болѣе, работаетъ еще менѣе и еще съ меньшимъ уваженіемъ относится къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ своимъ, чѣмъ въ то время, когда никто еще и не помышлялъ о его просвѣщеніи."*

Подчеркнутыя нами слова показываютъ, что основное возрѣніе Шедо-Ферроти на современную Россію совершенно то же, какое проводятъ заграницею остзейскіе публицисты; они же выдаютъ нѣсколько и взглядъ автора на крестьянскую реформу и ея результаты,—взглядъ, похожій на тотъ, какого держатся двѣ извѣстныя петербургскія газеты. Мудрено ли, что подобнаго рода авторовъ перестаютъ въ Россіи читать и замѣчать,—что, конечно, тяжелѣе для нихъ всякой печатной ругани,—и что люди солидные бросаютъ ихъ книги и брошюры прежде, чѣмъ дочитаются до ихъ дѣйствительно дѣльныхъ (а таковыя есть и у Шедо-Ферроти!) замѣчаній. „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія," печатая переводъ писемъ автора, нашелъ нужнымъ сдѣлать подъ приведенною нами выдержкою подстрочную замѣтку о ложности показаній заграничнаго письмописца; редакція его говоритъ, что со времени освобожденія крестьянъ и соединеннаго съ нимъ увеличенія числа училищъ

прошло всего только 8 лѣтъ, періодъ слишкомъ короткій, чтобы могло произойдти какое либо существенное измѣненіе въ состояніи просвѣщенія и нравственности массы народа: народъ вовсе не сталъ ни безнравственнѣе, ни нерадивѣе, ни грубѣе прежняго; есть, напротивъ, факты. доказывающіе совершенно тому противное; стремленіе къ образованію повсюду возрастаетъ, и крестьяне жертвуютъ значительныя суммы на устройство школъ. По нашему мнѣнію, и эта, справедливая сама по себѣ, замѣтка журнала совершенно излишня: въ показаніяхъ автора писемъ важнѣе всего не ложность ихъ, которая очевидна и безъ указаній, а то скрытое побужденіе, которое заставляетъ его изворачивать дѣло и приравнивать современное состояніе простаго русскаго народа къ состоянію его во времена московскихъ князей. Подобныя тенденціозныя клеветы мы совѣтовали бы автору не только не печатать на русскомъ языкѣ, но не печатать и на французскомъ: ихъ безопаснѣе для репутаціи автора печатать на языкѣ чувашей.

Авторъ жалуется горько, что его книгу о „Нигилизмѣ въ Россіи" въ Россіи не замѣтили, и наградили полнѣйшимъ невниманіемъ. По нашему мнѣнію, онъ заслужилъ вполнѣ такое невниманіе; съ нимъ прежде вели полемику, но она его не вразумила; теперь его бросили читать, и не читаютъ даже того, что онъ говоритъ резоннаго. А авторъ, котораго перестаютъ читать, долженъ бы перестать и писать.

(*Веч. Газ.*)

ПОФРАНЦИСКАНСКІЙ КОСТЕЛЪ ВЪ М. ИВЕНЦѢ.

(Обращенный нынѣ въ православную церковь).

Мѣстечко *Ивенецъ*, Минскаго уѣзда, лежитъ въ 60 верстахъ отъ самаго Минска, не въ дальнемъ разстояніи отъ границъ Виленской губерніи и служитъ значительнымъ торговымъ пунктомъ для всего окрестнаго населенія. Хотя большинство его жителей принадлежитъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію, но оно окружено православными приходами 1), и по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ

1) Приходы эти: Дорскій, Кіевецкій, Ойцеревскій и Тоновско-Слободской.

сюда стекается на торгъ множество православныхъ не только изъ этихъ окрестныхъ приходовъ, но даже изъ Виленской губерніи; несмотря на это, до самаго послѣдняго времени въ мѣстечкѣ не было ни одной православной церкви, тогда-какъ существовало два костела: одинъ приходскій 2), а другой въ по францисканскомъ монастырѣ, (построенномъ въ 1702 году Өедоромъ Антоновымъ Ваньковичемъ, стольникомъ и подстаростою воеводства Минскаго) 3). Это обстоятельство имѣло крайне-неблагопріятное вліяніе на православное населеніе какъ самаго мѣстечка, такъ и окрестныхъ приходовъ: стекаясь сюда, какъ сказано выше, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на торгъ православные, чтобы удовлетворить своему религіозному чувству, поставлены были въ необходимость отправляться на богослуженіе въ костолъ, вмѣстѣ съ католиками; той же необходимости подчинялись какъ квартирующія здѣсь, такъ и проходящія войска. Ксендзы отлично умѣли пользоваться для своихъ цѣлей, какъ этимъ обстоятельствомъ, такъ равно отдаленностью мѣстечка Ивенца и отъ г. Минска и отъ становой крартиры, т. е. отъ всякой возможности наблюденія за ихъ дѣйствіями со стороны администраціи и православнаго духовенства: они совращали православныхъ въ латинство не только по-одиночкѣ, но цѣлыми семействами, какъ видно изъ дѣлъ, производившихся въ православной духовной консисторіи 4). Мало этого, при содѣйствіи помѣщика Жедуховскаго, они даже завладѣли, въ близъ-лежащемъ селѣ Пральникахъ, православною часовнею (по здѣшнему—каплицею), которая уже по распоряженію правительства и только въ недавнее время возвращена православному духовенству 5).

Въ 1830 году монахи-францискане Ивенецкаго монасты-

---

2) Замѣчательно, что этотъ костелъ обращенъ алтаремъ на востокъ и въ немъ по настоящее время находится православная икона тихвинской Божіей Матери—ясныя признаки, что это бывшій православный храмъ.

3) Донесеніе минскаго исправника губернатору 5 декаб. 1866 г.

4) Донесеніе архіепископу Михаилу минскаго благочиннаго, священника Смолича 15 октября 1865 г. и августа 1866 года.

5) Тамъ-же.

-ры приняли участіе въ мятежѣ, вслѣдствіе чего правительство въ 1832 г. закрыло монастырь, а зданіе его передано въ военное вѣдомство, гдѣ оно и оставалось до 1838 года. Въ этомъ году, по увѣдомленію военнаго министра, что зданіе это неудобно для военныхъ учрежденій и вообще не нужно—оно передано вновь въ вѣдѣніе римско-католическаго духовенства, а находящійся тамъ костелъ зачисленъ филіальнымъ (т. е. приписнымъ). Такимъ образомъ костелъ по францисканскаго монастыря былъ закрытъ лишь въ теченіи шести лѣтъ, со времени своего основанія и до настоящаго года, когда онъ окончательно обращенъ въ православную церковь.

Но какъ же воспользовалось католическое духовенство милостію правительства, возвратившаго ему монастырь не смотря на открытое участіе въ мятежѣ монаховъ? А вотъ какъ: «Во время послѣдняго мятежа и даже еще передъ началомъ его, т. е. въ 1862 и 1863 годахъ въ Ивенецкомъ костелѣ постоянно пѣлись возмутительные гимны, что подтверждаетъ въ письменномъ отзывѣ своемъ къ становому приставу и самъ настоятель этого костела, ксендзъ Минялго» 6). Потомъ, въ сентябрѣ 1865 г. викарный ксендзъ Котовичъ, разъѣзжая по деревнямъ своего прихода, совращалъ крестьянъ, изъявившихъ добровольное желаніе присоединиться къ православію, порицалъ ихъ и вообще употреблялъ всякія средства, чтобы отвратить ихъ отъ намѣренія принять православіе. Это доказано было формальнымъ слѣдствіемъ, и ксендзъ Котовичъ, по рѣшенію г. главнаго начальника края, высланъ въ отдаленныя губерніи 7). Далѣе: когда ксендзъ Минялго, въ апрѣлѣ того же года, производилъ служеніе въ Старинской каплицѣ (въ 2 верстахъ отъ Ивенца) и совершалъ вокругъ нея торжественный крестный ходъ, въ каплицѣ въ это время пѣлись запрещенные гимны, что также доказано изслѣдованіемъ 8).

Наконецъ во время мятежа, съ вѣдома и дозволенія ксендзовъ, въ Ивенецкомъ костелѣ постоянно распѣвались возмутительные гиммны, къ чему подущались и крестьяне,

---

6) Донесеніе губернатору минскаго исправника 5 декаб. 1866 г.
7) Тамъ-же.
8) Тамъ-же.

которымъ обѣщали роздать и книжечки,—о чемъ въ Покуц-комъ волостномъ правленіи составленъ актъ 9).

Однимъ словомъ, какъ видятъ читатели, мѣстечко Ивенецъ было весьма удобнымъ притономъ для ксендзовско-польской пропаганды, имѣвшей возможность дѣйствовать здѣсь безъ надзора, а слѣдовательно и безъ стѣсненія.

Такой порядокъ дѣлъ не могъ конечно быть терпимъ ни русскою администраціею, ни православнымъ епархіальнымъ начальствомъ; и вотъ въ 1866 году поднятъ вопросъ о закрытіи одного изъ костеловъ въ м. Ивенцѣ и о возведеніи православной церкви для окрестныхъ православныхъ приходовъ въ возможно удобномъ пунктѣ. Сначала такимъ пунктомъ предполагалось село Ойценово (находящееся въ 9 верстахъ отъ Ивенца), гдѣ хотя и была православная церковь, но уже слишкомъ ветхая; такъ-что предполагали выстроить новую.

При этомъ надобно сказать, что несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, въ крестьянахъ-католикахъ, какъ м. Ивенца, такъ и его окрестностей, постоянно и живо сохранялось расположеніе къ православію: они открыто и громко заявляли, что если закроется костелъ въ Ивенцѣ и устроится православная церковь, то они охотно примутъ православіе и сольются въ одну русскую семью. А вотъ и фактъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о расположеніи къ православію ивенецкихъ крестьянъ-католиковъ: въ 1865 г., въ субботу передъ Свѣтлымъ Праздникомъ, они не хотѣли принять отъ ксендзовъ освященія своихъ пасхальныхъ хлѣбовъ, а пригласили для этого православнаго священника изъ Ойценова, т. е. изъ-за девяти верстнаго разстоянія.

Существованіе пофранцисканскаго Ивенецкаго костела представлялось тѣмъ болѣе не нужнымъ, что въ окрестностяхъ, на не весьма-значительномъ разстояніи было раскинуто 6-ть костеловъ: Каменскій, Першайскій, Волмянскій, Рубежевичскій, Раковскій и Деревнянскій. Разрѣшеніе на закрытіе Ивенецкаго костела послѣдовало въ декабрѣ 1868 г. что немедленно и было исполнено мѣстною администраціею. Вслѣдъ за тѣмъ явилась настоятельная необходимость къ

9) Донесеніе благочиннаго Смолича іюль 1866 года.

открытію новаго православнаго храма, такъ-какъ церковь въ Ойценовѣ пришла въ такую ветхость что могла угрожать опасностію и потому предстояла необходимостей прекратить въ ней совершенно богослуженіе. Тогда инициативою настоящей администраціи и настоящаго преосвященнаго было исходатайствовано разрѣшеніе: закрытый Ивенецкій костелъ обратить въ православную церковь, вмѣсто постройки новой церкви въ Ойценовѣ. Для этого представились весьма-уважительныя причины. Кромѣ практическихъ, или собственно хозяйственныхъ неудобствъ для поселенія причта въ Ойценовѣ или въ Пральникахъ (въ 4 верстахъ отъ Ойценова) имѣлись въ виду слѣдующія соображенія: на основаніи многолѣтняго опыта нельзя было ожидать, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ крестьяне собирались въ значительномъ количествѣ въ Ойценово, а тѣмъ болѣе въ Пральникахъ, такъ какъ въ эти дни они обыкновенно отправляются въ м. Ивенецъ на торгъ, или же въ волостное правленіе.

Тогда суммы, предназначенныя на устройство Ойценовской церкви, были обращены на передѣлку въ православную церковь но монастырскаго Ивенецкаго костела. Передѣлка эта окончена къ іюню нынѣшняго года и 15 числа того же мѣсяца — какъ мы уже извѣщали читателей — совершено освященіе новой церкви. *В. Р—нъ.*

(Мин. Губ. Вѣд.)

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ИЗЪ ПАПИЗМА КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

7-го ноября 1868 года, въ навечеріе праздника св. Архистратига Михаила, въ Введенской Оптинной пустыни присоединился къ св. восточной православной церкви дѣйст. стат. совѣтникъ Станиславъ Михаиловичъ Барановичъ и нареченъ Сергіемъ.

Рожденный и воспитанный въ римско-католическомъ исповѣданіи, онъ давно чувствовалъ какое-то тайное влеченіе къ церкви православной: часто бывалъ онъ въ русскихъ православныхъ храмахъ и всегда посѣщалъ ихъ охотно и молился въ нихъ усердно. Православное Богослуженіе, совершаемое на понятномъ ему языкѣ, говорило его сердцу

даже болѣе, нежели латинская служба; и когда онъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ есть нѣсколько римско-католическихъ церквей, не смотря на это, всегда ходилъ молиться въ православную церковь. Душевное его расположеніе или влеченіе къ православію поддерживалось и семейными отношеніями.

Но рѣшительное вліяніе на него имѣло слѣдующее обстоятельство. Какъ-то попадалась ему въ руки газета «Голосъ» (1866 г. № 295), въ которой, по поводу извѣстнаго объяснительнаго письма князя Любецкаго, по возвращеніи его въ лоно православной церкви, приведены слѣдующія замѣчательныя слова изъ Мин. вѣдомостей: «мы вправѣ ожидать прежде другимъ возврата въ лоно православія тѣхъ, предки которыхъ не только были русскими и православными, но занимали даже почетнѣйшія мѣста въ рядахъ нашего доблестнаго духовенства: были архіереями, настоятелями и настоятельницами православныхъ монастырей. Мы ждемъ васъ: Барановичи, Блотницкіе, Богомольцы... (слѣдують имена болѣе 40 фамилій)... и многіе другіе, которыхъ не называемъ, но которые тѣмъ неменѣе извѣстны, и имена которыхъ также встрѣчаются во многихъ историческихъ актахъ западной Россіи.»

Эти слова поразили С. М. Барановича. Въ приведенномъ здѣсь перечнѣ древле-русскихъ и древне-православныхъ родовъ первый названъ родъ Барановичей. Извѣстенъ по исторіи архіепископъ Лазарь Барановичъ, знаменитый ревнитель православія. Въ его дневникѣ, между прочимъ, выражена скорбь о переходѣ въ католичество двоюроднаго брата Юрія. Этотъ Юрій Барановичъ—предокъ дѣйст. стат. сов. Станислава М. Барановича. И потомокъ древле-православнаго рода откликнулся на этотъ вызовъ и благодаритъ Бога, что могъ теперь, сколько отъ него зависѣло, исправить ошибку этого своего предка,—т. е. возвратиться въ нѣдро церкви своихъ предковъ.

Отъ роду Барановичу 75 лѣтъ. Болѣе 50 лѣтъ находился онъ на русской службѣ; въ 1812 г. служилъ въ русской арміи и участвовалъ въ великой отечественной войнѣ; впослѣдствіи занималъ разныя должности и, между прочимъ, управлялъ, по Высочайшему повелѣнію, Калужскою губерніею. Теперь, достигши такихъ лѣтъ, когда всякая суета

мірская становится особенно тягостна, онъ рѣшился остатокъ дней своихъ провести въ безмолвіи и уединеніи, и съ этою мыслью поселился въ Оптинной пустыни. Здѣсь-то онъ рѣшился исполнить давнее свое желаніе,—принять православіе. Но прежде чѣмъ приступить къ сему, онъ нѣсколько разъ читалъ и перечитывалъ изданный Св. Сунодомъ «Чинъ, како пріимати къ православной вѣрѣ приходящихъ,» по которому имѣло совершиться и его присоединеніе къ церкви православной; внимательно просматривалъ и обдумывалъ всѣ вопросы, какіе предлагаются присоединяющимся,—и нашелъ, что все, содержащееся въ этомъ чинѣ, согласно съ истиною и съ собственными его убѣжденіями и чувствами; испытавши свое сердце, онъ нашелъ, что въ немъ нѣтъ сомнѣній касательно истины православнаго ученія. Тогда уже рѣшился онъ сдѣлать этотъ важный шагъ. Обрядъ присоединенія къ православной церкви совершенъ 7-го ноября 1868 г. въ Оптинной пустыни протоіереемъ г. Козельска о. Василіемъ.

Совершивши завѣтное свое желаніе, обрѣтши себѣ въ православіи душевное успокоеніе, Барановичъ въ жизни сей для себя болѣе ничего не ищетъ и не ожидаетъ: сердечно желаетъ одного, чтобы другіе, бывшіе его единовѣрцы, послѣдовали его примѣру, возвратились въ лоно православной церкви, отъ которой предки ихъ отпали, вслѣдствіе политическихъ видовъ и человѣческихъ разсчетовъ.

(Лит. Еп. Вѣд.)

О КОРРЕСПОНДЕНЦІИ СЪ КОНГРЕСОВКИ.

Напечатанная въ *Познанскомъ Дневникѣ* (№ 179), корреспонденція «z nadgranicy Kongresówki,» по отсутствію площадныхъ ругательствъ и по относительно приличному тону, допускаетъ возможность объясненій. Упомянувъ объ отношеніяхъ нашей газеты къ польскимъ притязаніямъ въ привислянской нашей провинціи, корреспондентъ заявляетъ: «пора бы ужъ русскимъ органамъ убѣдиться, что между нами (поляками) и Россіею ничего нѣтъ общаго, кромѣ отношенія невольника къ тирану. Въ Россіи существуетъ свобода прессы; тамъ могутъ явно и открыто заявлять о по-

требностяхъ страны, совершенствоваться образованіемъ, учить народъ и возвышать его нравственность. У насъ ничего этого нѣтъ. Почему же русскіе органы, такъ любящіе родственныя славянскія племена, не выступаютъ для защиты попираемой справедливости; почему они могуществомъ слова не добудутъ намъ свободы совѣсти (?), и кое-какихъ правъ гражданскихъ?» Отдавая всю справедливость лицедѣйному искусству, съ которымъ выражено столь чувствительное заявленіе, нельзя не признать, что оно внушено крайнею недобросовѣстностію. Оставляя на этотъ разъ свои обычныя площадныя ругательства, непрошенный адвокатъ за привислянскихъ поляковъ думаетъ принять русское общественное мнѣніе жалобными словами. Но вѣдь недалеко еще отодвинулась та эпоха, когда Царство Польское пользовалось, подъ сѣнію русскаго монарха, самыми широкими гражданскими правами, имѣя свое самостоятельное представительство, свободу печати, національное войско, словомъ—абсолютную автономію, какою не пользовались и не пользуются поляки ни въ Познани, ни въ Галиціи. Въ противоположность всему этому, мы, русскіе, не смѣли въ то время и помышлять о подобныхъ привилегіяхъ. Мы сами не нуждались ни въ какихъ адвокатахъ,—мы желали только, чтобы ни поляки и никто другой не препятствовали нашему мирному развитію. Соблюли ли справедливость въ отношеніи къ намъ наши ближайшіе соплеменники и удовольствовались ли своимъ вполнѣ счастливымъ положеніемъ? Нѣтъ, они выставили противъ насъ 1831—1832 годы, пролили нашу кровь и внесли разстройство въ наше экономическое благосостояніе. Когда на нихъ была наложена военная диктатура, они стали твердить, что 1831 годъ былъ роковою ошибкою, которая не должна ставиться въ преступленіе, и снова заговорили къ Россіи въ патетическомъ тонѣ. Въ отвѣтъ на это, русское великодушіе съ 1861 года опять пыталось удовлетворить поляковъ введеніемъ широкихъ вольностей, каковыхъ все еще не было въ коренной Россіи; но поляки не замедлили отблагодарить насъ 1863 годомъ съ его кровавыми бѣдствіями и финансовымъ разстройствомъ. А Россія, между тѣмъ, мирно шествуя по пути прогресса, въ настоящее время, дѣйствительно, опередила свою привислянскую окраину въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ.

Могутъ ли поляки, положа руку на сердце, винить за свою отсталость кого либо другаго, кромѣ самихъ себя? Горькій опытъ научилъ насъ, что единственное обезпеченіе нашего внутренняго спокойствія и единственное спасеніе для несчастной привислянской провинціи заключается въ вещественномъ и духовномъ объединеніи ея съ общимъ славяно-русскимъ отечествомъ. Одно внѣшнее слитіе, посредствомъ общихъ учрежденій, еще не служитъ ручательствомъ прочнаго успокоенія польскихъ страстей и еще не даетъ полякамъ права требовать себѣ тѣхъ вольностей, до которыхъ въ данную минуту доразвилась коренная Россія. Для этого нужно, чтобы поляки, безъ задней мысли, искренно и нераздѣльно слились съ нами духовно, посредствомъ обобщенія своихъ интересовъ съ нашими. Мы не призваны истолковывать намѣренія правительства, но по ходу исторической логики несокрушимо убѣждены, что только при указанныхъ условіяхъ поляки будутъ признаны достойными гражданскихъ правъ, и дѣйствительно воспользуются тогда тѣми вольностями, которыя существуютъ въ имперіи и о дарованіи которыхъ одинъ изъ адвокатовъ позволяетъ себѣ обращаться къ русскому общественному мнѣнію. Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить, что подобное истолкованіе полякамъ правъ и обязанностей прямо лежитъ на оффиціальномъ мѣстномъ органѣ, т. е. на польскомъ *Варшавскомъ Дневникѣ*, который лицемъ къ лицу поставленъ къ польскому населенію. Если бы онъ, вмѣсто механическаго перепечатыванія извѣстій изъ другихъ газетъ, изрѣдка обмолвливался къ своимъ читателямъ живымъ словомъ, то искупалъ бы хотя малую часть тѣхъ завтраковъ, какія дѣлаются на него изъ русскаго казначейства. Въ виду смѣлаго и безпристрастнаго отношенія къ польскимъ заблужденіямъ независимаго галицко-польскаго органа, какимъ является почтенный *Славянинъ*, пассивное существованіе польской газеты, издаваемой на русскія государственныя деньги, представляетъ совершенно ненормальное явленіе.

(Бирж. Вѣд.)

ГАЗЕТА ГАВАСЪ О МНИМОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ Р.-КАТОЛИЧЕСКИХЪ ДУХОВЕНСТВЪ.

Въ газетѣ „Nord“ пишутъ: «По поводу мнимыхъ преслѣдованій римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ считаемъ не безъинтересньмъ привести мнѣніе органа, который, конечно, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи, именно: «Корреспонденціи Гаваса». Газета эта указываетъ на то, что римско-католическая коллегія въ С.-Петербургѣ, авторитетъ которой отказываются признать нѣкоторые изъ польскихъ прелатовъ, заправляетъ уже съ начала нынѣшняго столѣтія дѣлами католическихъ епархій, расположенныхъ въ самой Россіи, и права римскихъ католиковъ этимъ ни мало не нарушаются. «Потому, продолжаетъ «Корреспонденція Гаваса,» ни римскій дворъ, ни католическіе епископы въ Россіи не протестовали противъ дѣятельности названной коллегіи. Польскіе же епископы начали агитировать противъ этой коллегіи, только тогда правительство рѣшилось подчинить ей чисто административному завѣдыванію польскія епархіи. Но почему же польскіе епископы недовольны тѣмъ, въ чемъ римско-католическіе епископы Россіи не видали съ самаго начала нынѣшняго столѣтія ни малѣйшаго нарушенія своихъ религіозныхъ правъ? Развѣ католическая коллегія учреждена въ Петербургѣ безъ разрѣшенія папы? Вовсе нѣтъ; напротивъ, конкордатъ, заключенный съ Римомъ въ 1847 г., не только подтверждалъ но даже расширялъ во многихъ отношеніяхъ сферу административной дѣятельности этой коллегіи. Слѣдовательно, агитація польскихъ епископовъ противъ петербургской коллегіи вызвана чисто свѣтскими, или, вѣрнѣе, чисто политическими соображеніями. По весьма понятной причинѣ высшее польское духовенство желаетъ устранить всякое вмѣшательство правительства въ свою дѣятельность, даже когда это вмѣшательство касается самыхъ простыхъ административныхъ мѣръ. Польскія газеты, сильно враждебныя русскому правительству, и тѣ вынуждены были сознаться, что русское правительство долго наблюдало относительно непокорныхъ епископовъ выжидательное положеніе и старалось уладить дѣло

мирнымъ путемъ. Къ несчастью, ему это не удалось, потому что польскіе епископы и слышать не хотятъ ни о малѣйшей административной уступкѣ въ пользу католической коллегіи. Въ силу этого, какого бы мнѣнія кто ни держался касательно мѣръ, принятыхъ за послѣднее время русскимъ правительствомъ относительно нѣкоторыхъ польскихъ епископовъ, нельзя не сознаться, что образъ дѣйствій польскихъ епископовъ не служитъ на пользу дѣла римскаго католичества въ Польшѣ.» Взглядъ этотъ совершенно справедливъ; мы сами высказывали недавно подобное же мнѣніе по поводу Сіенскаго епископа. Но замѣчательно, что, за исключеніемъ газеты „Univers el,“ ни одна парижская газета не перепечатала приведенной нами статьи «Корреспонденціи Гаваса,» между тѣмъ какъ обыкновенно сообщенія этой газеты весьма радушно принимаются на столбцахъ парижскихъ журналахъ. Ихъ сдержанность въ настоящемъ случаѣ доказываетъ, какъ трудно истинѣ найдти къ нимъ доступъ, когда эта истина говоритъ въ пользу Россіи и противъ польской пропаганды.»

(Веч. Газ.)

ОТНОШЕНІИ ВЕНГРІИ КЪ ЧЕХАМЪ.

Партія венгерской оппозиціи на дняхъ стала дѣлать попытки достигнуть хорошихъ отношеній съ чехами, и готова поддерживать ихъ въ ихъ борьбѣ съ вѣнскимъ правительствомъ. Вотъ что говоритъ одна изъ самыхъ передовыхъ газетъ этой партіи, издающаяся въ Пештѣ на нѣмецкомъ языкѣ газета „Neuer freier Lloyd:“ „Въ Венгріи хорошо знаютъ, что прежде нежели мадьяры вообще существовали въ Европѣ, чешское государство уже было самостоятельною, цвѣтущею державой. Мадьярамъ хорошо извѣстно, что Чехія въ одно время съ Венгріей вошла въ союзъ съ австрійскимъ домомъ, съ полнымъ сохраненіемъ своего государственнаго права. Мадьяры же никогда ни словомъ, ни дѣломъ не выступали противъ чешскаго государственнаго права. Какимъ образомъ Венгрія могла бы не признавать государственнаго права Чехіи, когда она съ Чехіей, какъ независимымъ государствомъ, заключала договоры и трактаты? Когда австрійскія земли, послѣ рейнской

конфедераціи, сдѣлались имперіей, тогда еще при Францѣ I, король Фердинандъ поспѣшилъ торжественнымъ образомъ короноваться, какъ въ Пресбургѣ королемъ венгерскимъ, такъ и въ Прагѣ королемъ чешскимъ. Какъ въ Венгріи, такъ и въ Чехіи онъ давалъ присягу на сохраненіе государственныхъ правъ этихъ королевствъ и, какъ чешскій и венгерскій король онъ носилъ имя Фердинанда V.

Такимъ образомъ теперь со всѣхъ сторонъ побуждаютъ вѣнскій кабинетъ, чтобъ онъ позаботился о соглашеніи съ чехами. Чешскій народъ съ необыкновенною рѣшительностью и послѣдовательностью стоитъ за двойное свое право: естественное, принадлежащее всѣмъ народамъ вообще, и особое историческое право земель короны чешской, которое онъ наслѣдовалъ отъ своихъ предковъ. Дипломатіи извѣстно существованіе этого государственнаго права чешской короны, что ей даетъ постоянно хорошее оружіе противъ Австріи, пока послѣдняя не устроила соглашенія съ чехами. Сосѣдняя Пруссія, часто высказывающая свои симпатіи къ чешской оппозиціи, во время послѣдней австрійско-прусской войны даже уже воспользовалась этимъ оружіемъ, обѣщая чехамъ самостоятельность подъ однимъ только условіемъ — принять чешскимъ королемъ прусскаго принца. Эта попытка, правда, осталась безъ послѣдствій, но въ этомъ виноваты сами чехи, которые, опасаясь Пруссіи, какъ нѣмецкаго государства, отклонили это предложеніе. Въ виду голосовъ, раздающихся къ тому же за чеховъ среди мадъяръ и самихъ австрійскихъ нѣмцевъ, сомнительно, чтобъ императоръ Францъ-Іосифъ могъ долго уклоняться отъ новаго радикальнаго преобразованія управляемой имъ державы, преобразованія, по которому бы и чехамъ досталось мѣсто, давно принадлежащее имъ по праву и справедливости.

(С.-Пет. Вѣд.)

ОБЪ ИЗДАНІИ ПОЛЬСКОЙ БРОШЮРЫ «ОПЕКУНЪ ДѢТЕЙ».

Мы получили нѣсколько нумеровъ польскаго изданія, которое посвящено, судя по названію, педагогическимъ цѣлямъ. Это—*Опекунъ польскихъ дѣтей* (Opiekun dzieci polskich), еженедѣль-

ная газета, выходящая въ Львовѣ. По ближайшемъ, однако же, ознакомленіи оказывается, что *Опекунъ* подъ фирмою воспитательной програмы задался цѣлями чисто политическими, и притомъ въ духѣ крайне безнравственныхъ тенденцій. Судя по тому, что въ каждомъ изъ просмотрѣнныхъ нами нумеровъ непремѣнно преслѣдуется „Москва" съ самымъ запальчивымъ бѣшенствомъ, слѣдуетъ заключить, что задача этой псевдопедагогической газеты заключается въ привитіи съ самыхъ пеленокъ ненависти и озлобленія къ галицко-польскому поколѣнію противъ русскаго народа, и этою циническою работою поляки дѣйствительно созидаютъ крѣпкій фундаментъ будуемой (отстраиваемой) ими противославянской Польшѣ. Каждый выпускъ упомянутаго польскаго памфлета наполненъ извращеніемъ историческихъ фактовъ и измышленіемъ небывалыхъ событій. „Москали" вездѣ рисуются коварными и кровожадными извергами, предательски проливающими потоки невинной польской крови. Въ описаніи же открытыхъ битвъ несмѣтныя русскія полчища всегда съ постыдною трусостію бѣгутъ предъ горстью польскихъ храбрецовъ, разбиваемые на голову. Слово „ойчизна" торчитъ вездѣ изъ текста огромными буквами и повторяется такъ невѣроятно часто, что рябитъ въ глазахъ. Вотъ для образчика, какимъ образомъ польскій педагогическій органъ объясняетъ *истинныя* причины послѣдняго мятежа: „Царь, желая быть неограниченнымъ властелиномъ всѣхъ своихъ подданныхъ, никогда не хотѣлъ позволить, чтобы шляхта дала свободу своимъ сосѣдямъ, т. е. хлопамъ, живущимъ съ нею въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ, и признала бы ихъ равными себѣ людьми. Напротивъ, онъ жестоко преслѣдовалъ такихъ, которые даже думали объ этомъ, высылалъ ихъ въ Сибирь, обрекалъ на вѣчное заточеніе и т. п. (№ 12). Тогда-то, поляки взялись за оружіе, чтобы добыть свободу хлопамъ. Мы обратили вниманіе на этотъ недостойный памфлетъ не потому, чтобы онъ былъ веденъ самъ по себѣ, но потому, что онъ вредитъ намъ при помощи мѣстной администраціи государства, не состоящаго съ нами въ политическомъ разрывѣ. Если бы подобное изданіе было предоставлено самому себѣ, тогда мы не сказали бы ни слова; но дѣло въ томъ, что сама редакція въ своемъ 18 нумерѣ похваляется, что „обла-

ствой педагогическій совѣтъ удостоилъ рекомендовать эту газету по преимуществу городскимъ и сельскимъ школамъ.“ Весьма естественно, что, благодаря содѣйствію галицкой администраціи, молодое поколѣніе той провинціи возрастетъ подъ вліяніемъ самыхъ превратныхъ и невыгодныхъ понятій о Россіи и русскихъ. А извѣстно, что изъ всѣхъ впечатлѣній самыя крѣпкія и трудно сглаживаемыя это—впечатлѣнія дѣтства. Вмѣстѣ съ тѣмъ газетка эта служитъ однимъ изъ милліона свидѣтельствъ, что тамъ, гдѣ можно хоть на іоту повредить русскимъ, поляки не стѣсняются въ выборѣ средствъ ни честью, ни совѣстью, ни религіею.

(Веч. Газ.)

СЛОВО ПРОПОВѢДНИКА ІЕЗУИТА ФЕЛИКСА О РОССІИ.

Съ каѳедры парижскаго собора Богоматери сдѣлано недавно забавно серіозное предостереженіе Европѣ. Модный парижскій проповѣдникъ, іезуитъ Феликсъ, говорилъ недавно съ этой каѳедры, что европейской цивилизаціи грозитъ страшная опасность со стороны *московитизма*, убивающаго, по мнѣнію Феликса, всякое дыханіе жизни. Если западная Европа,—пророчествовалъ Феликсъ, не обуздаетъ во время честолюбія Россіи, которая «замышляетъ нѣчто такое, чего Европа не видала со времени паденія Западной Римской Имперіи», въ такомъ случаѣ недалеко то время, когда обитатели Европы должны будутъ признать надъ собою власть русскаго императора, и когда исповѣдуемый этимъ императоромъ московитизмъ (такъ съ особенною любовію называетъ Феликсъ православіе), эта «выродившаяся религія», этотъ «самый худшій расколъ въ христіанствѣ» сдѣлается религіею, обязательною для каждаго европейца. Россія,—мы приводимъ собственныя слова Феликса,—замышляетъ подчинить всѣ народы европейскіе не только политической, но и духовной власти. Съ худо скрываемымъ удовольствіемъ она смотритъ на тѣ опасности, какія грозятъ со всѣхъ сторонъ папству, и на развалинахъ папства она думаетъ основать новую, духовную верховную власть въ церкви христіанской. И это стремленіе захватить въ свои руки управленіе церковно-религіоз-

ными дѣлами запада теперь уже не тайна. *Оно высказывается въ политико-религіозныхъ произведеніяхъ русской дипломатіи (?).*

Не со вчерашняго дня іезуиты и имъ подобные люди проповѣдуютъ, что церковь русская стоитъ «колѣнопреклоненная предъ русскими самодержцами», что православіе есть сподручное орудіе, которымъ могутъ пользоваться государи русскіе для укрѣпленія своей власти и достиженія своихъ цѣлей, что русскій подданный долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть непременно и православнымъ и т. п. И было время, когда этимъ сказкамъ отъ души вѣрили на западѣ. Въ настоящее время безусловное довѣріе къ этимъ сказкамъ замѣтно начинаетъ колебаться. И не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго года, въ газетѣ «Temps» была помѣщена статья, въ которой, между прочимъ, сказано: «Кто не слыхалъ объ императорѣ русскомъ, который будто бы сряду послѣ смотра войскъ опредѣляетъ члены вѣры? Кто не слыхалъ объ артиллерійскомъ или гусарскомъ полковникѣ, который будто бы установляетъ обряды? Это дѣтскія выходки того рода писателей, которыхъ можно было бы назвать «духовными шутами». Кривлянья ихъ даже не очень и забавны. Нельзя сказать,—говорится въ статьѣ «Temps»,—будто соединеніе свѣтской власти и духовной въ рукахъ царя сдѣлало русскую церковъ игрушкою кавалерійскихъ полковниковъ—это ложь, это нелѣпость. Но кажется, не близко еще то время, когда вся Европа убѣдится, что тѣ нелѣпыя выдумки, о русской церкви, какія пущены въ ходъ ея врагами, дѣйствительно нелѣпы. Историческія обстоятельства воспитали въ западной Европѣ чувство недовѣрія къ Россіи,—какъ ни старается русское правительство своими прямодушными, чуждыми всякой задней мысли, дѣйствіями поколебать въ западной Европѣ это недовѣріе къ себѣ, западная Европа все таки не отказывается вѣрить въ подлинность «завѣщанія Петра Великаго» и въ то, что Россія стремится выполнить программу, начертанную будто бы первымъ императоромъ Россіи въ этомъ завѣщаніи. При такомъ предубѣжденіи противъ Россіи западно-европейскіе народы оказываются весьма расположенными вѣрить всякой клеветѣ на Россію и русскую церковь;

какую только вздумается пустить въ ходъ какому либо-досужему человѣку. И вотъ Феликсъ съ особеннымъ удовольствіемъ надѣваетъ на себя колпакъ духовнаго шута и, ни сколько не стѣсняясь тѣмъ, что ему весьма мало извѣстно состояніе русской церкви въ прежнее и настоящее время, начинаетъ раскрывать, въ чемъ состоитъ ненавидимый имъ «московитизмъ».

Прежде всего, конечно, Феликсъ старается доказать то, нѣсколько разъ уже опровергнутое, положеніе, будто русская церковь признаетъ своимъ духовнымъ главою русскаго императора. Разсказавъ анекдотъ о саблѣ патріархѣ русской церкви, Феликсъ продолжаетъ: «Чтобы спасти (при Петрѣ Великомъ) свободу церкви, русской церкви, нужны были тогда Златоусты, Григоріи, Амвросіи (какъ будто всѣ эти великіе епископы православной церкви не стояли въ такихъ же отношеніяхъ къ своимъ государямъ, въ какомъ стоятъ къ русскому императору русскіе епископы!!) и Ѳомы Бэкэты; но такихъ людей у нея тогда не было. И съ этого времени исчезла даже тѣнь независимости церковной. Установленіемъ святѣйшаго сѵнода и консисторій, *предсѣдателями которыхъ бываютъ люди, назначаемые на эту должность гражданскою властію и часто богословы въ эполетахъ*, религіозное рабство русской церкви было окончательно организовано.» И вся эта тирада и особенно слова, подчеркнутыя нами, такъ краснорѣчивы, такъ много говорятъ сами противъ себя, что нѣтъ ни малѣйшей нужды ихъ опровергать. Кто же слыхалъ, чтобы предсѣдателями въ консисторіяхъ были богословы въ эполетахъ?!! Подчинивъ себя всецѣло власти русскаго императора и признавъ его своимъ главою, въ такомъ порядкѣ идутъ мысли Феликса, церковь русская по весьма понятнымъ причинамъ уже не могла и не можетъ остаться вѣрной евангельской истинѣ. Она по необходимости должна была и должна будетъ соглашаться на всѣ тѣ измѣненія и нововведенія въ области церковнаго ученія, управленія и богослуженія, какія угодно было и угодно будетъ сдѣлать русскимъ государямъ. Поэтому и «московитизмъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вѣрою апостольскою, вѣрою вселенскою; онъ по необходимости долженъ представлять собою такое

вѣроисповѣданіе, которое существенно отличается отъ всякаго другаго вѣроисповѣданія. «Религія, повторяетъ нѣсколько разъ Феликсъ, которую исповѣдуютъ русскіе, есть просто религія русскихъ, или національная религія Россіи.» Такимъ образомъ Феликсъ никакъ не хочетъ допустить той мысли, что вѣра, исповѣдуемая русской церковію, есть та же самая, какая исповѣдуется, напримѣръ, церковію восточною. Русская церковь, по мнѣнію Феликса, «разорвала всякую связь съ востокомъ», и въ религіозномъ отношеніи также отличается отъ него, какъ отличается и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Стоитъ замѣтить, что въ подтвержденіе этой ново-изобрѣтенной истины Феликсъ не попытался привести ни одного доказательства. Онъ убѣжденъ, что его клеветѣ на русскую церковь повѣрятъ и безъ доказательствъ, если онъ какъ можно чаще будетъ повторять, что московотизмъ есть вѣра исключительно русская, вѣра, которая носитъ на себѣ такіе же отпечатки русскаго склада мыслей и особенностей русской государственной жизни, какіе можно замѣчать и въ другихъ національныхъ созданіяхъ русскихъ. Замѣчательно,—соображаетъ Феликсъ, что и сама русская церковь даетъ себѣ имя, которое ничего не выражаетъ, т. е. имя церкви православной, и не осмѣливается назвать себя церковію соборною, *католическою*.. Встрѣчаясь съ подобными глубокими соображеніями въ проповѣди, говоренной въ парижскомъ соборѣ Богоматери, приходишь въ рѣшительное недоумѣніе и не знаешь, чему больше удивляться: полному ли невѣжеству проповѣдника во всемъ, что касается русской церкви, или той отвагѣ, съ какою онъ тономъ знатока говоритъ о предметахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ. Русская церковь постоянно называетъ себя церковію апостольскою, *каѳолическою*. И если Феликсъ не знаетъ этого, значитъ—онъ вовсе не заглядывалъ въ символическія книги той церкви, которую онъ описываетъ въ своей проповѣди, и потому онъ вполнѣ заслуживаетъ названіе человѣка нечестнаго, чтобы не сказать чего либо больше.

«Съ тѣхъ поръ, какъ «рабство русской церкви было окончательно организовано,» съ тѣхъ поръ, какъ русскіе императоры получили полную возможность производить въ ученіи управленія

и богослуженіи русской церкви, какія имъ угодно, перемѣны, они естественно направили свои стремленія къ тому, чтобы подчинить религію политикѣ и придать религіозную санкцію всему, что только можетъ содѣйствовать утвержденію и расширенію ихъ власти. Поэтому то, замѣчаетъ Феликсъ, распространеніе православія неразрывно связано съ расширеніемъ власти русскаго императора; поэтому то народъ, признающій надъ собою политическую власть русскаго императора, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимать и православіе. «Говорятъ, витійствуетъ Феликсъ, что вездѣ, куда направляетъ свои побѣдные шаги русскій гигантъ, вездѣ, куда простираетъ онъ свои руки, позади солдатъ появляется священникъ и несетъ побѣжденнымъ религію побѣдителей и проповѣдуетъ эту религію въ то время, когда на ихъ землѣ развѣваются еще знамена побѣдителей, когда надъ ихъ головами еще блеститъ мечъ побѣдителей.» Разумѣется, представляя своимъ слушателямъ въ такомъ видѣ способъ распространенія православія, Феликсъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи — обратить вниманіе своихъ слушателей на то обстоятельство, что распространеніе русскаго господства немыслимо безъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы остаться вѣренъ религіи своихъ предковъ, и указать на тѣ страданія, какія должны выносить въ настоящее время несчастные поляки, этотъ «мученикъ-народъ,» къ которому какъ извѣстно, весьма расположенъ Феликсъ.

Какъ ни нелѣпа эта проповѣдь, которую вздумалось не только сказать, но и напечатать Феликсу (брошюра продается и въ Петербургѣ), но Феликсъ видимо разсчитываетъ на то, что его проповѣдь не можетъ остаться безъ всякаго дѣйствія не только на его соотечественниковъ, но и на нѣкоторыхъ русскихъ. Іезуитъ очень хорошо убѣжденъ, что многіе «почтенные люди русскіе» рѣшительно не знакомы съ православіемъ, и потому онъ разсчитываетъ, что эти „considerables de ce grand pays“ на слово повѣрятъ такому модному проповѣднику, какъ Феликсъ, и, почувствовавъ величайшій стыдъ отъ того, что они до сихъ поръ исповѣдывали *московитизмъ*, обратятъ свои глава къ Риму и скажутъ ему: «мать моя!» Неужели же этотъ разсчетъ можетъ оказаться вѣр-

нымъ? Неужели люди, подобные Феликсу, своими клеветами на русскую церковь могутъ отторгать отъ нея ея дѣтей? Если—да, то грустно становится за этихъ почтенныхъ «людей русскихъ,» для которыхъ православіе въ полномъ смыслѣ слова есть terra incognita, и на которыхъ могутъ вліять даже такіе пустые краснобаи, какъ парижскій лже-проповѣдникъ Феликсъ.

(Веч. Газ.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОЕДИНЕНІИ АВСТРІИ И ГАЛИЦІИ.

Въ числѣ громадныхъ реформъ, произведенныхъ почти сто лѣтъ тому назадъ императоромъ Іосифомъ II въ Австріи, нѣкоторымъ удалось, не смотря на позднѣйшую пагубную реакцію, сохраниться до-сихъ-поръ; онѣ и до-сихъ-поръ возбуждаютъ вполнѣ заслуженное удивленіе современниковъ. Поэтому съ перваго взгляда покажется страннымъ, что тотъ же самый великій реформаторъ политическаго быта Австріи былъ и основателемъ несчастной системы германизаціи, которая впослѣдствіи принесла странѣ такъ много вреда. Іосифъ, желая создать изъ разнообразнаго своего государства одно сплошное цѣлое, хотѣлъ естественнымъ образомъ представить гегемонію славянскому народу, какъ самому многочисленному въ странѣ, при чемъ онъ имѣлъ въ виду образовать изъ Австріи славянское государство. Но оказалось, что славянскіе народы въ Австріи не имѣютъ одного общаго литературнаго языка, и что они не ищутъ господства надъ другими племенами. Іосифъ хотѣлъ было принять чешское нарѣчіе за общее для всѣхъ славянскихъ народностей въ Австріи, но сами чехи отговаривали его отъ того, а именно Іосифовъ учитель чешскаго языка доказывалъ императору, что у славянъ никакъ нельзя отнять ихъ родной языкъ, и насильственнымъ образомъ дать имъ какой-либо другой, хотя бы то былъ и языкъ родственный. Впослѣдствіи Іосифъ рѣшился, находясь уже подъ вліяніемъ нѣмцевъ, сдѣлать общимъ, господствующимъ языкомъ въ имперіи—языкъ нѣмецкій. Съ тѣхъ же поръ и началась нѣмецкая политика австрійскаго правительства, которой оно придерживается съ столь настойчивою послѣдовательностью и донынѣ.

Изъ вышесказаннаго видно, что водворенію германизма въ Австріи помогали сами славяне тѣмъ, что не съумѣли понять и защищать вопреки гегемонистическимъ стремленіямъ нѣмцевъ, свой общій славянскій интересъ. Славяне австрійскіе, даже и до сихъ поръ, не вездѣ еще успѣли отрѣшиться отъ прежнихъ ошибокъ и понять истинные свои интерессы. Такъ, напримѣръ, мы видимъ въ Галиціи постоянную, жестокую борьбу между двумя славянскими народностями—между русскими и поляками. Русскіе галичане, составляя большинство въ странѣ, постоянно должны переносить притѣсненія со стороны поляковъ. Вѣнское правительство давно уже могло бы остановить печальную борьбу между братскими племенами, отдѣливъ администрацію западной, польской части Галиціи отъ восточной, русской. Но вѣнское правительство, слѣдуя постоянно анти-славянской политикѣ, никогда не хочетъ согласиться съ мѣрою столь простою и естественною уже потому, что мѣра эта предоставила бы русскимъ въ восточной части Галиціи полную независимость отъ польскаго элемента, и дала бы имъ возможность свободно и съ успѣхомъ развивать свою народность. Галицкіе же русскіе лучше поляковъ понимаютъ славянскій интересъ и раздѣляютъ программу федералистовъ, а потому подвергаются притѣсненіямъ.

Самымъ лучшимъ оружіемъ для этого служатъ нѣмецкому, вѣнскому правительству галицкіе поляки; потому вѣнскіе политики тщательно стараются поддерживать между поляками старую страсть господства надъ другими, именно надъ малороссами, на которыхъ они смотрятъ издавна, какъ на безусловно подчиненныхъ польскому владычеству. Всѣ мѣры, которыя предприняло вѣнское правительство въ послѣднее время въ Галиціи въ пользу поляковъ, должно приписать этой ловкой политикѣ, а отнюдь не какому-либо страху передъ польскою оппозиціей, которой бояться въ Вѣнѣ не имѣютъ до-сихъ-поръ еще никакой серьозной причины. Въ послѣднихъ постановленіяхъ своихъ вѣнское правительство пожертвовало въ пользу поляковъ даже и любимымъ германизмомъ, столь старательно досѣлѣ проводимымъ въ Галиціи. Извѣстно, что въ Вѣнѣ не питаютъ особенной дружбы къ поля-

камъ, что сами правительственные органы называютъ ихъ по обыкновенному у нихъ для всѣхъ не нѣмцевъ словарю, готтентотами и ирокезами, народомъ «Крабулиньскихъ и Вошляпскихъ» и т. д.; и все-таки въ Вѣнѣ рѣшились пожертвовать нѣмецкимъ языкомъ въ школахъ, въ судѣ и администраціи въ пользу языка польскаго; и это сдѣлано только потому, что галицкіе русскіе прибѣгали къ нѣмецкому языку, какъ къ спасительному средству, въ виду грозящей имъ полонизаціи. За то въ свою очередь предводители поляковъ Голуховскій, Зѣмялковскій и др. стараются убѣдить своихъ соотечественниковъ въ томъ, что все благо страны должно произойти только отъ вѣнскаго правительства, и что галицкіе поляки только въ полномъ согласіи съ Вѣною могутъ добиться лучшаго будущаго. Польскіе органы, какъ краковскіе и львовскіе, такъ и заграничные, ни зачто не хотѣли вполнѣ разстаться съ вѣнскими нѣмцами, какъ то сдѣлали уже давно чехи. Клерикальный и аристократическій «Часъ» въ Краковѣ велъ себя въ этомъ отношеніи точно такъ же, какъ буржуазная «Газета Народова» въ Львовѣ; новый же «Край,» на котораго возлагали сначала большія надежды, скоро сталъ держаться «золотой средины». Парижская „Correspondence du Nord-Est," органъ князя Чарторыйскаго, даже совсѣмъ перешла въ лагерь вѣнскаго министерства и, какъ органъ министра внутреннихъ дѣлъ Гискры, получаетъ теперь субсидію изъ австрійскихъ секретныхъ фондовъ.

При такихъ обстоятельствахъ постороннему наблюдателю должно показаться страннымъ, что самъ народъ, какъ мы напримѣръ видимъ то въ Чехіи, не принимаетъ никакого участія въ рѣшеніи своей судьбы. Но положеніе народа въ Галиціи совсѣмъ иное, чѣмъ въ Чехіи. У галицкихъ поляковъ высшее сословіе, аристократія и интеллигенція, совсѣмъ отстали отъ народа, и сдѣлались для него вполнѣ чуждымъ. Польская интеллигенція въ Галиціи ни сколько не заботилась о томъ, чтобъ улучшить положеніе народа въ матеріальномъ отношеніи, какъ то сдѣлала съ столь громаднымъ успѣхомъ чешская, а потому масса народа все болѣе и болѣе попадала въ руки многочисленныхъ тамошнихъ евреевъ, которые, какъ торговцы и денежные спекулянты, сосредоточили по-

чти весь капиталъ страны въ своихъ рукахъ, и теперь обираютъ вполнѣ зависящій отъ нихъ народъ. Интеллигенція, не имѣя никакихъ связей съ простымъ народомъ, также не постаралась о развитіи въ немъ образованія, ни политическаго, ни общаго. Изъ этого слѣдуетъ, что если бы простой народъ и по инстинкту съумѣлъ отличить настоящій свой интересъ отъ обмана и заблужденій, то ему все-таки никогда недоставало положительныхъ свѣдѣній о томъ, что съ нимъ дѣлается.

Но это жалкое положеніе стало въ самое послѣднее время улучшаться, хотя пока еще и довольно медленно. Нѣкоторые изъ самыхъ искреннихъ польскихъ патріотовъ основали во Львовѣ общество, подъ названіемъ «польскій демократическій клубъ,» которое, хорошо понимая, что пора уже улучшить, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніе народа, поставило себѣ задачею, заботиться о томъ соединенными силами и завести постоянныя тѣсныя сношенія либеральной интеллигенціи съ народомъ. Хотя каждый истинный патріотъ не могъ не обрадоваться успѣшному движенію, вызванному дѣятельностью «демократическаго клуба,» но нашлось все-таки много и рѣшительныхъ непріятелей и враговъ. То были, съ одной стороны, галицкіе евреи, которые опасались, что крестьяне, ихъ постоянныя жертвы, стараніемъ заботящейся о народѣ, хорошо организованной интеллигенціи, рано или поздно отдѣлаются отъ нихъ; съ другой же стороны точно также опасалась и польская эмиграція, что она, вслѣдствіе сближенія народа съ партіей демократическаго общества, потеряетъ то исключительное вліяніе на страну, которымъ она пользовалась донынѣ. И такъ, на новое общество стали нападать и евреи, и буржуазія, и аристократы, и клерикалы; поджигали и эмиграція. Употреблялись всѣ возможныя средства противодѣйствія, не исключая даже и низкихъ сплетень на личности, стоящія во главѣ демократической партіи. Но этой послѣдней удалось отразить всякія нападенія, и львовскій демократическій клубъ, напротивъ, пріобрѣлъ большое количество новыхъ членовъ, распространилъ свою дѣятельность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ и большое вліянія въ народѣ; нѣкоторыя изъ самыхъ извѣстныхъ личностей присоединились тогда

къ демократическому обществу, и стали во главѣ движенія, въ ихъ числѣ и знаменитый Смолка. Съ этого времени демократическая партія могла уже выступить съ большею рѣшительностью и силой противъ своихъ враговъ, и, увидѣвъ, по примѣру чеховъ, какое громадное вліяніе производятъ народныя сходки, она рѣшилась тоже воспользоваться этимъ средствомъ. По внушенію демократическаго клуба состоялась, въ концѣ прошлаго мѣсяца, первая польская народная сходка во Львовѣ, о результатахъ которой читатели найдутъ любопытныя подробности ниже, въ отдѣлѣ «Иностранныхъ извѣстій.»

Такимъ образомъ политическая жизнь, которая уже давно бьетъ живымъ ключемъ въ Чехіи, стала обнаруживаться и въ Галиціи, и галиційскій народъ мало-по-малу начинаетъ просыпаться отъ своей продолжительной спячки.

(С.-Петер. Вѣд.)

О ГАЛИЦКИХЪ ПОЛЯКАХЪ.

Декларація чешско-моравскихъ депутатовъ, отказавшихся послать делегатовъ въ австрійскій рейхсратъ и объявившихъ, что ни одинъ изъ будущихъ законовъ рейхсрата чешскій народъ не будетъ считать обязательнымъ для себя, еще въ прошломъ году возбудительно подѣйствовала на галицкихъ поляковъ: имъ, и особенно ихъ депутатамъ, также захотѣлось чѣмъ нибудь ознаменовать свою политическую дѣятельность. Съ болью въ сердцахъ они вынуждены были признать ту истину, что „цислейтанская конституція, составленію которой они сами такъ усердно помогали, уничтожила отдѣльность Галиціи, что потребности ихъ страны остаются въ пренебреженіи, что австрійское правительство, на сторонѣ котораго они до сихъ поръ твердо стояли, упорно парализуетъ всѣ свободныя движенія ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, что производительность земли недостаточна уже для уплаты податей, и что во всѣхъ отрасляхъ управленія не обращается ни малѣйшаго вниманія на благосостояніе и желанія народа и на его самыя законныя требованія.“ По примѣру чеховъ, и поляки съ опасеніями и тревогою смотрятъ на будущность Австріи, которая,

послѣ двадцатилѣтнихъ безпутныхъ опытовъ преобразовать себя, снова начала производить надъ собою и своими народами подобные же „эксперименты.“ Въ слѣдствіе всего этого, еще въ прошломъ году, поляки зашевелились въ Галиціи: большинство, какъ извѣстно, тогда объявило себя *за полную самов стоятельность* (автономію) *Галиціи и за пересмотръ цислейтанской конституціи;* меньшинство, съ демократомъ Смолькою во главѣ, потерявъ вѣру въ лукавое вѣнское министерство, энергически настаивало, чтобы *польскіе делегаты, избранные въ рейхсратъ, сложили съ себя немедленно свои поли мочія и не отправлялись въ Вѣну.* Губернаторъ Галиціи, графъ Голуховскій, высказался тоже весьма рѣзко: онъ сказалъ: „Съ нынѣшнею Цислейтаніею мы никакъ не можемъ помириться даже если Цислейтанія будетъ устроена на федеративномъ началѣ, потому что послѣ того, какъ Галиція—часть Польши—войдетъ въ федерацію, мы должны будемъ навсегда отказаться отъ надежд- возстановленія “великой Польши„. И, странное дѣло, австрійскіе прокуроры въ Прагѣ и Брнѣческихъ и моравскихъ депутатовъ, подписавшихъ декларацію, обвиняли въ государственной измѣнѣ, и каждый чехъ, объявившій свое согласіе съ декларацію, долженъ былъ платиться за это арестомъ или денежнымъ штрафомъ. Въ Галиціи между тѣмъ дѣйствовала юстиція совсѣмъ другая: тамъ самъ губернаторъ оказывался государственнымъ измѣнникомъ, но его противоавстрійскаго заявленія не замѣтили въ Вѣнѣ. Зато ему поставили въ вину другое, именно, что онъ не успѣлъ отклонить польской резолюціи. Онъ долженъ былъ подать въ отставку, а императоръ Францъ-Іосифъ отказался отъ поѣздки въ Галицію. Народъ въ Галиціи (и поляки, и русскіе) стоялъ, однако, за Смольку, но это не помѣшала польскимъ делегатамъ отправиться въ рейхсартъ.

Что же дѣлали поляки въ этомъ ненавистномъ Галиціи рейсратѣ?

Главными вопросами въ послѣднемъ австрійскомъ рейхсратѣ были: вопросъ объ одобреніи осаднаго положенія въ Прагѣ вопросъ объ устройствѣ резерва арміи, вопросъ о школахъ и разсмотрѣніе польской резолюціи.

При рѣшеніи *перваго* вопроса, когда такъ отличались словенскіе депутаты Германъ и Вишнякъ, поляки молчали въ

рейхсратѣ, какъ бы соглашаясь съ вѣнскимъ правительствомъ въ томъ, что преподаваніе чехамъ основныхъ правилъ цислейтанской конституціи вполнѣ справедливо поручено полковымъ командирамъ и многочисленной полиціи.

По *второму* вопросу поляки чрезъ графа Потоцкаго имѣли смѣлость не одобрить централизаціоннаго направленія въ устройствѣ военнаго резерва, и настаивали, чтобы резервъ каждой области употреблялъ свой языкъ и не состоялъ въ непосредственной зависимости отъ военнаго министра имперіи. Но вѣнскіе централисты дружно и ожесточенно напали на поляковъ какъ на главныхъ враговъ единства Цислейтаніи, и новый законъ объ увеличеніи регулярной арміи резервами былъ принятъ. *Законъ о школахъ* въ существѣ своемъ заключалъ идею онѣмеченія ненѣмецкихъ народностей Австіи; въ Прагѣ тотчасъ же протестовали противъ *самаго предложенія* подобнаго закона какъ только узнали о томъ, что его намѣрены внести въ рейхсратъ. Но, несмотря на то, что поляки вмѣстѣ съ словенцами, далматинцами и тирольцами рѣшились по поводу предложенія этого закона выйдти изъ рейхсрата, законъ былъ принятъ. Подобный результатъ не могъ не заставить поляковъ подумать о ничтожествѣ своемъ и о фальшивости своей политики: они ясно теперь увидѣли, что за ихъ дружественный союзъ съ цислейтанскимъ министерствомъ, которому они помогали ввести дуалисмъ въ имперію и угнетать протестовавшія противъ дуалисма народности, ихъ награждаютъ не особенно щедро. Съ своей стороны вѣнская журналистика, до тѣхъ поръ "проливавшая слезы о жалкой судьбѣ несчастнаго польскаго народа„, начала теперь своихъ вѣрныхъ союзниковъ обзывать ультрамонтанами, отступниками отъ конституціи. Поляки имѣли теперь полную возможность узнать искренность нѣмецкой дружбы и оцѣнить крокодиловы слезы вѣнскихъ журналистовъ и централистовъ....

Но разочарованіямъ поляковъ не суждено было кончиться на этомъ. Имъ нужно было принять отъ своихъ вѣнскихъ врачей еще нѣсколько самыхъ острыхъ пилюль, чтобы хотя на время излечиться отъ маніи къ австрійскому рейхсрату и узнать вполнѣ "цислейтанскую благодарность„. Вѣнское министерство самое главное—*польскую резолюцію*—приберегло къ концу засѣ-

даній. И поляки сами теперь сознаются, что ихъ услуги цислейтанскому правительству и ихъ "десятигульденный„*) патріотисмъ не могли быть награждены хуже, чѣмъ какъ это случилось съ ними въ послѣднемъ рейхсратѣ. Полгода не дотрагивались въ рейхсратѣ до польской резолюціи, и потомъ оставили ее лежать въ комитетѣ, который впрочемъ успѣлъ заявить польскимъ делегатамъ при ихъ отъѣздѣ на родину, что польская резолюція не состоятельна!. Краковская аристократическая польская партія, съ Голуховскимъ, Потоцкимъ и Земяльковскимъ во главѣ, сама виновата въ томъ, что на львовскомъ сеймѣ не приняла предложенія Смольки не посылать делегатовъ въ рейхсратъ, и потомъ удерживала этихъ делегатовъ отъ выхода изъ него. Кромѣ того, Зыбликевичъ и Земяльковскій въ своихъ частныхъ свиданіяхъ съ австрійскими министрами, коварно отдѣляя свое польское дѣло отъ дѣлъ другихъ славянскихъ народностей въ Австріи, обѣщали министрамъ, что они окажутъ всевозможныя поддержки правительству противъ притязанній чеховъ и словенцевъ, если только будутъ полякамъ даны уступки. Нѣмецкая хитрость перехитрила польское коварство; поляки остались въ дуракахъ, потерявъ всякое уваженіе у нѣмцевъ и справедливо вооруживъ противъ себя другихъ славянъ.

Поляка все еще хотѣли, хотя поздно чѣмъ нибудь отличиться въ Вѣнѣ; нѣкоторые изъ нихъ положили было въ польскомъ клубѣ сложить съ себя свои полномочія, чтобы не присутствовать, по крайней мѣрѣ, на торжествѣ закрытія засѣданій рейхсрата, но напрасно. Согласія между ними не оказалось и здѣсь, и они, боясь оскорбить венгровъ, рѣшили оставаться до конца. На прощальномъ вечерѣ поляки стояли около императора нахмуренные, ожидая, конечно, что императоръ извинится предъ ними въ отсрочкѣ утвержденія польской резолюціи. Но императоръ, вмѣсто сожалѣнія, замѣтилъ Грохолькому, что, "вѣроятно, польскіе депутаты рады будутъ отправиться домой„. Смущенный депутатъ замѣтилъ было, что "возвращеніе ихъ на родину будетъ весьма печально, такъ какъ резолюцію постигла несчастная участь, и только милость его величества можетъ еще поправить дѣло„. Но императоръ промолчалъ, выразивъ надеж-

ду, что депутаты снова будуъ участвовать въ слѣдующемъ рейхсратѣ.

Польское населеніе Галиціи холодно встрѣтило изъ Вѣны, и по дѣломъ. Но зато они могутъ разсчитывать, что цислейтанско министерство вознаградитъ ихъ за ихъ дѣтскую, ребяческую оппозицію въ рейхсратѣ концессіями на желѣзныя дороги и участіемъ въ другихъ выгодныцъ финансовыхъ предпріятіяхъ. Но нѣкоторые изъ нихъ уже разочаровались и въ этихъ развчетахъ. Графъ Голуховскій, усиленно добивавшійся концессіи на желѣзную дорогу въ Гусятинъ, благодаря министру Гискрѣ, не получилъ ея; дорога отдано другому. Послѣ этого можно было надѣяться, что въ будущемъ львовскомъ сеймѣ и въ рейхсратѣ графъ будетъ уже не на правительственной сторонѣ, а на сторонѣ оппозиціи, хотя безцѣльной и безтактной; но онъ разсудилъ сложить съ себя званіе депутата львовскаго сейма. Такимъ образомъ цислейтанское министерство воспользовалось поляками, какъ чернорабочими, на полѣ своего ложнолиберальнаго конституціонализма, и, какъ крѣпостнымъ чернорабочимъ, сказало: "Кто исполнилъ свой урокъ, тотъ можетъ отправляться домой!„

Возникаетъ теперь интересный вопросъ: львовскій сеймъ, созываемый къ 20 сентября, пошлетъ ли снова своихъ членовъ въ вѣнскій рейсхратъ, или прошлогоднее униженіе достаточно вразумило и утрезвило поляковъ? Въ изданной недавно брошюрѣ: "Передъ сеймомъ 1869 года„ князь Георгій Чарторыжскій старается убѣдить поляковъ, чтобы они еще разъ оказали послушаніе, и совѣтуетъ имъ идти въ тотъ рейхсратъ, въ которомъ они въ прошлый разъ засѣдали, въ видѣ "рыцарей печальнаго образа„. Но галицко-польская журналистика ретиво ратуетъ противъ посылки депутатовъ въ рейхсратъ. Вотъ, напримѣръ, что пишутъ поляки въ газетѣ "Dziennik Lwowski„:

"Съ поступленіемъ въ министерство Гискры и К°, настала пора всего опасаться отъ вѣнскихъ господъ. Это поняли чехи, словенцы и поляки, соединившись въ союзъ, противъ котораго германскій элементъ ничего не могъ бы подѣлать... Но, къ сожалѣнію, этотъ союзъ раньше, чѣмъ можно было ожидать, расторнутъ, и *мы должны, къ своему сраму, сказать, что мы, поля-*

ци, первые оставили тебя, поступивъ на послуги въ вѣнскому централизму, который и вознаградилъ насъ по заслугамъ. Его щедрое вознагражденіе было по дѣломъ намъ, и оно то спасло насъ отъ полной деморализаціи. На своихъ плечахъ мы возвысили централистовъ, и своею тяжестію мы старались подавить тѣхъ, которые съ самоотверженіемъ и съ рѣдкимъ мужествомъ боролись за свои національныя права, чтобы спасти себя и насъ. Мы вѣчно будемъ благодарны чехамъ за это, мы самопожертвованіемъ засвидѣтельствуемъ, въ случаѣ нужды, свою благодарность имъ, если только наши братія хотя на время забудутъ объ этомъ нашемъ гнусномъ отщепенствѣ, къ которому насъ привели наши вожаки: Голуховскій и его покорные прихлебатели... Мы отступаемся теперь отъ этого постыднаго дѣла, мы постараемся соединить разорванныя узы братскаго (?!) союза и провозлашаемъ нынѣшней вѣнской системѣ открытую войну (?!). Мы торжественно провозглашаемъ, что нынѣшнее министерство должно пасть, и слова свои подтвердимъ дѣломъ... На каждомъ шагу австрійское правительство будетъ встрѣчать отъ насъ законную оппозицію, и репрессивныя мѣры насъ не обезоружатъ! Осадное положеніе не застращаетъ насъ, а военное управленіе не унизитъ нашего духа. Насъ не испугаютъ запрещеніемъ сейма. Мы просимъ объ этомъ; мы въ будущее собраніе пришлемъ людей, которые для кажущихся уступокъ не будутъ выметать пыль въ переднихъ министерскихъ канцелярій, а, напротивъ, будутъ достойными представителями и охранителями народной чести. Осадное положеніе мы переживемъ, а свобода, которую намъ дали, такъ ничтожна, что мы не должны бояться потерять ее...„

Сколько, однако, задора и шумихи въ приведенныхъ нами словахъ польской газеты! Если бы мы не знали по безчисленнымъ опытамъ, на сколько подозрительны поляки къ своими благожелателямъ и довѣрчивы къ врагамъ, мы могли бы съ увѣренностію сказать, что пять милліоновъ галичанъ въ будущемъ львовскомъ сеймѣ, который созванъ десятью днями раньше другихъ цислейтанскихъ сеймовъ, вступятъ въ открытую и упорную оппозицію Вѣнѣ, такъ что дни министерства Гискры сочтены... Но кто же можетъ полагаться на поляковъ и разсчитывать на искренность и тведость ихъ раскаянія—особенно, ког-

Да притомъ, для успѣха дѣла, слѣдовало бы галицкимъ полякамъ къ своему покаянію въ измѣнѣ чехамъ и словенцамъ *присоединить еще болѣе глубокое раскаяніе въ преступленіяхъ противъ русскихъ галичанъ*, которые много и давно терпятъ отъ нихъ. Безъ этого рознь и вражда всегда будутъ царить въ совѣтахъ и мѣропріятіяхъ львовскаго сейма и галицкой оппозиціи. Оппозиція эта можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда, во первыхъ, въ ней соединятся для дружнаго дѣйствованія и польское, и русское населеніе Галиціи, а для этого поляки должны отказаться отъ своихъ особенныхъ преимуществъ въ странѣ, объ утвержденіи которыхъ они хлопотали въ своей прошлогодней резолюціи, и когда, во вторыхъ, оппозиція будетъ имѣть характеръ не исключительно польскій а вообще славянскій.

(Веч. Газ.)

...одержаніе 7-ой кн. „Вѣстника западной Россіи" за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержание 7-ой кн. „Вѣстника Западной Росс[ии]" за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.